

Герберт Джордж Уэллс
Колеса фортуны

Герберт Джордж Уэллс

Колеса фортуны

HarryFan http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126595
«Герберт Уэллс. Собрание сочинений в 15 томах. Том 8»: Правда; Москва; 1964

1. О главном герое нашего рассказа

Если бы вы зашли во Дворец Тканей (при условии, конечно, что вы принадлежите к тому полу, который занимается подобными вещами), – итак, если бы 14-го августа 1895 г. вы зашли

во Дворец Тканей в Путни, где, право же, только и можно купить что-либо стоящее, иными словами: в магазин господ Энтробус и компания, – «компания», кстати, приписано просто так, – и повернули бы направо, где штуки белого полотна и кипы одеял вздымаются до самых латунных прутьев под потолком, откуда свешиваются розовые и голубые ситцы, вас мог бы обслужить главный герой рассказа, который мы начинаем сейчас. Он подошел бы к вам, сгибаясь и кланяясь, вытянул бы над прилавком обе руки с шишковатыми суставами, вылезавшие из огромных манжет, выставил бы вперед острый подбородок и без тени удовольствия во взоре спросил, чем он имеет удовольствие вам служить. В случае, если бы дело касалось, скажем, шляп, детского белья, перчаток, шелков, кружев или портьер, он лишь вежливо поклонился бы и с печальным видом, округло поведя рукой, предложил бы «пройти вон туда», то есть за пределы обозримого им пространства; при другом же, более счастливом стечении обстоятельств, – а такими могли быть: простыни, одеяла, гардинная ткань, кретон, полотно, коленкор, – он предложил бы вам присесть, в порыве гостеприимства перегнувшись бы через прилавок и, судорожно притянув к себе стул за спинку, стал бы снимать с полок, разворачивать и показывать вам свой товар. Вот при таком счастливом стечении обстоятельств вы могли бы – будь вы склонны к наблюдательности и не столь поглощены заботами о доме, чтобы пренебречь остальным человечеством, – уделить главному герою нашего рассказа более пристальное внимание.

Заметив его, вы прежде всего заметили бы в нем одну удивительную черту – незаметность. На нем был мундир его профессии: черный пиджак, черный галстук и серые в полоску брюки (скрывавшие нижнюю часть тела и исчезающие во тьме и тайне под прилавком). Был он бледный, со светлыми, словно пыльными волосами, серыми глазами и редкими юношескими усиками под острым невыразительным носом. Черты лица у него были мелкие, но довольно правильные. На лацкане его пиджака красовалась розетка из булавок. Изъяснялся он, как вы бы не преминули заметить, одними «штампами» – фразами, не рожденными данными обстоятельствами, а сложившимися на протяжении веков и давно выученными наизусть. «Вот эта материя, сударыня, – сказал бы он, – расходится в один миг». «Ткань по четыре шиллинга три пенса за ярд – самая что ни на есть добротная». «Мы можем, конечно, показать вам кое-что и получше». «Уверяю вас, сударыня, мне это не составит никакого труда». Таков был его лексикон. Вот каким, повторяю, он показался бы вам на первый взгляд. Он суетился бы за прилавком, аккуратно свернул бы штуки товаров, которые вам показывал, отложил бы в сторону те, которые вы отобрали, достал бы книжечку с вложенным в нее листом копировальной бумаги и металлической пластинкой, небрежным, размашистым почерком, характерным для продавцов тканей, написал бы счет и крикнул бы: «Подписать!» Тут появился бы пухленький маленький управляющий, поглядел бы на счет очень внимательно (показав вам при этом аккуратный пробор посередине головы), еще более размашисто начертал бы через весь документ «Дж.М.», осведомился бы, не желаете ли вы еще чего-нибудь, и постоял бы рядом с вами, – если вы, конечно, платите наличными, – до тех пор, пока главный герой нашего рассказа не вернулся бы со сдачей. Еще один взгляд на него, и пухленький маленький управляющий, кланяясь и извергая фонтаны любезности, проводил бы вас до выхода. На том ваша встреча с нашим героем и закончилась бы.

Но художественная литература – в отличие от хроники – не ограничивается внешней стороной событий. Литература разоблачает внутреннюю их сущность. Современная литература разоблачает эту сущность до конца. Серьезный автор обязан рассказать вам о том, что вы не могли бы увидеть, даже если вам придется при этом покраснеть. А тем, чего вы не увидели бы у этого молодого человека, что имеет наиглавнейшее значение для нашего повествования, о чем, если уж мы решили написать эту книгу, нельзя умолчать, было – наберемся смелости и скажем прямо – необычное состояние его ног.

Подойдем к делу беспристрастно и трезво. Проникнемся ученым духом и будем изъясняться точным, почти профессорским языком добросовестного реалиста. Давайте представим себе, что ноги молодого человека – это чертеж, и отметим интересующие нас детали с беспристрастностью и точностью лекторской указки. Итак, приступим к разоблачению. На правой лодыжке молодого человека с внутренней стороны вы обнаружили бы, леди и джентльмены, ссадину и синяк, а с внешней – большой желтоватый кровоподтек. На

его левой голени красовалось два синяка: один – свинцово-желтый с багровыми отливами, а другой, явно более свежего происхождения, лилово-красный, угрожающе вздувшийся. Выше, если следовать по спирали, мы обнаружили бы противоестественное затвердение и красноту в верхней части икры, а над коленом, с внутренней стороны, как бы плотную штриховку из мелких ссадин. Мы увидели бы, что и правая нога на диво расцвечена синяками, особенно с внутренней стороны у колена. Пока все эти подробности вполне допустимы. Воспламененный нашими открытиями исследователь, возможно, пошел бы и дальше и обнаружил бы синяки на плечах, локтях и даже пальцах главного героя нашего рассказа. Право же, его словно били и колотили по самым разным местам. Но во всем надо знать меру, в том числе и в реалистических описаниях, а мы рассказали вполне достаточно, больше для нашей цели не требуется. Даже в художественной литературе надо уметь вовремя остановиться.

Теперь у читателя может возникнуть недоуменный вопрос: как же столь приличный с виду молодой приказчик умудрился довести свои ноги и вообще самого себя до такого плачевного состояния? Кто-нибудь, пожалуй, может высказать предположение, что его нижние конечности попали внутрь какой-нибудь сложной машины, скажем, молотилки или одной из этих нынешних бешеных косилок. Но у Шерлока Холмса (благопристойно и счастливо скончавшегося после столь блистательной карьеры) никогда бы не возникло такого предположения. Он бы сразу понял, что синяки на внутренней стороне левой ноги, если сопоставить их с размещением прочих ссадин и кровоподтеков, вне всякого сомнения, являются следствием попыток Начиначающего Велосипедиста взобраться на седло, а плачевное состояние правого колена равно красноречиво указывает на последствия частых, обычно несвоевременных и, как правило, неудачных приземлений. Большой же синяк на голени и вовсе выдает новичка-велосипедиста, ибо каждому из них приходится иметь дело с разными фокусами, которые выкидывает педаль. Вы хотите всего-навсего непринужденно вести за руль свою машину и – рраз! – уже потираете ушибленную ногу. Так постепенно из наивных младенцев мы превращаемся в зрелых людей. Два синяка на этом месте указывают на известное отсутствие сноровки у обучающегося и заставляют предполагать, что речь идет о человеке, не привыкшем к физическим упражнениям. Пузыри на ладонях говорят о том, с какой нервной силой сжимал руль неуверенный ездок. И так далее, пока Шерлок Холмс, перейдя к рассмотрению мелких царапин, не заключил бы, что машина была допотопная, тяжелая – весом в сорок три фунта, с рогулькой вместо рамы и с гладкими шинами, причем задняя была порядком изношена.

Итак, разоблачение закончено. За благопристойной фигурой любезного приказчика, которого я имел честь вначале вам показать, встает картина ежевечерних напряженных борений: две темных фигуры и машина на темной дороге – на дороге, что ведет из Рохэмптона к Путни-хилл, если быть точным, – звук каблука, отталкивающегося от гравия, надсадное кряхтенье, крик: «Руль крепче держите, руль!», зигзагообразное, неуверенное продвижение вперед, судорожный рывок в сторону машины вместе с человеком и – падение. Затем вы смутно различаете в темноте главного героя нашего рассказа – он сидит у обочины и в каком-то новом месте потирает ногу, а приятель его, исполненный сочувствия (но отнюдь не потерявший надежды), выправляет свернутый на сторону руль.

Вот как даже у приказчика проявляется мужественное начало, побуждая его, вопреки возможностям его профессии, вопреки доводам осторожности и ограниченности средств, искать здоровые радости и преодолевать утомление, опасность и боль. Так, стоило повнимательнее присмотреться к приказчику галантерейного магазина, и мы обнаружили под его галантерейной внешностью – человека! К этому обстоятельству (среди прочих) мы снова обратимся в конце.

Но хватит разоблачений! Главный герой нашего рассказа следует сейчас вдоль прилавка – приказчик как приказчик – с вашими покупками в руках, направляясь в камеру хранения, где различные ваши приобретения будут упакованы старшим экспедитором и отосланы вам домой. Вернувшись на свое место, наш герой схватит штуку клетчатой ткани и, держа материю за края, примется расправлять образовавшиеся складки. Рядом с ним ученик, обучающийся тому же

высокому мастерству младшего приказчика, краснощекий рыжий парень в кургузом черном пиджачке и высоченном воротничке, не спеша разворачивает и сворачивает штуки кретона. К двадцати одному году он, возможно, тоже станет полноправным младшим приказчиком, как и мистер Хупдрайвер. Над головами их с латунных прутьев свешиваются ситцы, позади – полки, забитые рулонами белой ткани. Глядя на этих двух молодых людей, можно предположить, что все их помыслы заняты тем, как бы получше расправить материю и поровнее ее сложить. По правде же говоря, ни один из них и не думает о том, что механически делают их руки. Младший приказчик мечтает о той божественной поре – теперь до нее осталось всего четыре часа, – когда он снова примется за приобретение синяков и ссадин. А думы ученика больше похожи на обычные мальчишеские мечты, и воображение его, опустив забрало, скачет по закоулкам его мозга в поисках рыцаря, с которым оно могло бы сразиться в честь Прекрасной Дамы, предпоследней из учениц в портновской мастерской наверху. Впрочем, еще лучше было бы подраться на улице с бунтовщиками, ибо тогда она могла бы увидеть его из окна.

Появление пухленького маленького управляющего с бумагой в руке возвращает обоих к действительности. Ученик развивает необычайно бурную деятельность. Управляющий критическим оком смотрит на лежащие перед ним товары.

– Хупдрайвер, – спрашивает он, – как расходится эта клетка?

Хупдрайвер отрывается от мысленного созерцания своей победы над коварным велосипедом.

– Довольно хорошо, сэр. Но крупная клетка что-то залеживается.

Управляющий останавливается у прилавка.

– Есть у вас какие-либо пожелания относительно отпуска? – спрашивает он.

Хупдрайвер ухватился за свой жиденький ус.

– Нет... Мне бы только не хотелось, сэр, идти слишком поздно.

– А что вы скажете, если через неделю?

Хупдрайвер застывает в раздумье, зажав края клетчатой ткани в руках. Лицо его отражает всю происходящую в нем борьбу. Сумеет ли он научиться за неделю? Вот в чем вопрос. Но если он откажется, отпуск получит Бриггс, и тогда дожидайся сентября, а погода в сентябре очень переменчивая. Он, естественно, принадлежит к породе оптимистов. Всем продавцам тканей приходится быть оптимистами, иначе откуда бы у них взялась такая убежденность в красоте, стойкости красок и непреходящем великолепии товаров, которые они вам продают.

Итак, решение принято.

– Это меня вполне устраивает, – произносит мистер Хупдрайвер, кладя конец паузе.

Жребий брошен. Управляющий делает пометку в своей бумажке и идет в отдел готового платья к Бриггсу – приказчику, следующему по старшинству, которое строго блюдут во Дворце Тканей. А мистер Хупдрайвер, предоставленный самому себе, то разглаживает клетку, то впадает в задумчивость, посасывая языком дупло в зубе мудрости.

В тот вечер за ужином главенствующей темой разговора был бесспорно отпуск. Мистер Причард говорил о Шотландии, мисс Айзеке превозносила Бетью-и-Куд, мистер Джадсон расхваливал достоинства норфолькских равнин с таким жаром, словно это была его собственность.

– Я? – сказал Хупдрайвер, когда очередь дошла до него. – Я, конечно, проведу отпуск на велосипеде.

– Но не будете же вы целыми днями ездить на этой вашей ужасной машине? – заметила мисс Хоу из отдела костюмов.

– Буду, – заявил Хупдрайвер как можно спокойнее, теребя свои жалкие усики. – Я отправляюсь в велопробег. По южному побережью.

– Ну что ж, мистер Хупдрайвер, единственное, чего я могу вам пожелать, – это хорошей погоды, – сказала мисс Хоу. – И поменьше падать.

– Не забудьте положить в сумку баночку с арникой, – добавил младший ученик в очень высоком воротничке. (Он присутствовал при одном из уроков на вершине Путни-хилл.)

– Ты бы лучше помолчал, – отрезал мистер Хупдрайвер, пристально и угрожающе

поглядев на младшего ученика, и вдруг с необычайным презрением добавил: – Сладостен несчастный!

– Я теперь вполне освоился с машиной, – добавил он, обращаясь к мисс Хоу.

В другое время Хупдрайвер, очевидно, уделил бы больше внимания ироническим выпадам ученика, но сейчас мозг его был всецело занят намеченным пробегом, и ему было не до защиты своего достоинства от мелких уколов. Он рано вышел из-за стола, чтобы успеть часок поупражняться на Рохэмптонской дороге до того, как запрут двери. А к тому времени, когда в доме прикрутили на ночь газовые рожки, он уже сидел на краю кровати, растирал колено арникой там, где появился новый ушиб, и изучал карту дорог Южной Англии. Бриггс из отдела готового платья, деливший с ним комнату, сидел в постели и покуривал в полутьме. Бриггс никогда в жизни не ездил на велосипеде, но он чувствовал, сколь малоопытен Хупдрайвер, и давал ему советы, какие только приходили в голову.

– Как следует смажьте машину, – говорил Бриггс. – Возьмите с собой два лимона. Не утомляйтесь до бесчувствия в первый день. Держитесь в седле прямо. Не теряйте управления машиной и при всякой оказии нажимайте на звонок. Помните об этом, и ничего страшного, Хупдрайвер, с вами не случится, можете мне поверить.

Он помолчал с минуту, – если не считать двух-трех ругательств по адресу трубки, – и разразился новым набором советов.

– Самое главное, Хупдрайвер, не переезжайте собак. Ничего нет хуже, как переехать собаку. Не давайте машине вихлять – тут один человек насмерть расшибся из-за того, что колесо у него вихляло. Не гоните, не наезжайте на тротуары, держитесь своей стороны дороги, а как завидите трамвайную колею, сворачивайте и дуйте подалее оттуда – и всегда слезайте с велосипеда засветло. Запомните несколько таких мелочей, Хупдрайвер, и ничего страшного с вами не случится, можете мне поверить.

– Правильно! – сказал Хупдрайвер. – Спокойной ночи, старина.

– Спокойной ночи, – сказал Бриггс, и на какое-то время наступила тишина, нарушаемая лишь смачным почихиванием трубки.

Хупдрайвер уже мчался в Страну Грез на своей машине, но едва он ее достиг, как был извлечен оттуда и возвращен в мир реальности. Что же его извлекло?

– Смотрите только не смазывайте руль. Это погибель, – говорил голос, исходивший из мерцающей красноватой точки. – Да каждый день чистите цепь графитом. Запомните несколько таких мелочей...

– А чтоб тебя!.. – произнес Хупдрайвер и нырнул с головой под одеяло.

2. Отъезд мистера Хупдрайвера

Лишь тем, кто трудится шесть долгих дней из семи – и так целый год, за исключением коротких восхитительных двух недель или десяти дней летом, – знакомо ни с чем не сравнимое ощущение, какое владеет человеком утром первого отпускного дня. Все повседневное, нудное и скучное внезапно отступает, и цепи твои падают к твоим ногам. И ты вдруг становишься господином своей судьбы, который может по своему усмотрению распоряжаться каждым часом этого длинного свободного дня: ты можешь идти, куда тебе заблагорассудится, никого не надо величать «сэр» или «мадам», не надо носить булавок на лацкане, можно сбросить черный пиджак, надеть те цвета, какие тебе по сердцу, и быть Человеком. Жаль времени, потраченного на сон, жаль даже тех минут, что потрачены на еду и питье, ибо они отнимают у вас драгоценные мгновения. Десять благословенных дней не надо будет вставать до завтрака и, натянув старое платье, спешить в унылый, темный магазин, открывать ставни, вытирать пыль, снимать чехлы с прилавок, приводить все в порядок; не будет повелительных окриков? «Да пошевеливайтесь же, Хупдрайвер!», не придется наспех глотать пищу и, преодолевая скуку, обслуживать придирчивых старух. Первое отпускное утро – самое восхитительное, ибо все ваше богатство еще у вас в руках. А потом каждый вечер сердце сжимается, и перед вами возникает неумолимый призрак – предчувствие скорого возвращения. Мысль о том, что вам предстоит вернуться и снова на двенадцать месяцев засесть в клетку, черной тенью начинает заслонять солнце. Но в первое утро у отпуска еще нет прошлого, и эти десять дней кажутся

вечностью.

К тому же погода стояла отличная, обещающая череду чудесных дней; по глубокому синему небу были разбросаны ослепительные громады белых облаков, словно небесные косцы сгребли в скирды остатки вчерашних туч, чтобы потом вывезти их на телегах. На Ричмондской дороге заливались дрозды, а на Путни-хилл пел жаворонок. В воздухе чувствовалась свежесть росы; капельки росы или остатки ночного ливня поблескивали на листьях и в траве. Хупдрайвер рано позавтракал благодаря любезности миссис Ганн. Он вывел свою машину и направился с ней к вершине Путни-хилл; все внутри у него пело. На середине подъема лохматый черный кот перебежал ему дорогу и скрылся под воротами. Ставни больших кирпичных домов за живыми изгородями были еще закрыты, но наш герой и за сто фунтов не поменялся бы местами ни с одним из их обитателей.

На нем был новый коричневый костюм велосипедиста – изящное, стоимостью в тридцать шиллингов, одеяние, состоящее из просторной спортивной куртки с поясом и бриджей, а ноги его, многострадальные ноги, за все перенесенные невзгоды были более чем вознаграждены толстыми клетчатými носками – «тонкими в следу, плотными на икре». Позади седла в аккуратной сумке из американского брезента лежала смена белья, а звонок, руль, втулки и лампа, хоть и немного поцарапанные, ослепительно сверкали в лучах восходящего солнца. На вершине холма, после одной-единственной неудачной попытки, закончившейся, к счастью, падением на траву, Хупдрайвер наконец взгромоздился на велосипед и, величаво и осторожно крутя педали и оставляя за собой благородный волнообразный след, отправился в свой великий велопробег по Южному побережью.

Для описания этой первоначальной фазы его пути существует лишь одно подходящее выражение – «сладострастные изгибы». Он ехал не быстро, ехал не по прямой, требовательный критик сказал бы даже, что ехал он плохо, зато он ехал свободно, размашисто, используя всю ширину дороги и даже заезжая на дорожку для пешеходов. Волнение не покидало его. Пока что ему никто не попался – ни попутный, ни встречный, но день еще только начался, и дорога была пуста. Он был настолько не уверен в своей власти над машиной, что решил заранее слезть с седла, как только появится что-либо на колесах. Длинные синие тени деревьев лежали на дороге, утреннее солнце горело янтарем. Добравшись до перекрестка на вершине Вест-хилл, где устроен водопой для скота, он повернул на Кингстон и налег на педали, преодолевая небольшой подъем. Полевой сторож в бархатной куртке, вышедший спозаранок обозреть свои владения, уставился на него. Мистер Хупдрайвер все еще брал подъем, когда на вершине холма показалась голова ломовой лошади.

При виде лошади мистер Хупдрайвер, в соответствии с принятым ранее решением, попытался слезть. Он нажал на тормоз, и машина остановилась как вкопанная. Он стал слезать, пытаясь сообразить, как же должна вести себя правая нога. Стоя на левой педали и болтая правой ногой в воздухе, он вцепился в ручки и отпустил тормоз. Тут – рассказывать это долго, а случается все в один миг! – он почувствовал, что машина его падает вправо. Пока он решал, как ему поступить, закон притяжения, видимо, не дремал. И прежде чем он успел на что-либо отважиться, машина его очутилась на земле, а сам он – сверху, на коленях, смутно сознавая, что провидение опять весьма сурово обошлось с его лодыжкой. Произошло это, когда он как раз поравнялся с полевым сторожем. Человек, ехавший в телеге, встал, чтобы лучше разглядеть бедствие.

– Так не слезают с велосипеда! – сказал сторож.

Мистер Хупдрайвер поднял с земли машину. Руль снова был свернут на сторону. Он пробормотал что-то себе под нос. Придется разбирать проклятую штуку.

– Так не слезают с велосипеда, – повторил после паузы сторож.

– Да знаю я! – с раздражением отрезал Хупдрайвер, решив не обращать внимания на боль в лодыжке. Он отстегнул сумку, висевшую позади седла, чтобы достать отвертку.

– А коли знаете, зачем же так слезали? – назидательно, но дружелюбно спросил сторож.

Мистер Хупдрайвер достал отвертку и взялся за руль. Сторож взбесил его.

– Думается, это уж мое дело, – заявил он, возясь с отверткой. Но пальцы его от непривычного напряжения отчаянно дрожали.

Сторож задумчиво смотрел на него, вертя в заложенных за спину руках палку.

– Руль у вас, что ли, сломался? – некоторое время спустя осведомился он.

В эту минуту отвертка выскочила у Хупдрайвера из паза. И он произнес одно нехорошее слово.

– Эти велосипеды кого хочешь из себя выведут, – сочувственно заметил сторож. – Кого хочешь...

Мистер Хупдрайвер со злостью крутанул отверткой и вдруг выпрямился, зажав переднее колесо между колен.

– Я бы вас попросил, – начал он, но голос его оборвался, – я бы вас попросил перестать на меня глазеть.

И с видом человека, заявившего ультиматум, принялся засовывать в сумку отвертку.

Сторож не шелохнулся. Возможно, он лишь приподнял брови и, уж конечно, еще пристальней уставился на Хупдрайвера.

– Необщительный вы человек, – медленно произнес он, меж тем как мистер Хупдрайвер уже схватился за ручки и только ждал, когда проедет телега, чтобы вскочить в седло.

Возмущение сторожа нарастало медленно, но верно.

– Что же вы не ездите по собственной дороге, «коли вам никто и слова сказать не смей?» – заметил сторож, все больше и больше проникаясь сознанием обиды. – Ишь ты, недотрога какой, не дыхни на него! Онемел ты, что ли? Или считаешь зазорным со мной разговаривать?

Мистер Хупдрайвер смотрел вперед, в Необозримое Будущее. Он словно застыл. Ругать его было все равно, что осыпать бранью каменных львов на Трафальгар-сквер. Но сторож не отступался, считая задетой свою честь.

– Такому барину и сказать ничего не смей, – заметил сторож, когда телега поравнялась с ним. – Это ж его светлость герцог – вот кто! Он иначе как с графьями и не разговаривает. И направляется он в Виндзорский дворец, не куда-нибудь, потому он так и оттопырил свой зад. Гордец! У него этой гордости столько, что пришлось часть в сумку переложить, не то бы он лопнул. Да он...

Но мистер Хупдрайвер дальше уже не слышал. Он покатил велосипед по дороге, отчаянно подпрыгивая и судорожно пытаясь вскочить в седло. Нога его опять прошла мимо педали, и он злобно выругался, к великому удовольствию сторожа.

– Ату его! Ату! – крикнул вслед сторож.

Тут Хупдрайвер вскочил в седло, машина сделала головокружительную восьмерку, и в следующую минуту сторож остался далеко позади.

Мистеру Хупдрайверу очень хотелось бы обернуться и посмотреть на своего врага, но в таких случаях колесо у него обычно заворачивалось, и он падал. Ему оставалось лишь представить себе, как возмущенный сторож во всех подробностях рассказывает возчику о происшедшем. И он постарался придать своей удаляющейся фигуре возможно более презрительный вид.

Он продолжал свой извилистый путь вниз, к новому пруду, а затем вверх, на вершину холма, противоположный склон которого ведет в Кингстонскую долину, и – так уж устроена психика велосипедиста – ехал он теперь прямее и легче, ибо чувства, вызванные к жизни встречей с полевым сторожем, отвлекали его от ожидания неминуемого падения, подрывавшего раньше твердость его духа. Езда на велосипеде во многом схожа с ухаживанием за женщиной: главную роль тут играет уверенность в себе. Стоит поверить в успех – и все в порядке; только начни сомневаться – и все потеряно.

Очевидно, вы думаете, что теперь Хупдрайвером владела либо жажда мести, либо чувство раскаяния – мести за издевательства сторожа и раскаяния в собственной неразумной вспыльчивости. На самом же деле он не испытывал ни того, ни другого. Наоборот, он торжествовал. И начинавшийся спуск вновь заиграл перед ним всеми своими красками. На вершине холма он поставил ноги на специальные упоры и довольно прямо, слегка тормозя, съехал по пологому спуску. Глаза его горели восторгом, какой не может родить просто радость быстрой езды по утренней прохладе. От удовольствия он вытянул большой палец и позвонил.

– Это ж его светлость герцог – вот кто! – шепотком произнес себе под нос мистер Хупдрайвер, мчась под гору, и повторил: – Его светлость герцог!

И он беззвучно рассмеялся. Вот что значит хорошо сшитый костюм! Его превосходство

было столь очевидно, что даже такой человек, как сторож, заметил это. Целых десять дней не видеть отдела тканей! Вышел из отдела – и ты человек! Труженик, приказчик Хупдрайвер исчез с лица земли. На его месте появился джентльмен, человек, живущий в свое удовольствие, с пятифунтовой бумажкой, двумя соверенами и некоторым количеством серебра, рассованными по разным карманам, как ему удобнее. Во всяком случае, ничуть не хуже герцога, хоть и без титула. Стоило Хупдрайверу вспомнить о своих капиталах, как правая рука его машинально оторвалась от руля и потянулась к внутреннему карману, но рывок велосипеда в сторону кладбищенской стены тотчас вернул его к действительности. Э-эх! Едва не наехал на битый кирпич! Только злоумышленники могли набросать его посреди дороги. Сущие проходимцы! Посадить бы нескольких хулиганов на скамью подсудимых – Другим неповадно было бы. Это, наверно, пряжка от сумки стучит сзади по щитку. До чего же-весело жужжат колеса!

На кладбище царили тишина и покой, но долина уже пробуждалась, со стуком и скрипом распахивались окна, а из одного дома выскочила белая собака и принялась лаять на Хупдрайвера. С трудом переводя дух, он слез с велосипеда у подножия Кингстон-хилла и, подталкивая машину, двинулся в гору. На полпути его обогнала телега вставшего спозаранок молочника; два грязных человека с мешками торопливо прошли навстречу. Не иначе как разбойники, несущие домой добычу.

Поднимаясь на Кингстон-хилл, он впервые заметил какую-то странную тяжесть в коленях, но, добравшись до вершины, заметил и то, что едет он гораздо прямее, чем раньше. И радость оттого, что он научился прямо ездить, заставила его забыть об этих первых признаках усталости. Появился человек верхом; Хупдрайвер, ошеломленный собственной смелостью, проехал мимо него и помчался под откос в Кингстон, сопровождаемый грохотом отвертки, ударявшейся в сумке о масленку. Безо всяких злключений миновал он повозку фруктошника и медленно тащившуюся телегу с кирпичами. А в Кингстоне Хупдрайвер испытал величайшее наслаждение, увидев мануфактурный магазин с приоткрытыми ставнями и в окне двух молодых людей в пропыленных старых пиджаках и грязных белых шерстяных шарфах, которые, зевая, уносили доски, ящики и бумагу, готовя витрину. Вот таким же был и Хупдрайвер всего лишь накануне. Но сейчас разве он не его светлость герцог в глазах простонародья? Итак, за угол направо, отчаянный трезвон – и дальше по дороге в Сэрбитон.

Вперед – к Свободе и Приключениям! Время от времени какой-нибудь домик с сонным удивлением открывал глаз, когда мистер Хупдрайвер проезжал мимо; справа от него на протяжении целой мили сверкали и горели неторопливые воды Темзы. Какая *joie de vivre* note 1, – но в коленях тяжесть все увеличивалась, и икры все сильнее сводила судорога.

3. Позорный инцидент, происшедший при встрече с юной леди в сером

Следует иметь в виду, что мистер Хупдрайвер не принадлежал к числу бойких молодых людей. Даже будь он царем Лемуилом note 2, он едва ли мог бы лучше блюсти наставления своей матушки. На представительниц женского пола он смотрел как на существа, которым надо кланяться, а потом – ухмыляться вслед с безопасного расстояния. Годы, проведенные за прилавком, который приближал их к нему и в то же время отгораживал, не прошли бесследно. Для него было целым событием пойти в церковь с какой-нибудь из работавших в магазине юных леди. Словом, немного найдется современных молодых людей, к кому так мало подходил бы эпитет «фатоватый». Зато, наверное, в самом металле его машины было что-то ухарское. Это была, бесспорно, машина с прошлым. Мистер Хупдрайвер купил ее из вторых рук у Хейра

Note1

радость жизни (франц.)

Note2

Лемуил – персонаж из библейских притч Соломоновых, которого мать наставляла «не отдавать женщинам сил своих»

в Путни, и Хейр не скрывал, что у велосипеда уже было несколько хозяев. Собственно, выражение «из вторых рук» едва ли тут подходит, ибо Хейр сам был несколько удивлен тем, что ему удалось продать такую древность. Он сказал, что велосипед в полной исправности, хоть, может, и несколько старомоден, но он ни словом не обмолвился об его моральных качествах. Вполне возможно, что когда-то, в блестящую пору юности, велосипед начинал свою карьеру службой у поэта. Вполне возможно, что он был даже собственностью Действительно Дурного Человека. Всякий, кто хоть когда-либо ездил на велосипеде, может засвидетельствовать, что эти машины обладают необъяснимой способностью приобретать дурные привычки и сохранять их.

Неоспоримо одно: велосипед затрясся в конвульсиях от избытка чувств, как только появилась Юная Леди в Сером. Он начал вилять самым беспримечным образом, беспримечным, во всяком случае, на памяти Хупдрайвера. Он «пускал пыль в глаза» и выписывал умопомрачительные загогулины – совсем как на рисунках Бердсли. Ко всему этому Хупдрайвер вдруг почувствовал, что кепи его съехало на сторону и он с трудом переводит дух.

Юная Леди в Сером тоже ехала на велосипеде. Она была в красивом голубовато-сером костюме, и солнце, освещавшее ее сзади, как бы очертило золотом ее силуэт, оставив все остальное в тени. Хупдрайвер все же заметил, что она молода, довольно стройна, темноволоса, глаза у нее блестящие, а щеки горят румянцем. Что до нижней части ее туалета, то она вызвала у него крайнее недоумение. Он, конечно, слышал о такой моде, очевидно, французского происхождения. Руль у Юной Леди сверкал; звонок отбрасывал слепящие блики солнечного света. Она приближалась к шоссе по дороге от пригородных вилл Сэрбитона. Дорога эта сходилась с шоссе под острым углом. Юная Леди ехала примерно с той же скоростью, что и мистер Хупдрайвер. Таким образом, все указывало на то, что они должны встретиться у развилки.

И тут Хупдрайвером овладело невероятное смятение. По сравнению с ней он ехал очень некрасиво. Не стоит ли поскорее слезть и сделать вид, будто что-то не в порядке с педалью? Но ведь неизвестно, удастся ли ему благополучно слезть. Вспомнить только, как последний раз он слезал у Путни-хилл! Ну, а что будет, если он не слезет? Ехать очень медленно казалось ему оскорбительным для его мужского достоинства. Еще того не хватало, чтобы он полз следом за какой-то школьницей! К тому же и едет-то она не очень быстро. С другой стороны, ринуться вперед и заколесить по дороге во всю ее ширину, словно рак, распутивший клешни, было бы невежливо: нельзя так жадничать, ведь он оставил бы для Юной Леди совсем мало места! Профессиональная привычка побуждала его поклониться и пропустить даму вперед. Если бы можно было на секунду оторвать от руля руку, он проехал бы молча, приподняв кепи. Но и это было чревато гибельными последствиями.

Тем временем дороги их сошлись. Юная Леди смотрела на него. Она была румяная, очень тоненькая, с очень блестящими глазами. Пунцовые губы ее приоткрылись. Возможно, это объяснялось быстрой ездой, но похоже, что она слегка улыбалась. И нижняя часть ее тела, – да, конечно! – была облачена в брюки до колен! Мистером Хупдрайвером вдруг овладело неудержимое стремление спастись бегством. Он судорожно закрутил педалями, намереваясь ее обогнать. Тут какая-то жестянка попала ему под колесо, подскочила и застряла под щитком от грязи. Велосипед повернул прямо на Юную Леди. Дьявол, что ли, вселился в него?

В эту решающую минуту мистеру Хупдрайверу пришло в голову, что разумнее всего было бы слезть с велосипеда. Но вместо этого он нажал на педали и попытался объехать Юную Леди; тут ему показалось, что машина стала крениться набок, он снова выпрямил руль, инстинктивно повернул влево и проехал мимо нее, на волосок от ее заднего колеса. Однако здесь его подстерегала обочина тротуара. Не успел он опомниться, как машину подбросило, и он покатило прямо на деревянный забор. Он врезался в него на полном ходу, вылетел из седла и сел на раму. Машина начала клониться набок, и он очутился на гравии, застряв ногами между рамой и тормозом. Падение на гравий болью отозвалось во всем его теле. Он так и остался сидеть, жалея, что не сломал себе шеи, а еще больше жалея о том, что вообще родился на свет. Вся радость жизни куда-то исчезла. Нечего сказать, его светлость герцог! Черт бы побрал этих женщин, в которых нет ничего женского!

Послышалось легкое шуршание, скрип тормоза, шаги, и Юная Леди в Сером остановилась

над ним, придерживая свою машину. Она ведь уже проехала мимо – значит, она вернулась. Яркое солнце светило теперь ей в лицо.

– Вы ушиблись? – спросила она. У нее был приятный звонкий девичий голосок. Она была в самом деле очень юна, в сущности, совсем девочка. А как хорошо ездит! Это была горькая пилюля для Хупдрайвера.

Мистер Хупдрайвер тотчас встал.

– Нисколько, – довольно уныло произнес он. И с огорчением обнаружил, что гравий, налипший на его куртку, едва ли украшает ее. – Мне, право, очень неприятно...

– Это я виновата, – перебила она его и таким образом не дала вымолвить «мисс». (Он, правда, знал, что это не принято, но уж очень укоренилась в нем привычка обращаться так к покупательницам.) – Я хотела объехать вас не с той стороны. – Лицо и глаза ее смеялись. – Поэтому-то я и должна извиниться.

– Но ведь все произошло из-за того, что я не туда повернул руль...

– Мне следовало бы заметить, что вы новичок в этом деле, – с оттенком превосходства произнесла она. – Но там вы ехали так ровно и прямо!

Право же, она была сногшибательно хороша. Чувства мистера Хупдрайвера разыгрались. И он заговорил уже с оттенком легкого аристократизма:

– Вообще говоря, это моя первая поездка. Но, конечно, это не может служить оправданием для моей... м-м... неловкости.

– У вас палец в крови, – внезапно заметила она.

Он увидел, что ободрал себе руку.

– Я даже не почувствовал, – мужественно заявил он.

– Сначала никогда не чувствуешь. У вас нет с собой пластыря? Если нет...

Она прислонила к себе велосипед. Сбоку у нее был карманчик, она извлекла оттуда пакетик пластыря и ножницы в футляре и щедрой рукою отрезала ему большой кусок. У него возникла дикая мысль попросить, чтобы она сама наложила ему на рану пластырь. Но он сдержался.

– Благодарю вас, – сказал он.

– Машина в исправности? – осведомилась она, не выпуская из рук руля своего велосипеда и глядя на распростертую на земле машину. Хупдрайвер впервые не почувствовал за нее гордости.

Он встал на ноги и принялся поднимать рухнувший велосипед. А когда взглянул через плечо, то обнаружил, что Юной Леди уже нет рядом; он повернул голову и посмотрел через другое плечо: она ехала по дороге.

– Тьфу! – вырвалось у Хупдрайвера. – Чтоб мне провалиться! Лихо она меня обставила! – Когда он беседовал сам с собой, речь его не часто отличалась аристократической утонченностью.

В уме у него царил полный смятение. Одно было ясно: на его горизонте появилось прелестнейшее и совсем необычное существо, оно промелькнуло и вот-вот исчезнет. Безрассудство, свойственное человеку, находящемуся в отпуске, бродило у него в крови. Она обернулась!

Он тотчас выкатил свою машину на дорогу и судорожно попытался вскочить в седло. Тщетно. Еще одна попытка. Черт побери, да неужели он никогда не сможет снова залезть на эту штуку? Девушка сейчас завернет за угол. Еще одна попытка. Ах да, педаль! Опять руль не держит! Нет! Вышло! Он вцепился в ручки и нагнул голову. Сейчас он нагонит незнакомку.

Время повернуло вспять. Первобытный человек в эту минуту возобладал над порождением цивилизации – Приказчиком. Он с поистине первозданной дикостью крутил педали. Так человек эпохи палеолита, наверное, мчался бы на высеченном из камня велосипеде за той, которая по закону экзогамии могла быть его половиной. Она исчезла за углом. Он делал титанические усилия. Что же он ей скажет, когда нагонит? Вначале это почти не волновало его. До чего же она была хороша, когда подошла к нему, покрасневшая от езды, слегка запыхавшаяся, но такая гибкая, энергичная! Где им до нее, всем этим комнатным растениям, благовоспитанным барышням, с лицами цвета холодной телятины! Но что же он ей все-таки скажет? Это не давало ему покоя. И кепи он приподнять не может без риска вновь пережить

недавний позор. Она настоящая Юная Леди. Никаких сомнений! Это вам не какая-нибудь краснощекая продавщица. (Никто на свете не презирает так своего ближнего, как продавцы – продавщиц, вот разве только продавщицы – продавцов.) Фу! Вот это работенка! Колени его совсем было одеревенели, потом снова отошли.

«Разрешите осведомиться, кому я обязан...» – пыхтел он себе под нос, примериваясь. Пожалуй, сойдет. Хорошо, что у него есть визитные карточки! Шиллинг за сотню – исполнение в присутствии заказчика. Он задыхался. Дорога действительно шла немного в гору. Он завернул за угол и увидел нескончаемую ленту дороги, а на ней вдали серый костюм. Он стиснул зубы. Неужели он нисколько не нагнал ее?

– Эй, обезьяна на вертеле! – крикнул вслед ему какой-то мальчишка.

Хупдрайвер удвоил усилия. Дыхание с шумом вырывалось у него из груди, руль снова заходил ходуном, педали отчаянно крутились. Капля пота попала ему в глаз – едкая, как кислота. Дорога действительно шла в гору – тут уж не могло быть двух мнений. Весь его организм взбунтовался. Последним отчаянным усилием он достиг поворота и увидел впереди отрезок тенистой дороги, а на ней – ни души, только тележка булочника. Переднее колесо у Хупдрайвера вдруг резко взвизгнуло.

– О господи! – произнес он вслух и весь сразу обмяк.

Так или иначе она все равно умчалась. Он еле слез с велосипеда, – ноги у него были точно ватные, – прислонил машину к поросшей травой обочине и сел, чтобы отдышаться. На руках у него вздулись вены, и пальцы заметно дрожали, дыхание с трудом вырывалось из груди.

«Нет у меня еще сноровки, – заметил он про себя. – Теперь ноги словно налились свинцом. И такое чувство, будто я не завтракал сегодня».

Он отстегнул боковой карман и достал новенький портсигар и пачку сигарет «Копченая селедка». Набил ими портсигар. Взгляд его с одобрением задержался на клетчатом узоре новых носков. И в глазах появилось отрешенно-мечтательное выражение.

«Да, Девушка была сногшибательная, – подумал он. – Увижу ли я ее когда-нибудь еще? А как ездит! Интересно, что она обо мне подумала».

Тут ему вспомнилась фраза сторожа об «его светлости герцоге», и это несколько утешило его.

Он закурил сигарету и, попыхивая ею, продолжал мечтать. Он даже глаз не поднимал на проезжавшие мимо экипажи. Так прошло минут десять. «Ерунда все это! Что толку от этих дум? – решил он. – Ведь я всего лишь младший приказчик, черт возьми!» (Вернее, сказал он не «черт возьми», а кое-что другое. Служба в магазине может навести внешний лоск, зато общежитие продавцов вряд ли научит хорошим манерам и высоким моральным принципам.) Он встал и повел свою машину по направлению к Эшеру. День обещал быть прекрасным, и живые изгороди, деревья и поля ласкали его усталый взор горожанина. Но от душевной приподнятости, которую он ощущал раньше, не осталось и следа.

– А вот джентльмен идет с велосипедиком, – сказала няня существу, которое она везла в коляске по обочине.

Эти слова слегка заживили раны мистера Хупдрайвера. «Джентльмен с велосипедиком», «его светлость герцог» – значит, не такой уж у меня жалкий вид, – подумал он. – Интересно... Просто хотелось бы знать...»

Было что-то очень ободряющее в сознании, что она едет прямо и неуклонно впереди него, оставляя за собой след своих шин. Конечно, это ее след. Ведь утром по дороге никто еще не проезжал на шинах. Вполне возможно, что он увидит ее, когда она будет возвращаться. Попробовать сказать ей что-нибудь такое галантное? Он принялся гадать, кто она такая. Наверно, одна из этих «новых женщин». Он был убежден, что на них клеветают. Она, во всяком случае, настоящая леди. И к тому же богатая! Ее машина, должно быть, стоила фунтов двадцать. Тут его мысль отвлеклась и некоторое время витала вокруг ее зримого облика. Спортивный костюм отнюдь не лишал ее женственности. Тем не менее возможность стать претендентом на ее руку была им тотчас с возмущением отвергнута. Затем мысли его опять изменили направление. Надо будет остановиться в ближайшей гостинице и срочно перекусить.

4. По дороге в Рипли

В положенное время мистер Хупдрайвер добрался до «Маркиза Грэнби» в Эшере. Проехав под железнодорожным мостом и увидев впереди вывеску гостиницы, он сел на велосипед и храбро подкатил к самому порогу. Он заказал пиво, а также сухарики и сыр – компанию, вполне подходящую для пива; пока он все это поглощал, в зал вошел человек средних лет, в рыжем костюме для велосипедной езды, очень красный, потный и злой, и с горестным видом потребовал лимонаду; затем он сел у бара и принялся вытирать лицо. Однако не успев сесть, он снова вскочил и выглянул на улицу.

– А черт! – сказал он. И добавил: – Чертов кретин.

– Что? – повернулся к незнакомцу мистер Хупдрайвер, пережевывая сыр.

Человек в рыжем костюме посмотрел на него.

– Я обозвал себя «чертовым кретином», сэр. Вы возражаете?

– Нет, что вы, что вы! – поспешил заверить его мистер Хупдрайвер. – Мне показалось, что вы обращаетесь ко мне. Я не расслышал, что вы сказали.

– Когда у человека созерцательный ум и энергичный характер, сэр, это – проклятие. Говорю вам, проклятие. Созерцательный ум при флегматическом темпераменте – вот тут все в порядке. Но энергия и философичность...

Мистер Хупдрайвер постарался придать своему лицу возможно более интеллигентное выражение, но промолчал.

– Никакой спешки нет, сэр, никакой. Я отправился поразмяться, немножко поразмяться, полюбоваться природой и пособирать растения. Но стоит мне сесть на эту проклятую машину, как я изо всех сил начинаю гнать и хоть бы разок взглянул направо или налево, хоть бы цветок какой заметил – ничего подобного, только устал, взмок и разгорячился, точно меня на сковородке поджаривали. И вот я здесь, сэр. Примчался из Гилдфорда меньше чем за час. А спрашивается, зачем, сэр?

Мистер Хупдрайвер покачал головой.

– Потому что я кретин, сэр. Потому что у меня целые резервуары мускульной энергии, и один из них всегда протекает. Дорога эта, я убежден, на редкость красивая, есть тут и птицы и деревья, и цветы растут на обочине, и я бы получил огромное наслаждение, любуясь ими. Но мне это не дано. Стоит мне сесть на велосипед, как я должен мчаться. Да меня на что угодно посади, я все равно буду мчаться. А ведь я вовсе этого не хочу. Скажите на милость, почему человек должен мчаться, точно ракета, так, что только дым столбом? Почему? Меня это страшно злит. Уверяю вас, сэр, я мчусь по дороге как угорелый и на чем свет стоит ругаю себя. Ведь, в сущности, я по натуре спокойный, почтенный, рассудительный человек – вот что я такое, а сейчас, извольте, трясусь от злости и ругаюсь, точно пьяный мастеровой, в присутствии совершенно незнакомого человека...

И весь день у меня даром пропал. Я даже и не видел этой сельской дороги, а теперь я уже почти у самого Лондона. А ведь мог бы наслаждаться природой все утро! Уф! Ваше счастье, сэр, что у вас спокойный нрав, что врожденная страсть к издевкам не доводит вас до безумия и что ваши душа и тело не грызутся друг с другом, как кошка с собакой. Жизнь у меня, поверьте, самая несчастная. Но какой смысл говорить об этом? Тут уж ничего не поделаешь!

Он с невыразимым отвращением откинул голову, вылил себе в рот лимонад, расплатился и, не проронив больше ни звука, направился к двери. Мистер Хупдрайвер все еще раздумывал, что бы сказать, но его собеседник уже исчез. Послышался хруст гравия под каблуком, и когда мистер Хупдрайвер достиг порога, человек в рыжем костюме уже проехал с десятков ярдов в направлении Лондона. Он наращивал скорость. И все ниже опуская голову, с плохо сдерживаемой злостью изо всей силы крутил педали. Еще минута – и он исчез из виду под аркой железнодорожного моста, и мистер Хупдрайвер никогда больше не встречал его.

Проводив глазами этот ураган, мистер Хупдрайвер расплатился по счету, мышцы ног у него теперь немного отошли, он сел на велосипед и двинулся дальше в направлении Рипли по прекрасной, но извилистой дороге. Он с удовлетворением отметил, что значительно лучше стал владеть машиной. По пути он задал себе несколько несложных задач и выполнил их с

переменным успехом. Он решил, скажем, провести машину между двумя камнями, отстоящими друг от друга примерно на фут, – штука нехитрая для переднего колеса, но заднее колесо, не попадающее в поле зрения человеческого глаза, норовит ехидно прокатиться как раз по камню, отчего седок весь – от копчика до макушки – претерпевает сильнейшую встряску, а шляпа его может съехать на глаза и тем самым вызвать еще большее смятение. Или вот: можно снять руку, а то и обе руки с руля – вещь сама по себе несложная, но могущая привести к неожиданным последствиям. Этот подвиг мистеру Хупдрайверу особенно хотелось совершить по многим, весьма разным причинам, но до сих пор все его усилия кончались лишь судорожной попыткой сбалансировать и новыми, весьма неизящными способами приземления.

Человеческий нос – в лучшем случае никому не нужный нарост. Есть люди, которые считают его украшением лица, и на того, кто его лишен, смотрели бы с жалостью или насмешкой, тем не менее наше уважительное отношение к этому органу объясняется скорее дурным влиянием принятой во всем мире моды, чем его бесспорной красотой. Ну, а для начинающих велосипедистов, равно как и для детей обоего пола, нос не просто бесполезен, он еще является источником постоянного беспокойства, ибо требует неослабного внимания. Пока человек не научится ездить, держа руль одной рукой, а другой – отыскивая по карманам, вытаскивая и пуская в ход носовой платок, езда на велосипеде неминуемо состоит из сплошных остановок. Автор далек от грубого реализма, однако нос мистера Хупдрайвера весьма отчетливо и недвусмысленно заявлял о своем существовании, и мы не можем с этим не считаться. В дополнение ко всему прочему существуют еще мухи. До тех пор, пока велосипедист не научится править одной рукой, лицо его находится во власти Вельзевула. Задумчивые мухи разгуливают по нему и ненароком щекочут наиболее чувствительные места. Единственный способ согнать их – это отчаянно мотать головой, строя невероятнейшие гримасы. Но это не только длительный и, как правило, не очень эффективный метод, он еще производит весьма устрашающее впечатление на пешеходов. А иногда пот так обильно стекает по лицу начинающего велосипедиста, что ему приходится ехать какое-то время, закрыв один глаз, что придает ему игривый, отнюдь не соответствующий его настроению и не способствующий обузданию нахалов вид. Короче говоря, теперь вам понятны причины, побуждавшие мистера Хупдрайвера проводить всякие эксперименты. Он вскоре научился достаточно ловко и хлестко бить себя правой рукой по лицу, не опрокинув при этом машины, но носовой платок, пока он сидел в седле, был столь же недостижим для него, как если бы лежал в Калифорнии.

И все же не следует думать, что эти мелкие неполадки хоть в какой-то мере омрачали настроение мистера Хупдрайвера. Он ехал и все время помнил о том, что в это самое время Бриггс еще возится с витриной, а Гослинг, ученик с горящими ушами, опрокинув на прилавок стул, усиленно трудится, скатывая льняное полотно, – лишь тот, кто скатывал штуки льняного полотна, знает, какое это отвратительное занятие, – что в магазине пыльно и, возможно, туда уже явился управляющий и покрикивает на всех. А здесь тихо и зелено, и поезжай куда хочешь, и нигде ни души, и не надо кричать: «Подписать!», не надо складывать остатки, никто не орет на тебя: «Хупдрайвер, пошевеливайтесь!» Он даже чуть не переехал какого-то удивительного маленького рыжего зверька на коротких лапках и с желтым хвостом, который перед самым его носом выскочил на дорогу. Это была первая белка, которую он видел за всю свою жизнь обитателя лондонских окраин. А впереди были мили, десятки миль пути – хвойные леса и дубовые рощи, лиловые вересковые пустоши и зеленые долины, сочные луга, по которым лениво пролагали свой путь сверкающие реки, деревни с каменными церквями, увенчанными четырехугольной колокольней, и простыми, увитыми плющом, приветливыми гостиницами, чистенькие, беленькие городки, длинные, пологие склоны, по которым катишь без помех (если не считать двух-трех случайных толчков), и далеко там, за всем этим, – море.

Ну что может значить какая-то муха, когда перед человеком открываются такие перспективы? Возможно, мистера Хупдрайвера на минуту и обескуражил позорный эпизод с Юной Леди в Сером, возможно, память об этом свила себе гнездышко в каком-нибудь уголке его мозга и еще будет время от времени досаждать ему напоминанием о том, до чего же глупо он выглядел, но пока это нисколько его не тревожило. Господин в рыжем костюме – настоящий аристократ, это ясно – говорил с ним как с равным; это подтверждали собственные колени,

обтянутые коричневыми брюками, и собственные клетчатые носки, которые всегда были у него перед глазами (вернее, могли быть, если слегка наклонить голову вбок). А какое наслаждение чувствовать, как ты постепенно все больше и больше овладеваешь искусством управлять этой чудесной и одновременно предательской машиной! Правда, через каждые полмили колени его давали о себе знать, он слезал с седла и отсиживался на обочине.

В прелестном местечке между Эшером и Клэпхемом, там, где через речку перекинут мостик, мистер Хупдрайвер повстречался еще с одним велосипедистом в коричневом костюме. Здесь долженствует сказать об этом, хотя встреча и была мимолетной, ибо впоследствии Хупдрайверу довелось познакомиться с этим человеком поближе. У этого человека в коричневом был ослепительно новый велосипед, а на коленях лежала проколота шина. Это был очень светлый блондин лет тридцати или немногим больше, с бледным лицом, орлиным носом и светлыми, свисающими усами; он сидел с мрачным видом и смотрел на прокол. При виде его мистер Хупдрайвер приосанился и проехал мимо так, словно всю жизнь провел на колесах.

– Великолепное утро, – заметил мистер Хупдрайвер, – и дорога отличная!

– А чтоб вас всех – и утро, и вас, и дорогу! – изрек велосипедист в коричневом, когда Хупдрайвер уже проехал.

Хупдрайвер слышал, как тот что-то произнес, но не различил слов и покатил дальше, преисполненный приятного сознания, что и он принадлежит на равных правах с другими к славному братству велосипедистов. А тот человек в коричневом смотрел ему вслед.

– Грязный пролетарий, – изрек он с какой-то пророческой антипатией. – И надо же было ему надеть костюм точь-в-точь как у меня. Можно подумать, что он задался целью выставить меня на посмешище. Таков уж мой удел! А ноги как выворачивает! И зачем только небо создает таких людей!

И, закурив сигарету, тот человек в коричневом занялся своим делом.

А мистер Хупдрайвер ехал в гору по дороге, ведущей в Клэпхем, достигнув такого места, где, по его глубокому убеждению, тот, другой человек в коричневом, уже не мог его видеть, он слез с машины и повел ее, пока близость деревни и собственная гордость не заставили его снова взгромоздиться на седло.

За Клэпхемом случилось нечто восхитительное, точнее, восхитительным это было вначале, а потом, оглядываясь назад, он и сам не знал, как это определить. Произошло это, пожалуй, на полпути между Клэпхемом и Рипли. Мистер Хупдрайвер спускался с пологого холма, где по обеим сторонам дороги росли большие замшелые деревья и папоротники, и впереди увидел прямую желтую ленту дороги, тянувшейся между редких сосен по широкой, поросшей вереском равнине, а на обочине, примерно в полумиле от него, стояла маленькая серая фигурка и махала чем-то белым.

– Не может быть! – произнес мистер Хупдрайвер, крепче сжимая руль.

Он приналег на педали, глядя прямо перед собой, наскочил на камень, покачнулся, выправил машину и покатил еще быстрее, продолжая смотреть вперед.

– Не может быть! – повторил Хупдрайвер.

Он старался ехать как можно прямее и изо всех сил крутил педали, не обращая внимания на то, что ноги его с каждой минутой все больше немеют.

– Не может этого быть! – снова сказал он, хотя все больше убеждался в том, что это так и есть. – А ведь я же не знаю... – вслух подумал мистер Хупдрайвер, бешено работая ногами. – Черт бы побрал мои ноги!

Но он продолжал ехать и неуклонно приближался к цели, тяжело дыша и точно липкая бумага собирая на себя мух. В ложбине он скрылся из виду. Но вот дорога стала снова подниматься в гору, и сопротивление педалей возросло. Добравшись до вершины холма, он на расстоянии какой-нибудь сотни ярдов впереди увидел ее. «Она! – вскричал он. – Это она, положительно она. Она узнала мой костюм...» Это было даже вернее, чем мистер Хупдрайвер мог предполагать. Но она больше не махала платком и даже не смотрела на него. Она медленно шла навстречу ему, ведя по дороге свой велосипед, и любовалась красивыми лесистыми

холмами, что тянутся в направлении Уэйбриджа. Держалась она так, будто и не подозревала о его существовании.

На секунду страшное сомнение овладело мистером Хупдрайвером. Приснился ему, что ли, этот платок? К тому же он весь взмок, лицо его – он чувствовал – пылало. Должно быть, все дело тут в кокетстве – она, конечно, махала платком. Как лучше: доехать до нее и тогда слезть с велосипеда или же слезть сейчас и идти к ней навстречу? Хорошо, что она не смотрит на него, иначе он, безусловно, свалился бы, если бы вздумал приподнять кепи. Быть может, поэтому она и отвернулась. Пока он раздумывал, машина его поравнялась с девушкой. Она, наверно, слышит, как он задыхается. Он нажал на тормоз. Осторожно! Правая нога его взлетела в воздух, и он, пошатываясь, тяжело слез с велосипеда, но устоял. Она с великолепно разыгранным изумлением посмотрела на него.

Мистер Хупдрайвер постарался любезно улыбнуться и, придерживая машину, приподнял кепи и грациозно раскланялся. Во всяком случае, он считал, что это выглядело именно так. Он был на редкость неспособен критически посмотреть на себя, а потому даже не отдавал себе отчета в том, что ко лбу его прилипла прядь влажных волос, и прическа вообще была в беспорядке. Последовала неловкая пауза.

– Чем я имел бы удовольствие... – вкрадчиво начал было мистер Хупдрайвер. – Я хочу сказать, – тотчас поправился он, вспомнив, что он человек свободный и принимая самый аристократический тон, – могу я быть вам чем-то полезен?

Юная Леди в Сером прикусила нижнюю губку и очень мило сказала:

– Нет, благодарю вас.

И отвела глаза, всем своим видом показывая, что намерена продолжать путь.

– О! – произнес мистер Хупдрайвер, пораженный ее ответом и снова теряя почву под ногами. Это было так неожиданно. Он попытался понять, что же это значит. Кокетство? Или же он...

– Извините, одну минуточку, – пролепетал он, видя, что она двинулась дальше.

– Что такое? – спросила она, останавливаясь, и, слегка покраснев, не без удивления воззрилась на него.

– Я бы не сошел с велосипеда, если бы... мне не показалось, что вы... м-м... махали чем-то белым. – И он умолк.

Она пристально посмотрела на него. Значит, он видел! Но она тут же решила, что он отнюдь не закоренелый нахал, спешащий воспользоваться ошибкой, а наивная душа, ничего дурного не замышляющая, просто ищущая радостей жизни.

– Я в самом деле махала платком, – сказала она. – Извините, что ввела вас в заблуждение. Я жду... знакомого... одного господина. – Щеки ее вспыхнули еще ярче. – Он едет на велосипеде, и у него коричневый костюм. И, понимаете, на расстоянии...

– Да, безусловно! – произнес мистер Хупдрайвер, мужественно подавляя горькое разочарование. – Конечно.

– Мне, право же, очень неловко. Я причинила вам столько беспокойства, заставила слезть с машины...

– Никакого беспокойства. Уверю вас, – машинально произнес мистер Хупдрайвер, перегибаясь через седло, как будто это был прилавок. У него как-то не хватало духу сказать ей, что человек, которого она ждет, сидит там, недалеко, с проколотой шиной. Он оглянулся на дорогу, стараясь придумать, что бы еще добавить. Но бездна молчания все расширялась – быстро и неотвратимо. – Больше ничего не прикажете? – с отчаяния начал было мистер Хупдрайвер, прибегая к запасу своих штампов.

– Нет, благодарю вас, – решительно заявила она. И тотчас добавила: – Это ведь дорога в Рипли?

– Безусловно, – сказал мистер Хупдрайвер. – До Рипли отсюда будет мили две, если судить по дорожным столбам.

– Благодарю вас, – с жаром произнесла она. – Очень вам благодарна. Я была уверена, что не ошиблась. И, право же, мне очень неприятно...

– Не будем об этом говорить, – сказал мистер Хупдрайвер. – Не будем. – Он помедлил и крепче ухватился за руль, намереваясь сесть на велосипед. – Это мне неприятно... – Сказать

или нет? Не будет ли это дерзостью? Была не была! – ...неприятно, что я не тот джентльмен.

Он попытался спокойно и многозначительно улыбнуться, но тотчас почувствовал, что лишь глупо осклабился; почувствовал, что она осуждает его, более того, презирает; устыдился, увидев выражение ее лица, повернулся к ней спиной и стал (весьма неуклюже) взбираться на велосипед. Наконец он сел в седло, машина сделала невероятный зигзаг, и он покатил, отчаянно петляя и мучительно сознавая это. И все-таки благодарение богу хотя бы за то, что он вообще сумел сесть в седло! Он не мог видеть Юной Леди, ибо обернуться было бы слишком опасно, но он представлял себе, какое у нее сейчас должно быть возмущенное и безжалостное лицо. Он казался самому себе непроходимым идиотом. Надо быть очень осторожным, когда разговариваешь с Юной Леди, а он вздумал обращаться с ней как с какой-нибудь простой девчонкой. Это непростительно. Вечно он ведет себя как идиот. Ведь по всему видно было, что она не считает его джентльменом. С одного взгляда она, казалось, увидела его насквозь, разгадала, чего стоит весь его светский лоск. Какая была глупость заговаривать с Такой девушкой! Понятно, что при ее образованности она сразу раскусила его. А как она красиво говорит! Как красиво, отчетливо произносит слова! Он сразу почувствовал, какое у него самого вульгарное произношение. А эта глупость, которую он брякнул напоследок! Что это он сказал? «Неприятно, что я не тот джентльмен!» Ну, к чему это? Да еще назвал себя «джентльменом»! Что она могла о нем подумать?

А Юная Леди в Сером забыла о Хупдрайвере, не успел он скрыться за поворотом. Но ничего дурного о нем она, во всяком случае, не подумала. Его явная робость и восхищение ничуть не оскорбили ее. Мысли ее в ту минуту были заняты более важными делами – делами, которые могли оказать влияние на всю ее последующую жизнь. Она продолжала медленно катить свою машину в направлении Лондона. Внезапно она остановилась. «Почему же он все-таки не едет?» – воскликнула она и в раздражении топнула ногой. И тут, словно в ответ на ее возглас, среди деревьев на склоне холма показался тот, другой человек в коричневом – он шел пешком, ведя за руль свою машину.

5. Как мистер Хупдрайвер подвергся преследованию

Пока мистер Хупдрайвер важно катил по дороге в Рипли, ему вдруг пришла в голову мысль, оказавшаяся неожиданно утешительной, – мысль о том, что больше он никогда не увидит Юную Леди в Сером. Но, как видно, ухарство его машины, которая в данный момент являлась орудием судьбы, так сказать, *deus ex machina* *note 3*, было обращено против него. Велосипед вдали от прелестной молодой особы делался все тяжелее и тяжелее и все больше петлял. Остановиться в Рипли или погибнуть во цвете лет – иного выбора, казалось, не было. И вот, прислонив свою машину к стене у двери «Единорога», мистер Хупдрайвер вошел внутрь, и пока он отдыхал, куря сигарету «Копченая селедка», и дожидаясь, чтобы ему подали холодное мясо, он вдруг увидел Юную Леди в Сером и того человека в коричневом, вступавших в Рипли.

Он с ужасом заметил, что они посмотрели на дом, давший ему приют, но при виде его велосипеда, прислонившегося к стене за дверью, словно пьяница, не способный сдвинуться с места, – машина стояла, повернувшись к ним вздыбившимся, побитым крылом и выпучив на них свой единственный замутненный глаз-фонарь, – они двинулись дальше в направлении (так, во всяком случае, показалось мистеру Хупдрайверу) разверстой пасти «Золотого дракона». Молодая особа ехала очень медленно, а у того человека в коричневом была проколота шина, и он вел свой велосипед. Мистер Хупдрайвер посмотрел на его льняные усы, орлиный нос и сутуловатые плечи и вдруг почувствовал живейшее отвращение.

Служанка в «Единороге» была от природы миловидная девушка, но уж очень измученная постоянными наездами велосипедистов, и мистер Хупдрайвер, беседуя с ней самым своим изысканным тоном о погоде, о дороге, о проделанном расстоянии, то и дело возвращался

Note3

бог из машины (лат.) – выражение, обозначающее посторонние силы, благодаря неожиданному вмешательству которых наступает развязка или новый поворот событий

мыслью к Юной Леди в Сером, к ее несравненной свежести и ярким краскам. Жуя мясо, он все время поглядывал в окно в надежде еще раз ее увидеть, но «Золотой дракон» ничем не выдавал того, какой лакомый кусочек сокрыт в его недрах. Следствием, хотя и случайным, такой рассеянности за столом явилась неприятная минута, которую мистеру Хупдрайверу пришлось пережить, когда он отправил себе в рот целую ложку горчицы. Он попросил счет и вышел; расхрабравшись от мяса и горчицы, он решил встать у двери, широко расставить ноги, глубоко засунуть руки в карманы и дерзко вперить взор в дом на противоположной стороне. Но тут из ворот «Золотого дракона» – одной из тех прелестных гостиниц, что сохранились еще со времен дилижансов, – появился тот человек в коричневом, ведя свой поврежденный велосипед. Он направлялся с ним в мастерскую Фламбо. Подняв глаза, он увидел Хупдрайвера, с минуту посмотрел на него и угрюмо насупился.

Однако Хупдрайвер продолжал смело стоять в дверях, пока тот человек в коричневом не исчез в мастерской. Тогда Хупдрайвер бросил последний взгляд в сторону «Золотого дракона», беззаботно свистнул и вывел свой велосипед на середину дороги – туда, где, по его мнению, было достаточно места для того, чтобы на него сесть.

Надо сказать, в тот момент Хупдрайвер, пожалуй, склонялся к тому, чтобы никогда больше не видеть Юной Леди в Сером. Тот человек в коричневом скорее всего ее брат, хотя он белесый и бледный и совсем на нее не похож. Главное же, что мистер Хупдрайвер выставил себя перед ней полным дураком. Однако погода в тот день была против него – стояла невыносимая жара, ему напекло голову, все его силы ушли на переваривание холодного мяса, ноги ослабли, и путь его до Гилдфорда состоял из сплошных остановок. Он то шел, то отдыхал на обочине и в каждой кабачке, вопреки советам Бриггса и требованиям экономии, опрокидывал стаканчик лимонаду и кружку пива (ибо всякий велосипедист знает по опыту, что питье порождает жажду даже больше, чем жажда – потребность в питье, и тот, кто поддастся этому, разжигает в себе адов огонь, который невозможно погасить, как невозможно утолить жажду), пока наконец не купил на пенни кислых зеленых яблок, которые и приостановили поток, Грозивший его унести. Время от времени одинокий велосипедист или целая стайка велосипедистов, сверкая колесами и мягко шурша шинами, проносились мимо, и всякий раз мистер Хупдрайвер, чтобы спасти свое достоинство, слезал с машины и делал вид, будто у него что-то не в порядке с седлом. И раз от раза слезал он все бесстрашнее.

До Гилдфорда он добрался только часа в четыре, настолько измученный, что решил провести там ночь в гостинице «Таверна желтого молотка». Поостыв и подкрепившись чаем с хлебом, маслом и вареньем – чай он шумно прихлебывал из блюдечка, – он вышел на улицу, решив побродить до вечера. Гилдфорд – совершенно прелестный старинный городок, знаменитый тем, как мистер Хупдрайвер вычитал в путеводителе, что там разворачивались события известного исторического романа Мартина Таппера «Стивен Лэнгтон»; в городе есть очаровательный замок, весь обсаженный геранью и разукрашенный медными мемориальными дощечками, прославляющими имена джентльменов, которые их прибили, и ратуша в стиле эпохи Тюдоров, ласкающая взор; днем идет бойкая торговля в магазинах, и люди, снующие по улицам, придают городу веселый и процветающий вид. Приятно было заглядывать в витрины и видеть, как приказчики и приказчицы в магазинах тканей суетятся, обслуживая покупателей. Главная улица круто спускается вниз под углом в семьдесят градусов к горизонту (так, во всяком случае, казалось мистеру Хупдрайверу, который был Сейчас особенно чувствителен ко всяким уклонам), и душа у него ушла в пятки, когда он увидел велосипедиста, ехавшего по этой улице, словно муха, ползущая вниз по оконному стеклу. У этого человека не было даже тормоза.

Под вечер мистер Хупдрайвер посетил замок и заплатил два пенса, чтобы подняться на главную башню. Наверху, стоя у перил, он окинул взглядом красные крыши сбившихся в кучу городских домов и церковную колокольню, затем прошел на южную сторону, сел там, закурил «Жопченую селедку» и поверх поросших ежевикой и папоротниками старинных развалин устремил взор на голубые холмы, вздымавшиеся волнами до окутанных дымкой высот Хиндхеда и Батсера. В его светло-серых глазах отражалось блаженное предвкушение приятных минут: завтра он будет ехать по этой широкой долине.

Он не заметил, чтобы кто-либо, кроме него, поднимался на башню, но вдруг услышал

позади тихий голос, произнесший «Ну вот, мисс Бомонт, можете полюбоваться видом!» Что-то неуловимое в тоне позволяло догадываться, что в этом имени заключена какая-то шутка.

– Прелестный старинный городок, братец Джордж, – заметил другой голос, показавшийся мистеру Хупдрайверу весьма знакомым, и, повернув голову, он увидел того человека в коричневом и Юную Леди в Сером, стоявших спиной к нему. Хупдрайверу был виден улыбающийся ее профиль. – Только, знаете ли, братья не зовут своих сестер... – Тут она оглянулась и заметила Хупдрайвера.

– А черт! – достаточно громко вырвалось у того человека в коричневом, когда он проследил за направлением ее взгляда.

Мистер Хупдрайвер с самым безразличным видом продолжал обозревать Южную Англию.

– Не правда ли, красивый старинный городок? – после заметно затянувшейся паузы произнес тот, в коричневом.

– В самом деле! – откликнулась Юная Леди в Сером.

Новая пауза.

– Нигде нельзя побыть одним, – заметил тот, в коричневом, оглядываясь.

Тут мистер Хупдрайвер ясно понял, что мешает им, и решил удалиться. Но такое уж было его счастье, что на первых же ступеньках лестницы он споткнулся и исчез с их глаз весьма унижительным образом. Он в третий раз встречался с ним и в четвертый раз – с ней. И надо же было ему оказаться таким тупицей, чтобы даже не приподнять при виде нее кепи! Вот о чем он подумал, спустившись с башни. Видимо, они, как и он, направлялись на юг. Завтра он поднимется чуть свет и ринется вперед, чтобы не встретиться больше с ней, то есть с ними. Мистеру Хупдрайверу и в голову не пришло, что мисс Бомонт и ее брат могут поступить точно так же; не задумывался он – во всяком случае, в тот вечер – и над тем, что действительно как-то странно брату называть свою сестру «мисс Бомонт». Он был слишком занят собственной персоной. И, перебирая в памяти встречи с ними, должен был признать, что выглядел не бог весть каким героем.

Однако он еще раз – совсем неумышленно – наткнулся на эту пару. Было около семи. Он остановился возле магазина, где торговали полотном, и поверх выставленных в витрине товаров смотрел на мятущихся приказчиков. Он мог бы провести так весь день, наслаждаясь этим зрелищем. Он говорил себе, что из чисто профессионального интереса хочет посмотреть, как они развешивают ткани на латунных прутьях над прилавком, но в глубине души знал, что это не так. Покупатели интересовали его уже во вторую очередь, и лишь когда прошла, наверно, целая минута, он заметил среди них... Юную Леди в Сером! Он тотчас отвернулся от витрины и увидел того, в коричневом, стоявшего на краю тротуара и с очень странным выражением смотревшего на него.

И тут мистер Хупдрайвер задумался: кто же из них подвергается назойливому преследованию – он или они? Отчаявшись найти ответ, он махнул рукой и пошел прочь, так и не решив, как с ними держаться при следующей встрече: поглядеть ли на них свирепо или же, наоборот, принять извиняющийся, заискивающий вид.

6. Мечтания мистера Хупдрайвера

Мистер Хупдрайвер (в то время, к которому относится наш рассказ) был поэтом, хотя в жизни не написал ни строчки. Или правильнее было бы назвать его романистом. Его существование, как и существование бог знает скольких людей, чьим трудом движется на этом свете жизнь, было лишено всякого интереса, и если бы он осознал это с такой же трезвостью, как герои романов мистера Гиссинга *note 4*, то за какой-нибудь год, наверно, спился бы и сошел в могилу. Но для этого Хупдрайвер обладал слишком большой природной мудростью.

Note4

Гиссинг, Джордж (1857–1903) – английский писатель натуралистического направления, автор пессимистических романов о жизни социальных низов

Наоборот, он постоянно приукрашивал свое существование мечтаниями, надеждами и позами, намеренным и тем не менее вполне успешным самообманом; а жизнь его была лишь фундаментом для романтических построений. Если бы некая высшая сила наделила мистера Хупдрайвера даром «видеть себя таким, каким тебя видят другие», о чем молил Берне, он, наверно, постарался бы избавиться от этого дара при первом же удобном случае. Но не думайте, что он представлял себе свою жизнь в виде романа с продолжениями, нет, это была серия коротких рассказов, связанных только образом героя, как правило, молодого шатена с голубыми глазами и светлыми усиками, скорее изящного, чем сильного, скорее энергичного и решительного, чем рассудительного (см. стр. 4, как пишут в научных книгах). Личность эта неизменно обладала железной волей. Но рассказы были бесконечно разнообразны. Закурив сигарету, герой Хупдрайвера превращался в человека светского с ног до головы, отчаянного повесу, с насмешливым блеском в глазах и множеством любовных походов в прошлом. Посмотрели бы вы, как мистер Хупдрайвер прогуливался по великолепным садам Эрлс-Корта в те вечера, когда все развлечения там рано кончались. А какие многозначительные взгляды он бросал! (Я не смею передать их значение.) Но достаточно было ему послушать красноречивого проповедника духовного возрождения, чтобы рассказ пошел совсем по другому руслу: герой его становился человеком с кристально чистой, нежной душой, безупречной честности, человеком, который храбро шагает по грязи жизни, направо и налево оказывая помощь слабым и сирым, и грязь эта не липнет к нему. А стоило появиться в их магазине расфранченному денди в сюртуке и перчатках, с бутоньеркой и моноклем, рыцарственно сопровождающему какую-нибудь покупательницу, чтобы возник новый образ – человека по-кромвелевски простого, прямодушного и сильного, молчаливо идущего путем праведника. В описываемый нами день в мечтаниях мистера Хупдрайвера главным действующим лицом был элегантный, праздный молодой человек, безупречно одетый и почему-то едущий на самом обыкновенном велосипеде, – таинственная личность, в чьем облике, несмотря на всю скромность, временами проскальзывало что-то, поднимавшее этого человека над заурядными людьми, – возможно, то был сам «его светлость герцог», путешествующий инкогнито по Южному берегу.

Но не думайте, что мистер Хупдрайвер кому-либо рассказывал истории из этой нескончаемой серии. Он и не мечтал о том, чтобы о них узнала хоть одна душа. Если бы мне не было лень, я, наверно, переписал бы эту главу, вычеркнул бы утверждение, что Хупдрайвер был поэтом и романистом, и сказал бы вместо этого, что он был драматургом и сам разыгрывал свои пьесы. Он был не только единственным актером, но и единственным зрителем и благодаря этому развлечению почти всегда чувствовал себя счастливым. Впрочем, и сравнение с драматургом едва ли будет здесь точным. Дело в том, что многие его фантазии никогда не разыгрывались, возможно, даже большинство из них: например, мечты во время уединенной прогулки, или во время поездки в трамвае, или за прилавком, когда в торговле наступало затишье, а его руки механически складывали и свертывали материю. Чаще всего это были небольшие сценки, исполненные драматизма диалоги, – например, возвращение мистера Хупдрайвера в родную деревню в хорошо сшитом праздничном костюме и новых перчатках, перешептывание завистливых соседей за спиной, восторг старушки матери, известие: «Получил прибавку у Энтробуса, матушка. Десять фунтов сразу. Что вы на это скажете?» Или первый шепот любви, непринужденное, остроумное, нежное признание девушке, которой он несколько дней назад продавал сатин, или храброе спасение некой символической красавицы от грубых оскорблений или от бешеной собаки.

Сколько людей предается таким мечтам, а вы и не подозреваете об этом. Вы видите оборванного мальчишку, продающего спички на улице, и думаете, что от полной беспросветности, от окончательной потери человеческого облика его отделяет лишь жалкое тряпье и тощие мускулы. А между тем его окружают невидимые сонмы ниспосланных провидением иллюзий, какие, может быть, окружают и вас. Многие люди никогда не видели своего профиля или затылка, а для того, чтобы увидеть тайные уголки нашей души, и вовсе не изобретено еще зеркала. Иллюзии таким плотным кольцом окружают мальчишку, что уколы судьбы почти не доходят до него или напоминают приятное щекотание. А ведь так происходит со всеми нами, живущими на земле. Самообман – наркот, который дает людям жизнь, пока господь бог выкраивает нас по своему образу и подобию.

Но прекратим эту вивисекцию и вернемся к мечтаниям мистера Хупдрайвера. Вы видите теперь, как поверхностно было наше первое впечатление, а мы бросили лишь мимолетный взгляд на драму, разыгравшуюся в душе мистера Хупдрайвера, и на то, как все выглядит в волшебном зеркале его сознания. По пути в Гилдфорд и во время встреч с преследовавшей его парой в драме действовал главным образом уравновешенный джентльмен, о котором мы упоминали выше, но в Гилдфорде под влиянием различных обстоятельств, он заметно изменился. Окно агента по продаже домов, например, натолкнуло мистера Хупдрайвера на мысль о премилой маленькой комедии. Он войдет, наведет справки об этом доме, который продается за 30 фунтов, возможно, возьмет ключ и осмотрит дом и тем возбудит любопытство клерка. Он поискал в уме предлог для подобного поступка и решил, что он террорист, нуждающийся в уединении. Следуя своему плану, он попросил ключ, внимательно осмотрел дом и неопределенно сказал, что помещение может подойти для его особых целей, но ему надо посоветоваться с *остальными*. Клерк, однако, не понял намека и просто посочувствовал ему, решив, что перед ним человек, который слишком рано женился и вынужден подчиняться более решительному нраву своей половины.

Так, следуя и дальше этим таинственным путем, мистер Хупдрайвер пришел к выводу о необходимости купить записную книжку и карандаш, а затем к мысли о художнике, делающем наброски. Этой милой игрой мистер Хупдрайвер, когда была подходящая компания, развлекался еще в ранней юности, вызывая раздражение не одного почтенного туриста, приезжавшего в Гастингс. В детстве мистер Хупдрайвер, если верить горделивому хвастовству его матушки, «немножко рисовал», но добросовестный и, как полагается, туповатый школьный учитель заметил зарождающийся талант и задушил его в зародыше своими уроками. Тем не менее наш герой с удовольствием рисовал старинные уголки Гилдфорда, и тот, другой человек, в коричневом, выглянув из окна-фонаря гостиницы «Граф Кентский», увидел, как Хупдрайвер стоит у ворот с блокнотом в руке и усердно зарисовывает фасад этого внушительного здания. Тот человек в коричневом сразу отпрянул от окна, чтобы не быть замеченным, и, слегка пригнувшись, стал наблюдать за Хупдрайвером в просвет между тюлевыми занавесками.

7. За рамками рассказа

Чем еще занимался мистер Хупдрайвер в Гилдфорде в великий первый день своего отпуска, мы не станем здесь подробно описывать. Как он бродил в сумерках по старому городу и поднимался на Хогсбек, чтобы полюбоваться тем, как внизу одна за другой загораются лампочки, а наверху – звездочки; как он вернулся по улицам, освещенным желтыми фонарями, в гостиницу «Таверна желтого молотка» и храбро поужинал в общем зале – Человек среди Людей; как он вступил в разговор о летательных машинах и о перспективах электричества, уверяя, что летательные машины «наверняка появятся» и что электричество – штука «удивительная, удивительная»; как он наблюдал за игрой на бильярде и несколько раз с видом оракула изрек: «Оставьте вы этот шар»; как он, зевая, опустился в кресло, вытащил карту велосипедных дорог Англии и принялся внимательно изучать ее, – обо всем этом мы здесь не станем говорить. Не буду я распространяться и о том, как он пошел в библиотеку, взял перо и самыми красными чернилами провел по карте красивую яркую линию, отмечая дорогу от Гилдфорда до Лондона. В своей маленькой записной книжке он вел дневник, одну из записей которого я воспроизвожу здесь в доказательство того, что эта книга не плод воображения и написана она не потому, что автору хотелось как-то скоротать время.

Итак, все это я опускаю. Но вот мистер Хупдрайвер начал так зевать, что пришлось ему – как ни жаль – положить конец этому великому и чудесному дню. (Увы, все дни когда-то приходят к концу!) Он взял в холле у приветливой служанки свечу и поднялся наверх, куда скромный романист, пишущий книги для чтения в кругу семьи, не решается за ним последовать. Все же я могу вам сказать, что он, счастливый и сонный, опустился на колени у своей кровати и прочел «Отче наш...» – молитву, которую он выучил с голоса матери лет двадцать назад. А теперь, когда его дыхание стало глубоким и ровным, мы можем осторожно пробраться в комнату и подслушать его сны. Он лежит на левом боку, засунув руку под подушку. В спальне темно, и он сокрыт от наших глаз, но если бы вы могли увидеть в темноте

его лицо, вы бы поняли, что, несмотря на реденькие, но столь драгоценные для их обладателя усы, несмотря на грубые слова, которые, как вы помните, он произносил в тот день, перед вами всего-навсего спящий ребенок.

8. Сны мистера Хупдрайвера

Несмотря на опущенные шторы и темноту, вы только что видели лицо мистера Хупдрайвера, мирно спавшего сладким сном в скромной спальне на самом верху гостиницы «Таверна желтого молотка» в Гилдфорде. Это было до полуночи. Но ночь проходила, и его начали тревожить сны.

После первого дня пути на велосипеде один сон вам непременно приснится. Мускулы ног так привыкают к определенным движениям, что вас не покидает ощущение, будто они продолжают крутить педали. Вы едете по Стране Снов на волшебных велосипедах, которые постоянно меняются и по виду и по размеру; вы съезжаете с колоколен и лестниц, перелетаете через пропасти; с замирающим сердцем вы парите над густонаселенными городами, тщетно пытаетесь нащупать тормоз, чтобы спастись от падения; вы погружаетесь в бурные реки и беспомощно налетаете на ужасные препятствия. И вот мистер Хупдрайвер выехал из тьмы небытия и помчался на колесах Иезекииля по долине Сэррея, перепрыгивая через холмы и давя деревни, в то время как тот, другой человек в коричневом посылал ему вслед проклятия и кричал, чтобы он остановился. Потом появился сторож из Путни, и человек в рыжем костюме принялся изливать на него свой гнев. Мистер Хупдрайвер чувствовал себя круглым дураком, нет – как это называется? – джином, тоже нет – Джаггернаутом. Раздавленные деревни с мягким причмокиванием уходили в землю. Он не видел Юной Леди в Сером, но знал, что она смотрит ему в спину. Он не решался оглянуться. Куда, к дьяволу, девался тормоз? Должно быть, отвалился. А звонок? Прямо перед ним был Гилдфорд. Он хотел крикнуть и предупредить город, чтобы тот посторонился, но голос у него тоже исчез. Все ближе, ближе! Это было ужасно! В следующее мгновение дома затрещали, как орехи, и кровь жителей брызнула во все стороны. Улицы стали черными от бегущих людей. Прямо под колесами он увидел Юную Леди в Сером. Ужас охватил мистера Хупдрайвера; он накрепко набок, чтобы слезть с велосипеда, забыв, на какой высоте он находится, и тотчас начал падать, падать, падать...

Он проснулся, перевернулся на другой бок, увидел в окно молодой месяц, слегка удивился и снова заснул.

Второй сон почему-то оказался продолжением первого, и человек в коричневом снова направлялся к нему, угрожая и крича. Приближаясь, он становился все уродливее, и лицо его было невыносимо злым. Он подошел, заглянул мистери Хупдрайверу в глаза и отступил куда-то страшно далеко. Лицо его словно бы светилось. «Мисс Бомонт», – сказал он, вызывая к жизни фонтан подозрений. Кто-то устроил в магазине фейерверк, главным образом из огненных колес, хотя мистер Хупдрайвер знал, что это против правил, потому что ведь они все-таки находились в магазине; тут мистер Хупдрайвер понял, что тот человек в коричневом – здешний управляющий, но в отличие от обычных управляющих он, словно китайский фонарик, светился изнутри. А обслуживать мистер Хупдрайвер должен был Юную Леди в Сером. Странно, что он сразу не заметил этого. Она была в сером, как всегда, и в брюках до колен; велосипед свой она прислонила к прилавку. Она, не таясь, улыбнулась ему – совсем так, как улыбалась, извиняясь за то, что ему пришлось из-за нее остановиться. И наклонилась к нему с такой вкрадчивой грацией, какой раньше он за ней не замечал. «Чем я имел бы удовольствие...» – поспешил осведомиться мистер Хупдрайвер, и она ответила: «Покажите дорогу в Рипли». Он достал дорогу в Рипли, развернул и показал ей, а она сказала, что это ей вполне подойдет, и продолжала с улыбкой смотреть на него; он начал отмерять ярдом восемь миль – обычную меру на платье, вернее, на костюме с брюками до колен; тут появился тот, другой человек в коричневом, и вмешался в разговор, и сказал, что мистер Хупдрайвер – невежа и, кроме того, меряет слишком медленно. А когда мистер Хупдрайвер стал мерить быстрее, тот человек в коричневом заявил, что Юная Леди в Сером пробыла здесь достаточно долго и что он в самом деле ее брат, а то она не путешествовала бы с ним, и вдруг он обнял ее за талию и вышел вместе с ней. Мистер Хупдрайвер даже тут сообразил, что это едва ли можно назвать братским жестом.

Конечно, нет! Его привела в дикую ярость фамильярность, с какою тот обнял девушку; он тотчас перескочил через прилавок и погнался за ними. Они обогнули магазин, забрались по железной лестнице на башню, а оттуда – на дорогу в Рипли. Какое-то время им удавалось спастись от него: они то ныряли в какую-то придорожную гостиницу с двумя входами, то выбегали со двора. Тот, другой человек в коричневом не мог бежать быстро, потому что на руках у него была Юная Леди в Сером, а мистеру Хупдрайверу мешало нелепое поведение его ног. Они никак не выпрямлялись и совершали такие движения, будто вертели педали, так что он вынужден был делать малюсенькие шажки. Сон никак не кончался. Погоня, казалось, длилась вечно, и самые разные люди: сторожа, торговцы, полисмены, старик на башне, сердитый человек в рыжем костюме, служанка из «Единорога», обладатели летательных машин, бильярдисты, странные безголовые фигуры, глупые куры и петухи, нагруженные пакетами, зонтами и плащами, люди с подсвечниками в руках и всякая прочая дрянь – толпились на его пути и надоедали ему, хотя он звонил в свой электрический звонок и на каждом углу говорил: «Удивительно, удивительно!»

9. Как мистер Хупдрайвер ехал в Хэзлмир

С завтраком мистера Хупдрайвера произошла небольшая заминка, так что он смог выехать из Гилдфорда лишь после того, как пробило девять. Он нерешительно повел свою машину по Главной улице. Ведь он так и не знал, обогнала ли его Юная Леди, столь прочно завладевшая его воображением, и ее неприятный, а может быть, даже опасный братец, или они все еще завтракают где-нибудь в Гилдфорде. В первом случае он мог ехать не спеша, во втором же – должен был торопиться и, возможно, даже спрятаться на одной из боковых дорог.

Ему почему-то показалось наиболее правильным – по каким-то таинственным стратегическим соображениям – выехать из Гилдфорда не по главной дороге, на Портсмут, а по дороге, идущей через Шалфорд. На этой приятной тенистой дороге мистер Хупдрайвер настолько почувствовал себя в безопасности, что возобновил свои упражнения в езде, то снимая одну руку с руля, то оглядываясь через плечо. Раза два он не сумел выровнять велосипед, но успел соскочить, из чего заключил, что дела его пошли на лад. Не доезжая Брэмли, он соблазнился боковой дорожкой – она подхватила его, пробежала с ним полмили и выбросила, как терьер бросает палку, снова на Портсмутскую дорогу, милях в двух от Годамминга. В Годамминг мистер Хупдрайвер вступил пешком, ибо по этому прелестному городку проходит, несомненно, гнуснейшая в мире дорога, сплошное нагромождение щебня – пики и пропасти, а затем, успешно проведя эксперимент с сидром в «Мешке шерсти», наш герой двинулся в Милфорд.

Все это время его неотступно преследовала мысль о Юной Леди в Сером и об ее спутнике в коричневом, как ребенка преследует в темной комнате мысль о домовом. Вдруг ему чудилось сзади шуршание их шин, но, обернувшись, он видел только уходящую вдаль пустынную дорогу. А однажды далеко впереди блеснуло колесо, но оказалось, что это какой-то рабочий, не боясь гибели, ехал на очень высоком велосипеде. Мысль о Юной Леди в Сером почему-то вызывала у него беспокойство, которого он сам не мог объяснить. Проснувшись, он забыл о нарочито подчеркнутом обращении – «мисс Бомонт», на которое обратил внимание во сне. Но родившаяся во сне непонятная уверенность, что девушка вовсе не сестра тому человеку, осталась. К чему, например, брату стоять наедине с сестрой на верхушке башни? Возле Милфорда велосипед мистера Хупдрайвера, можно сказать, свалил дурака. Внезапно перед ним возник указательный столбик, тщетно предлагая повернуть направо; и мистер Хупдрайвер, конечно, притормозил бы и прочел, что там написано, но велосипед не позволил. Дорога в Милфорд шла под гору, и машина накренилась, пригнула голову и понесла; мистер Хупдрайвер только тогда вспомнил про тормоз, когда проехал мимо столба. Теперь, чтобы вернуться к перекрестку, надо было слезать, ибо не было еще дороги достаточно широкой, чтобы мистер Хупдрайвер мог на ней развернуться. Поэтому он продолжал свой путь, а вернее, наоборот: сошел со своего пути. В Портсмут вела дорога, уходившая вправо, а та, по которой он поехал, – в Хэзлмир и Мидхерст. Эта ошибка и повлекла за собой новую встречу с его вчерашними знакомыми: он наехал на них под аркой моста Юго-Западной железной дороги – неожиданно,

без предупреждения, когда они меньше всего этого ждали. «Это ужасно, – говорил женский голос, – это грубо, подло...» И умолк.

Лицо мистера Хупдрайвера, когда он проскочил мимо них под аркой, выражало что-то среднее между приветливой улыбкой и гримасой досады на себя за невольное и несвоевременное появление. Однако, несмотря на свое замешательство, он подметил, что вид у них обоих был какой-то странный. Оба велосипеда лежали у дороги, а велосипедисты стояли друг против друга. Тот, другой человек в коричневом стоял, как показалось Хупдрайверу, в довольно нахальной позе: он крутил ус и слегка улыбался, как бы забавляясь происходящим. Девушка же стояла, выпрямившись, опустив руки; пальцы ее крепко сжимали носовой платок, лицо горело, веки слегка покраснели. На взгляд мистера Хупдрайвера, она была чем-то возмущена. Но это длилось всего секунду. На лице ее появилась маска недоумения, скрывшая все остальные чувства, когда она, повернув голову, узнала его, да и тот человек в коричневом от неожиданности переменял позу. Но мистер Хупдрайвер уже проехал мимо и помчался к Хэзлмиру, пытаясь разобраться в моментальном снимке, отпечатавшемся у него в мозгу.

«Странно, – сказал себе мистер Хупдрайвер. – Чертовски странно!»

«Они ссорились».

«Наглый...» Впрочем, неважно, как он назвал того человека в коричневом.

«Он пристаёт к ней! Подумать только, что кто-то осмеливается так себя вести!»

«Что же произошло?»

Неожиданно у мистера Хупдрайвера возникло желание вмешаться. Он нажал на тормоз, слез и остановился в нерешительности, глядя назад. Они продолжали стоять под железнодорожным мостом, и мистеру Хупдрайверу показалось, что девушка топнула ножкой. Он поколебался, затем повернул велосипед и поехал обратно, собрав все свое мужество, чтобы оно не изменило ему и он не попал в смешное положение. «Я ему покажу», – твердил про себя мистер Хупдрайвер. Тут он увидел, что девушка плачет, и взволновался еще больше. В следующий момент они услышали, что он подъезжает к ним, и в удивлении обернулись. Конечно, она плакала; глаза ее были полны слез, а тот человек в коричневом выглядел крайне смущенным. Мистер Хупдрайвер слез с велосипеда и остановился, придерживая его.

– Надеюсь, ничего страшного не произошло? – спросил он, глядя прямо в лицо тому человеку в коричневом. – С вами ничего не случилось?

– Ничего, – отрезал тот. – Абсолютно ничего, благодарю вас.

– Но, – заметил мистер Хупдрайвер, сделав над собой огромное усилие, – леди плачет. Я думал, может быть...

Юная Леди в Сером вздрогнула, метнула на Хупдрайвера быстрый взгляд и прикрыла один глаз платком.

– Это соринка, – сказала она. – Мне в глаз попала соринка.

– Леди в глаз попал комар, – объяснил тот человек в коричневом.

Наступило молчание. Юная Леди терла глаз.

– Кажется, вынула, – сказала она.

Тот человек в коричневом выказал живейший интерес к судьбе таинственного насекомого. А мистер Хупдрайвер стоял, как он сказал бы, разиня рот. Он обладал интуицией, свойственной простодушным людям. И был уверен, что там не было никакого комара, но как-то вдруг потерял почву под ногами. Даже для рыцарских подвигов есть предел: драконы и коварные злодеи – это, конечно, прекрасно, но комар! Да к тому же выдуманный! Что бы там ни произошло, ему явно не следовало вмешиваться. Он чувствовал, что опять попал в глупое положение. Он хотел было пробормотать какое-нибудь извинение, но тот человек в коричневом не дал ему рта раскрыть и резко, даже злобно повернулся в его сторону.

– Надеюсь, – сказал он, – ваше любопытство удовлетворено?

– Безусловно, – ответил мистер Хупдрайвер.

– Тогда мы вас не задерживаем.

И пристыженный мистер Хупдрайвер повернул свой велосипед, взгромоздился на него и поехал дальше на юг. Когда он понял, что находится не на Портсмутской дороге, возвращаться было уже поздно, потому что это значило бы снова встретиться со своим позором, и ему пришлось подниматься вверх по Брук-стрит к Хэзлмиру. А вдалеке справа, дразня его и

мелькая среди залитых солнцем зеленых и сиреневых холмов Хиндхеда, шла прямая Портсмутская дорога.

Светило солнце, и вид на далекие голубоватые холмы и приветливые долины, расположенные по обе стороны песчаной дороги, даже сами ее обочины, поросшие серыми кустиками вереска и колючим дроком, и сосны над ними с молодыми ярко-зелеными иглами, выделявшимися среди более темных, прошлогодних, – все это ласкало глаз мистера Хупдрайвера. Но наслаждение солнечным днем и сладостное чувство только сутки назад обретенной свободы отчаянно боролись в его душе с несказанной досадой, вызванной этой неприятной встречей, и все еще не одержали победы, когда он достиг Хэзлмира. Словно огромная коричневая тень, навалилась на него безграничная ненависть к тому человеку в коричневом. Мистеру Хупдрайверу пришла в голову блестящая мысль: не ехать в Портсмут или по крайней мере уступить прямую дорогу своим попутчикам, а самому решительно повернуть влево, на восток. Он не посмел остановиться ни в одном из заманчивых ресторанчиков на главной улице Хэзлмира, а свернул в переулок и там нашел маленькую пивную «Добрая надежда», где и решил перекусить. Там он поел и снисходительно побеседовал с пожилым рабочим, изображая для собственного удовольствия единственного сына богатых родителей, так и не получившего наследства, а затем поехал к Норсчепелу, на который, словно сговорившись, указывало множество придорожных столбов, однако из-за одного коварного перекрестка не скоро попал туда.

10. Как м-р Хупдрайвер попал в Мидхерст

Как весьма глубокомысленно заметил однажды мой дядюшка, человек – самое неразумное создание на свете. Эта его мысль подтверждалась на примере мистера Хупдрайвера, который все утро изощрялся, стараясь избежать встречи с тем человеком в коричневом и Юной Леди в Сером, а затем большую часть дня провел, думая о ней и весьма оптимистически рассматривая возможность снова с ней встретиться. Его память и воображение были заняты только ею, а потому путь его в значительной мере определялся поворотами дороги, по которой он ехал. В главном он был твердо убежден. «Что-то у них не так», – говорил он себе, а однажды даже произнес это вслух. Но что именно – он не мог себе представить. Он снова перебрал в уме все факты. «Мисс Бомонт»; брат и сестра; остановка в пути, ссора и слезы, – словом, есть над чем призадуматься неопытному молодому человеку. Но мистер Хупдрайвер больше всего на свете не любил утруждать себя выводами, поэтому вскоре перестал Доискиваться до истины и дал волю воображению. Увидит ли он ее когда-нибудь? Надо надеяться – и тогда с ней уже не будет этого типа. Всего приятнее, подсказывала ему фантазия, было бы встретиться с ней вдруг на ежегодном балу в Ассамблее Путни. Они каким-то образом окажутся рядом, и он будет танцевать с ней снова и снова. Это была восхитительная картина, потому что, как вы можете представить себе, мистер Хупдрайвер танцевал необыкновенно хорошо. Или же в магазине – ослепительное видение в дверях, и вот уже ее с поклоном подводят к прилавку с бумажными тканями. И он, нагнувшись над прилавком и понизив голос, как будто расхваливая покупательнице свои товары, скажет: «Я не забыл того утра на Портсмутской дороге» – и еще тише добавит: «Я никогда его не забуду».

В Норсчепеле мистер Хупдрайвер взглянул на каргу и задумался, размышляя, куда двинуться дальше. Подходящим местом для отдыха мог быть Петуорс или Палборо; Мидхерст был вроде бы слишком близко, а любое место за холмами – слишком далеко; итак, он покатил к Петуорсу, то и дело останавливаясь и слезая, собирал полевые цветы, удивляясь, почему у них нет названий, ибо он никогда их не слышал, и выбрасывал их потихоньку при виде прохожего – короче говоря, «бездельничал вовсю». У живых изгородей росла сиреневая повилика, таволга, жимолость, поздняя ежевика, но шиповник уже отцвел; а то вдруг попадались зеленые и красные ягоды черной смородины, куриная слепота и одуванчики, а потом – белые свечки крапивы, ломонос, вьющийся помаренник, разные цветущие травы, белые лихнисы и кукушкин цвет. Поле пшеницы пестрело маками, ярко-красными и лиловыми, а кое-где появлялись и васильки. На тропинках ветви деревьев переплетались над его головой, а в живых изгородях по сторонам виднелись застрявшие пучки сена. На одной из дорог он с опасностью для жизни

проехал сквозь стадо угрюмых бурых волов. То тут, то там виднелись маленькие домики и живописные пивные с яркими синими и малиновыми вывесками, а потом – большой луг и церковь, а возле нее еще с сотню домиков. Наконец на пути ему попался ручей с каменистым дном – он вытекал из зарослей камыша, вербейника и незабудок под купой деревьев и журча пересекал дорогу; здесь мистер Хупдрайвер слез с велосипеда, мечтая поскорее скинуть ботинки и носки, теперь совсем посеревшие от пыли, и погрузить свои тощие ноги в весело журчащую воду; но вместо этого он уселся, как и подобает настоящему мужчине, и закурил сигарету – из опасения, как бы перед ним не возникла во всем своем блеске Юная Леди в Сером. Ибо Юная Леди в Сером незримо присутствовала во всем: в цветах, в его радости и ликованиях. Знакомство с нею по-особому окрашивало этот второй день его отпуска, такой непохожий на первый, вносило привкус ожидания, тревоги, даже грусти, неотступно преследовавшей его.

Только поздно вечером мистер Хупдрайвер вдруг живо пожалел, что сбежал от тех двоих. Он успел проголодаться, а это обстоятельство странным образом действует на эмоциональную окраску наших мыслей. Хупдрайвер внезапно понял, что мужчина был гнусный негодяй, а девушка – девушка попала в какую-то большую беду. И он вместо того, чтобы помочь ей, поддался первому побуждению и скрылся. Этот новый взгляд на вещи ужасно его расстроил. Чего только не могло теперь с ней случиться! Ему снова вспомнились ее слезы. Конечно, он обязан был, заметив, что с ней что-то неладно, не терять ее из виду.

Он поехал быстрее, чтобы спастись от укоров совести, запутался в лабиринте дорог, и, когда уже начало темнеть, оказался не в Петуорсе, а в Изборне, в миле от Мидхерста. «Я хочу есть, – подумал мистер Хупдрайвер, выяснив у лесника в Изборне, куда он попал. – До Мидхерста – миля, а до Петуорса – пять! Нет уж, спасибо, еду в Мидхерст».

Он въехал в Мидхерст по мосту около, мельницы и покатыл вверх по Северной улице; здесь внимание его привлекло крохотное заведение, весело манившее посетителей веселой вывеской с изображением чайника и такими соблазнами, как пачки табака, сласти и детские игрушки в окне. Чистенькая старушка с живыми глазами приветствовала его, и вскоре он уже сидел за обильным ужином из сосисок и чая и перелистывал прислоненную к чайнику книгу для посетителей, полную остроумия и комплиментов старенькой леди в стихах и в прозе. Некоторые остроумия были очень удачны, и рифмы прекрасно звучали, даже когда рот ваш набит сосисками. У мистера Хупдрайвера родилась идея нарисовать «что-нибудь», ибо он успел уже составить мнение о старушке. Он вообразил, как она откроет книгу и обнаружит его рисунок. «Боже милостивый! Видно, это был художник из „Панча“!» – воскликнет она. В комнате, где он сидел, была ниша, отгороженная занавеской, и комод, ибо вскоре ей предстояло стать его спальней; ту часть ее, которая отведена была для дневного времяпрепровождения, украшали вставленные в рамку дипломы местного клуба, книги с позолоченными корешками, портреты, а также чехлы для чайников и прочие очаровательные рукоделия из шерсти. Это была в самом деле очень уютная комната. Из окна в свинцовом косом переплете виднелся угол дома священника и красивый темный силуэт холма на фоне гаснущего неба. Покончив с сосисками, мистер Хупдрайвер закурил «Копченую селедку» и с важным видом вышел на погруженную в сумерки улицу. Синие тени лежали на этой улице, обрамленной темными кирпичными домиками, лишь кое-где ярко желтело окно, да от вывески у аптеки на дорогу падали полосы зеленого и красного света.

11. Интермедия

А теперь оставим на время мистера Хупдрайвера посреди темной Северной улицы в Мидхерсте и вернемся к той паре, что стояла у железнодорожного моста между Милфордом и Хэзлмиром. Она была яркая брюнетка лет восемнадцати, с блестящими глазами и тонким лицом, которое от малейшего пустяка заливал румянец. Глаза ее блестели сейчас особенно ярко из-за слез. Мужчине, светлому блондину с довольно длинным носом, нависавшим над льняными усами, с бледно-голубыми глазами и очень прямо посаженной, даже слегка запрокинутой головой, было года 33–34. Он стоял, широко расставив ноги и подбоченившись, с видом, одновременно агрессивным и вызывающим. Они проследили глазами за Хупдрайвером,

пока он не скрылся из виду. Неожиданное появление его остановило поток ее слез. Мужчина, покручивая свои пышные усы, спокойно смотрел на девушку. Она стояла, отвернувшись, ни за что не желая заговаривать первой.

– Ваше поведение, – сказал он наконец, – привлекает внимание.

Она повернулась к нему, глаза ее и щеки пылали, руки были крепко сжаты.

– Отъявленный мерзавец – вот вы кто! – произнесла она, задыхаясь, и топнула ножкой.

– Отъявленный мерзавец?! Девчонка моя! Вполне возможно... Но кто не станет мерзавцем ради вас?

– «Девочка моя»! Да как вы смеете со мной так разговаривать? Вы...

– Я готов сделать что угодно...

– О!..

Наступила короткая пауза. Она в упор смотрела на него, глаза ее горели гневом и презрением, и он под этим взглядом, наверно, слегка покраснел. Но он погладил свои усы и усилием воли постарался сохранить цинично-спокойный вид.

– Будем же благоразумны, – сказал он.

– Благоразумны! Все, что есть в мире подлого, трусливого и грязного, заключено в этом слове.

– У вас всегда была склонность... к обобщениям. Но давайте посмотрим фактам в лицо... если вы не возражаете.

Она нетерпеливо взмахнула рукой, предлагая ему продолжать.

– Так вот, – сказал он, – вы ведь сбежали.

– Я ушла из дому, – с достоинством поправила она его. – Я ушла из дому, потому что мне было там невыносимо. Потому что эта женщина...

– Да, да. Но факт тот, что вы сбежали со мной.

– Это вы поехали со мной. Вы называли себя моим другом. Обещали помочь мне, чтобы я могла зарабатывать на жизнь литературным трудом. Вы же сами сказали: «Почему, собственно, мужчина и женщина не могут быть друзьями?» А теперь вы посмели... посмели...

– Право, Джесси, эта ваша поза оскорбленной невинности...

– Я вернусь обратно. Я запрещаю вам – слышите, я запрещаю вам задерживать меня...

– Подождите. Я всегда считал, что у моей маленькой ученицы, уж во всяком случае, ясная головка. Видите ли, вы еще не все знаете. Выслушайте меня.

– Разве я вас не слушала? Но вы только оскорбляли меня. Это вы-то, который говорил только о дружбе, который едва осмеливался намекнуть на что-либо другое...

– Однако вы понимали намеки. Вы все прекрасно знали. Прекрасно. И не были против. Какое там! Вам это даже нравилось. В этом и была для вас вся прелесть – что я люблю вас и не решаюсь признаться. Вы играли этим...

– Все это вы мне уже говорили. И, думаете, это вас оправдывает?

– Я еще не кончил. Я решил... как бы это сказать, сделать игру более равной. Я предложил вам уйти из дому и уехал вместе с вами. Я выдумал, будто у меня есть сестра в Мидхерсте, а никакой сестры у меня нет! И все это с единственной целью...

– Какой же?

– Скомпрометировать вас.

Она вздрогнула. Это было что-то новое. С полминуты оба молчали. Затем она сказала – чуть ли не с вызовом:

– Подумаешь, как вы меня скомпрометировали! Конечно, я вела себя как дура...

– Дорогая моя, вам еще нет и восемнадцати лет, и вы очень мало знаете об этом мире – меньше, чем думаете. Но вы узнаете его. Прежде чем вы напишете все те романы, о которых мы говорили, вам придется его узнать. Вот, к примеру... – Он помолчал в нерешительности. – Вы вздрогнули и покраснели, когда официант за завтраком назвал вас «мэм». Вы решили, что это занятная ошибка, но ничего не сказали, потому что он был молод и явно волновался... к тому же вы и сами смутились: мысль, что вас приняли за мою жену, оскорбила вашу скромность. И вы предпочли притвориться, будто ничего не заметили. Но я-то записал вас в гостинице как миссис Бомонт. – Вид у него был чуть ли не виноватый, несмотря на циничную позу. – *Миссис Бомонт*, – повторил он, покручивая льняные усы и наблюдая за действием своих слов.

Она молча смотрела на него.

– Да, быстро я постигаю эту науку, – наконец медленно произнесла она.

Он подумал, что настало время для решительного наступления.

– Джесси, – сказал он совсем уже другим тоном, – я знаю, это подло, низко. Но неужели вы думаете, что я интриговал и занимался всеми этими ухищрениями с какой-то иной целью...

Она, казалось, не слышала его слов.

– Я еду домой, – внезапно заявила она.

– К ней?

Она вздрогнула.

– Вы только представьте себе, – сказал он, – как она вас теперь встретит!

– Так или иначе, с вами я расстаюсь.

– Да? И...

– Поеду куда-нибудь, где я смогу зарабатывать себе на жизнь, быть свободной, не думать об условностях...

– Дорогая моя, будем циничны. У вас нет ни денег, ни кредита. Никто вас к себе не возьмет. Остается одно из двух: либо вернуться к мачехе, либо... довериться мне.

– Как я могу вам довериться?

– Тогда вы должны вернуться к ней. – Он помолчал, чтобы она могла осознать, что это значит. – Джесси, я не хотел говорить того, что сказал. Честное слово, я не соображал, что говорю. Если можете, простите меня. Я ведь мужчина. Я ничего не мог с собой поделать. Простите меня, и обещаю вам...

– Как же я могу вам поверить?

– Испытайте меня. Уверю вас.

Она недоверчиво взглянула на него.

– Во всяком случае, пока поедемте со мной дальше. Мы уже достаточно долго стоим под этим ужасным мостом.

– Ах, дайте мне подумать! – сказала она, отворачиваясь от него и прижимая руку ко лбу.

– Подумать! Послушайте, Джесси. Сейчас десять часов. Давайте заключим перемирие до часа?

Она поколебалась, потом потребовала, чтобы он сказал, что он подразумевает под перемирием, и наконец согласилась.

Они сели на велосипеды и молча поехали по залитой солнцем, поросшей вереском равнине. Оба чувствовали неловкость и разочарование. Она побледнела, снедаемая страхом и гневом. Она понимала, что попала в беду, и тщетно пыталась найти выход. Только одна мысль все время вертелась у нее в мозгу, как она ни старалась прогнать ее. Это было совершенно не относящееся к делу соображение – что голова его удивительно похожа на бесцветный кокосовый орех. Он тоже был разочарован. Романтический подвиг оболъщения оказался, в общем-то, скучным делом. Но ведь это только начало. Во всяком случае, каждый день, проведенный вместе, был плюсом для него. Может быть, все не так уж и плохо, и эта мысль несколько утешила его.

12. О том, что есть в человеке искусственного, и о духе времени

Вы уже знаете этих двух молодых людей внешне (кстати фамилия мужчины – Бичемел, а девушку зовут Джесси Милтон); слышали их разговор; теперь они едут к Хэзлмиру бок о бок (но не слишком близко друг к другу, храня напряженное молчание), и эта совершенно ненужная глава посвящена тем любопытным совещательным комнаткам в их мозгу, где заседают их побуждения и выносятся приговор их поступкам.

Но сначала скажем несколько слов о париках и вставных зубах. Какой-то шутник, исходя из того, что количество лысых и подслеповатых людей все увеличивается, сделал вывод о том, какое странное будущее ждет человеческую поросль. В наши дни человек, заявил он, к сорока или пятидесяти годам теряет волосы – и вместо них мы даем ему парик; он усыхает – и мы восполняем недостатки его фигуры с помощью ваты; у него выпадают зубы – извольте: к его услугам искусственные челюсти и золотые коронки. Человек потерял руку или ногу – в его

распоряжении чудесная новая искусственная конечность; получил несварение желудка – существует искусственный желудочный сок, желчь, панкреатин, в зависимости от надобности. Цвет лица также может быть заменен; очки подправляют ослабевшее зрение; в глухнущее ухо вставляется незаметная искусственная перепонка. Так этот шутник прошелся по всему нашему организму и придумал фантастическое существо, состоящее из кусочков и заплаток, некое подобие человека с незначительной крупницей живой плоти, сокрытой где-то в глубине. Вот, утверждал он, что нас всех ждет.

Насколько можно подменить живой организм искусственным – эта проблема не должна нас сейчас интересовать. Но дьявол устами мистера Редьярда Киплинга утверждал, что применительно к некоему Томлинсону такая подмена была совершена по крайней мере в том, что касалось души. Когда-то у людей были простые души, желания такие же неискусственные, как глаза, немного здоровой филантропии, немного здорового стремления к продолжению рода, чувство голода, вкус к хорошей жизни, вполне благопристойное тщеславие, здоровая, приносящая удовлетворение воинственность, и так далее. Теперь же нас годами учат и воспитывают, а потом мы годами читаем и читаем какие-то нудные, раздражающие деловые бумаги. Нас со всех сторон окружают гипнотизеры-писатели, гипнотизеры-педагоги и проповедники и гипнотизеры-журналисты. Сахар, который вы едите, говорят они, приготовлен из чернил – и мы тотчас отвергаем его с безграничным отвращением. В темном напитке неоплатного труда без надежды на вознаграждение, узнаем мы, заключено Подлинное Счастье, – и мы пьем его с неизменным удовольствием. Ибсен, говорят они, скучен сверх всякой меры, – и мы начинаем зевать и потягиваться, что есть мочи. Простите, вдруг заявляют они, Ибсен глубок и великолепен, – и мы наперебой друг перед другом восторгаемся им. И вот если мы вскрыем черепные коробки наших двух молодых людей, мы нигде не обнаружим ни единого прямого побуждения; обнаружим мы не столько душу, сколько искусственную оболочку. Дух времени, благоприобретенные идеи, дешевую смесь прекрасных, но путаных представлений. Девушка решила Жить Самостоятельной Жизнью, – фраза, которую вы, возможно, уже слышали; мужчина же одержим довольно извращенным желанием быть циником, натурой артистической и невозмутимой. Кроме всего прочего, он надеется пробудить в девушке Страсть. Из учебников, которые он проштудировал, он знает, что Страсть должна пробудиться. Он знает также, что девушка восхищается его талантом, но не подозревает, что она вовсе не восхищается формой его головы. Он видный лондонский критик, они встретились в доме ее мачехи, известной романистки, и вы уже видели, как они вместе отправились на поиски Приключений. Оба переживают сейчас первую стадию раскаяния, во время которой, как вы, очевидно, знаете по собственному опыту, человек стискивает зубы и говорит: «Не отступлюсь».

События, как видите, развиваются у них не гладко, и они продолжают свой путь хоть и вместе, но почти не общаясь друг с другом, что не сулит ничего хорошего для нормального развития Приключения. Он понял, что поторопился. Но считает, что тут задета его честь, и, хотя с его наряда романтического злодея несколько пооблетела позолота, все-таки замышляет новую атаку.

А девушка? Она еще не пробудилась. Поступки ее заимствованы из книг, написанных случайным сборищем авторов – романистов, биографов – на чистой странице ее неопытности. Она окутана искусственной оболочкой, которая в любую минуту может лопнуть, высвободив скрывающегося под ней человека. Она все еще находится на уровне школьницы, которой разговорчивый старик кажется интереснее застенчивого юноши, а карьера крупного математика или, скажем, редактора ежедневной газеты представляется пределом мечтаний для любой честолюбивой девушки. Бичемел обещал помочь ей достигнуть этого положения наиболее быстрым путем, и вдруг – извольте: он говорит какие-то непонятные слова о любви, смотрит на нее в высшей степени странно, а один раз – и это был самый серьезный его проступок – даже пытался ее поцеловать. Правда, он извинился. Как видите, она до сих пор не понимает, что попала в сложный переплет.

13. Встреча в Мидхерсте

Мы оставили мистера Хупдрайвера у двери небольшого заведения, где можно было выпить чаю, купить табаку или игрушку. Пусть не думает читатель, что я увлекаюсь совпадениями, когда узнает, что рядом с дверью миссис Уорддор – так звали быстроглазую старушку, у которой остановился мистер Хупдрайвер, – была дверь «Гостиницы ангела», где в тот вечер, когда мистер Хупдрайвер достиг Мидхерста, находились «мистер» и «мисс Бомонт» – наши Бичемел и Джесси Милтон. Право же, тут нет ничего удивительного, ибо для человека, едущего через Гилдфорд, выбор дороги на юг весьма ограничен: можно поехать через Питерсфилд в Портсмут или через Мидхерст в Чичестер; кроме этих двух шоссе, есть еще только две проселочные дороги на Петуорс и Палборо и пересекающая их дорога на Брайтон. И если въехать в Мидхерст с севера, на пути неизбежно попадетесь разверстый зев «Гостиницы ангела», готовый поглотить наиболее респектабельных велосипедистов, в то время как добродушный чайник миссис Уорддор привлечет тех, чьи капиталы исчисляются в мелкой монете. Но людям, незнакомым с сэссекскими дорогами, – а к ним-то и принадлежат три действующих лица нашего рассказа, – такое столкновение не казалось неизбежным.

Бичемел, подтягивавший после обеда цепь своего велосипеда во дворе «Гостиницы ангела», первым обнаружил, что они снова вместе. Он увидел, как Хупдрайвер, пуская облака табачного дыма, медленно вышел из ворот и направился вверх по улице. Черные тучи смутного беспокойства, успевшие несколько рассеяться за день, вновь окутали Бичемела и быстро сгустились во вполне определенное подозрение. Он сунул отвертку в карман и вышел через арку на улицу, чтобы немедленно все выяснить, ибо он всегда гордился своей решимостью. Хупдрайвер прогуливался, и они столкнулись лицом к лицу.

Вид соперника вызвал у Хупдрайвера одновременно отвращение и смех, и на какое-то мгновение он перестал испытывать к нему враждебность.

– А-а, опять мы с вами встретились! – сказал он и фальшиво рассмеялся над такой прихотью фортуны.

Но тот, другой человек в коричневом, преградил мистеру Хупдрайверу путь и в упор посмотрел на него. Затем на лице его появилось выражение зловещей любезности.

– Для вас, конечно, не будет открытием, – спросил он чрезвычайно учтиво, – если я скажу, что вы преследуете нас?

Мистер Хупдрайвер в силу каких-то непонятных причин сдержался и не стал по обыкновению сразу же оправдываться. Ему захотелось досадить тому, другому в коричневом, и на память ему весьма кстати пришла фраза, которую в своих мысленных диалогах с этим человеком он не раз произносил.

– С каких это пор, – начал мистер Хупдрайвер, и тут дыхание у него перехватило, но он все же храбро продолжал: – с каких это пор графство Сэссекс стало вашей собственностью?

– Позволю себе заметить, – заявил тот, другой в коричневом, – что я возражаю, то есть мы возражаем не только против того, что вы вечно торчите у нас на глазах. Говоря откровенно, вы, видимо, следуете за нами с какой-то целью?

– Если это вам не по душе, – сказал мистер Хупдрайвер, – вы можете в любую минуту повернуть и возвратиться туда, откуда приехали.

– Ага! – сказал тот, другой в коричневом. – Вот мы и договорились. Я так и думал.

– В самом деле? – переспросил мистер Хупдрайвер, ничего не понимая, но храбро бросаясь навстречу неизвестности. Куда клонит этот человек?

– Понятно, – сказал тот, другой. – Понятно. Вообще-то я подозревал... – Он вдруг стал удивительно дружелюбным. – Можно вас... На несколько слов... Надеюсь, вы могли бы уделить мне десять минут?

В голове мистера Хупдрайвера возникли разные догадки. За кого этот человек принимает его? Действительность превосходила все его вымыслы. Он не сразу нашелся, что сказать. Потом его осенила подходящая фраза:

– Вы хотите мне что-то сообщить?

– Назовем это так, – сказал тот, другой в коричневом.

– Я могу уделить вам десять минут, – с величайшим достоинством произнес мистер Хупдрайвер.

– В таком случае пойдёмте, – сказал тот, другой в коричневом, и они медленно пошли

вниз по Северной улице в направлении начальной школы. С полминуты оба молчали. Тот, другой, нервно поглаживал усы. В мистере Хупдрайвере проснулась обычная склонность драматизировать события. Он не вполне понимал, какая ему выпала роль, но она явно была мрачной и таинственной. Доктор Конан-Дойль, Виктор Гюго и Александр Дюма были в числе авторов, которых он читал, и читал он их не зря.

– Я буду говорить с вами откровенно, – сказал тот, другой, в коричневом.

– Откровенность – всегда наилучший путь, – оказал мистер Хупдрайвер.

– Итак, кто, черт побери, поставил вас на это дело?

– Поставил меня на это дело?

– Не валяйте дурака. Кто вас нанял? На кого вы работаете?

– Видите ли, – смущенно пробормотал мистер Хупдрайвер. – Нет! Я не могу сказать.

– Вы в этом уверены? – Тот, другой в коричневом, многозначительно посмотрел на свою руку, и мистер Хупдрайвер, машинально проследив за его взглядом, увидел желтый металлический ободок кошелька, блеснувший в полутьме. Надо сказать, что младший приказчик стоит выше таких вещей, как чаевые, но лишь незначительно выше, и потому обладает на этот счет особой чувствительностью.

Мистер Хупдрайвер вспыхнул, и глаза его метнули молнии, встретив взгляд того, другого человека в коричневом.

– Уберите это! – сказал он, останавливаясь и глядя прямо в лицо искusstителю.

– Что? – удивленно спросил тот, другой в коричневом. – Что вы сказали? – повторил он, но кошелек все же спрятал в карман.

– Вы что, считаете, что меня можно подкупить? – спросил мистер Хупдрайвер, воображение которого быстро дорисовало то, чего он не понял. – Черт побери! Теперь я в самом деле буду преследовать вас...

– Дорогой сэръ, – сказал тот, другой в коричневом, – прошу извинить меня. Я вас не понял. Я в самом деле прошу меня извинить. Пройдемте еще немного. В вашей профессии...

– Что вы имеете против моей профессии?

– Ну, как вам сказать... Есть сыщики низшего класса – те, которые занимаются слежкой. Это целая категория людей... Частный розыск... Я принял вас... надеюсь, вы меня извините за эту, в общем-то вполне естественную, ошибку. Благородные люди не так часто встречаются в жизни – в любой области.

К счастью для мистера Хупдрайвера, в Мидхерсте летом не зажигают фонарей, иначе фонарь, мимо которого они в эту минуту проходили, сослужил бы ему плохую службу. Он и так вынужден был схватиться за усы и потянуть их изо всей силы, чтобы скрыть бешеный взрыв веселости, неодолимый приступ смеха, который душил его. Он сыщик! Даже в полумраке Бичемел заметил, что собеседник его давится от смеха, но он приписал это впечатлению, какое произвело на того выражение «благородные люди».

«Ничего, он еще одумается, – сказал-себе Бичемел. – Просто хочет набить себе цену, чтоб получить пять фунтов».

Он кашлянул.

– Не понимаю, что вам мешает сказать, кто ваш наниматель?

– Не понимаете? Зато я понимаю.

– Давайте ближе к делу, – решил попытать счастья Бичемел. – Я хочу поставить перед вами главный вопрос, в котором, так сказать, вся загвоздка. Если не хотите, можете мне не отвечать. Но, думается, не будет большой беды, если я скажу вам, что именно мне хотелось бы знать. Вам поручено следить за мной... или за мисс Милтон?

– Нет, я не болтун, – сказал мистер Хупдрайвер, наслаждаясь тем, что он не выдает тайны, которой и сам не знает. Мисс Милтон! Значит, вот как ее зовут. Может быть, этот человек еще что-нибудь скажет о ней. – Напрасно стараетесь. Больше вам ничего от меня не угодно? – спросил мистер Хупдрайвер.

Бичемел весьма высоко ставил свои дипломатические способности. Он решил добиться успеха, сыграв на доверии.

– По-моему, только два человека заинтересованы в том, чтобы следить за развитием этой истории.

– Кто же второй? – спокойно спросил мистер Хупдрайвер, с большим трудом, однако, сохраняя самообладание. «Кто второй», – это просто блестяще, решил он про себя.

– *Моя жена и ее мачеха.*

– И вы хотите знать, которая из них...

– Да, – сказал Бичемел.

– Ну и спросите у них самих, – произнес мистер Хупдрайвер, внутренне ликуя и восхищаясь своей находчивостью. – Спросите у них самих.

Подумав, что от него ничего не добьешься, Бичемел собрался было уйти. Но потом решил сделать еще одну попытку.

– Я бы дал пять фунтов, чтобы узнать истинное положение дел, – сказал он.

– Я же сказал вам, чтобы вы об этом и не заикались! – угрожающим тоном заявил мистер Хупдрайвер. И прибавил доверительно, но загадочно: – Видно, вы еще не поняли, с кем имеете дело. Но ничего, поймете!

Он говорил так убежденно, что сам чуть ли не поверил в существование своего сыскного бюро в Лондоне, конечно, на Бэйкер-стрит.

На этом разговор окончился. Бичемел, весьма встревоженный, пошел назад в гостиницу. «Черт бы побрал этих сыщиков!» Такого оборота он никак не ожидал. А Хупдрайвер, выпучив глаза, недоуменно улыбаясь, спустился к мельничной запруде, где вода блестела в лунном свете, постоял некоторое время в задумчивости у парапета моста, бурча что-то насчет Частного Розыска и тому подобных вещей, повернулся и с таинственностью, отражавшейся даже в походке, двинулся к городу.

Мистер Хупдрайвер возликовал – внешне это выразилось в том, что он поднял брови и протяжно, но негромко свистнул. На какое-то время он забыл про слезы Юной Леди в Сером. Началась новая игра – игра всерьез. И мистер Хупдрайвер выступал тут как Частный Детектив, настоящий Шерлок Холмс, держащий этих двух людей «под наблюдением». Он немедленно пошел обратно, пока не оказался напротив «Гостиницы ангела»; там он постоял минут десять, разглядывая здание и наслаждаясь непривычным сознанием того, что он такой удивительный, таинственный и страшный человек. В его голове все сразу стало на свои места. Конечно, он по какому-то наитию принял облик велосипедиста и, чтобы не упустить беглецов, схватил первую попавшуюся рухлядь. «Денег на расходы не жалеть».

Затем он попытался осмыслить то, что стало ему известно. «Моя жена». – «*Ее мачеха!*» Тут ему вспомнились заплаканные глаза девушки. И его захлестнула волна гнева, удивившая его самого и мгновенно смывшая с него личину сыщика, так что он вновь превратился просто в мистера Хупдрайвера. Тот человек в коричневом, с его самоуверенным видом и пятью фунтами (черт бы его побрал!), явно затевает что-то недоброе, иначе чего бы ему бояться слезки. Он женат! И она вовсе не сестра ему. Мистер Хупдрайвер начал кое-что понимать. Ужасное подозрение родилось у него. Надо надеяться, дело еще не дошло до этого. Он сыщик – он все узнает. Но как? Он начал придумывать всевозможные планы, которые поочередно представлял на собственное утверждение. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы решиться войти в бар «Ангела».

– Пожалуйста, лимонаду и пива, – сказал мистер Хупдрайвер.

Он прочистил горло.

– Мистер и миссис Болонг не здесь остановились?

– Джентльмен и молодая леди на велосипедах?

– Да, довольно молодые – муж и жена.

– Нет, – сказала буфетчица, разговорчивая особа внушительных размеров. – Мужа и жены у нас нет. Но есть мистер и *мисс* Бомонт. – Для точности она произнесла фамилию по слогам. – Вы уверены, молодой человек, что не спутали фамилию?

– Совершенно уверен, – ответил мистер Хупдрайвер.

– Бомонты здесь есть, но этих – как вы их назвали?

– Болонги, – сказал мистер Хупдрайвер.

– Нет, никаких Болонгов здесь нет, – сказала буфетчица и, взяв вымытый стакан, начала

вытирать его. – Сначала я подумала, что вы спрашиваете про Бомонтов – фамилии-то схожие. Они тоже едут на велосипедах?

– Да. Они сказали, что, очевидно, будут в Мидхерсте к вечеру.

– Ну, может, они скоро и приедут. Бомонты тут есть, а вот Болонгов нет. Вы уверены, что вам нужны не Бомонты?

– Наверняка, – заверил ее мистер Хупдрайвер.

– Забавно, что фамилии такие схожие. Я подумала, может...

Так они потолковали какое-то время, и мистер Хупдрайвер с искренней радостью убедился, что подозрения его неосновательны. Буфетчица, удостоверившись, что на лестнице никто не подслушивает, сообщила ему некоторые подробности о молодой паре, остановившейся наверху. Она намекнула, что костюм молодой леди оскорбил ее скромность, а мистер Хупдрайвер шепотом сострил на этот счет, отчего буфетчица кокетливо пришла в ужас.

– Пройдет годика два, и уже никто не отличит, где мужчина, а где женщина, – заметила она. – А как эта молодая леди ведет себя! Слезла с машины, сунула ее своему спутнику, чтоб поставил у тротуара, а сама прямо сюда. «Мы с братом, – говорит, – хотим остановиться здесь на ночь. Брату все равно, какая у него будет комната, а мне нужна комната с хорошим видом, если у вас такая есть». Так и сказала! Тут он влетел сюда и устоял на ней. А она говорит: «Я уже условилась насчет комнат». А он ей: «Тьфу, черт!» Так и сказал. Представляю себе, что бы мой братец сказал, если б я вздумала так им командовать.

– Думаю, и командуете, – сказал мистер Хупдрайвер, – если по правде-то.

Буфетчица опустила глаза, улыбнулась и покачала головой, поставила вытертый стакан, взяла другой и стряхнула с него капли воды в маленькую цинковую раковину.

– Хороша она будет под венцом, – заметила буфетчица. – Так и пойдет, как говорится, в невыразимых? Подумать только, какие теперь стали девушки.

Такое пренебрежительное отношение к Юной Леди в Сером едва ли могло прийти по вкусу Хупдрайверу.

– Мода, – сказал он, беря сдачу, – мода – это для вас, женщин, все, так оно всегда было. Через годик-другой вы сами станете носить брюки.

– Да уж, хорошо они будут выглядеть на моей фигуре, – заметила буфетчица, хихикнув. – Нет, я за модой не гонюсь. Слава богу, нет! Мне бы все казалось, будто на мне нет ничего, будто я забыла надеть... Ну да ладно. Что-то я разболталась. – Она резко поставила стакан. – Видно, вкусы у меня старомодные, – сказала она и пошла вдоль бара, мурлыча себе что-то под нос.

– Только не у вас, – возразил мистер Хупдрайвер. И, встретившись с ней взглядом, учтиво улыбнулся, приподнял кепи и пожелал ей спокойной ночи.

Вслед за этим мистер Хупдрайвер вернулся в комнатку с окном в свинцовом переплете, где он обедал и где теперь была приготовлена для него удобная постель; он присел на сундук возле окна и, глядя на луну, поднимавшуюся над блестящей крышей дома священника, попытался собраться с мыслями. В каком вихре неслись они вначале! Был одиннадцатый час, и почти все жители Мидхерста уже лежали в постели; кто-то в конце улицы пиликал на скрипке; время от времени запоздалый горожанин спешил домой, пробуждая своими шагами эхо, да в саду священника деловито чирикал коростель. На темно-синем небе, там, где еще остались отсветы заката, вырисовывался черный силуэт холма, и бледная луна безраздельно, если не считать двух-трех желтых звездочек, господствовала на небосводе.

Вначале мысли мистера Хупдрайвера носили кинетический характер: он думал о действиях, а не об отношениях. Перед ним был злодей и его жертва, и мистеру Хупдрайверу выпало на долю принять участие в игре. Он женат. Знает ли-она об этом? Мистер Хупдрайвер ни минуты не думал о ней плохо. Простодушные люди разбираются в вопросах морали намного лучше, чем высокообразованные господа, которые начитались и наразмышлялись до того, что всякий ум потеряли. Он слышал ее голос, видел открытый взгляд ее глаз, и она плакала – этого было вполне достаточно. Он еще не все уяснил себе как следует. Но уяснит. А этот ухмыляющийся тип – свинья, и это – самое мягкое для него слово. Мистеру Хупдрайверу

вспомнился чрезвычайно неприятный инцидент у железнодорожного моста. «Мы вас больше не задерживаем, благодарю вас, – вслух произнес сквозь зубы мистер Хупдрайвер неестественным, презрительным тоном, который, как ему казалось, точно воспроизводил голос Бичемела. – Ах ты нахал! Ничего, я еще с тобой поквитаюсь. Он боится нас, сыщиков, голову даю на отсечение». (Если бы миссис Уорддор оказалась за дверью и услышала его слова, – тем лучше!)

Некоторое время он изобретал способы мести и наказания для злодея, – большей частью физически неосуществимые: вот Бичемел, шатаясь, падает навзничь от удара внушительного, но, по правде сказать, не очень сильного, кулака мистера Хупдрайвера; вот тело Бичемела – 5 футов 9 дюймов – поднято в воздух, и оно извивается и корчится под страшными ударами хлыста. Эти мечты были столь приятны, что остроносое лицо мистера Хупдрайвера при свете луны словно преобразилось. При взгляде на него вспоминалась широко известная картина «Пробуждение души», – столь сладостен был владевший им экстаз. Наконец, удовлетворив свою жажду мести шестью или семью отчаянными драками, дуэлью и двумя зверскими убийствами, он мысленно вновь занялся Юной Леди в Сером.

Смелая она все-таки девушка. Он вспомнил, как ему рассказывала про нее буфетчица в «Гостинице ангела». И мысли его перестали нестись стремительным потоком, а уподобились гладкому зеркалу, в котором она отражалась предельно ясно и четко. Никогда в жизни не встречал он такой девушки. Разве можно представить себе эту толстуху-буфетчицу одетой, как она! Он презрительно рассмеялся. Он сравнил цвет ее лица, ее живость, ее голос с Юными Леди-Труженицами, с которыми его объединяла общая участь. Даже в слезах она была прекрасна, а ему казалась еще прекраснее оттого, что слезы делали ее мягче, слабее, не такой неприступной. До сих пор слезы были связаны в его представлении с мокрым бледным лицом, покрасневшим носом и растрепанными волосами. Приказчик – в некотором роде знаток слез, ибо слезы – обычная реакция Юных Леди-Тружениц, когда им сообщают, что по тем или иным причинам в их услугах больше не нуждаются. А она – другое дело, она умеет плакать и – черт возьми! – умеет улыбаться. Уж он-то знает. И, внезапно перейдя от мечтательного состояния к готовности действовать, он заговорщически улыбнулся сморщенной бледной луне.

Трудно сказать, сколько времени размышлял так мистер Хупдрайвер. Кажется, довольно долго, прежде чем им овладела жажда действия. Он вспомнил, что призван «наблюдать» и что завтра ему предстоит немало хлопот. Сыщики всегда делают какие-то пометки, поэтому он достал свою записную книжку. Держа ее в руках, он снова задумался. Сказал ли ей этот тип, что за ними следят? Если да, то станет ли она, как и он, стремиться поскорее уехать отсюда? Надо быть начеку. Если удастся, хорошо бы поговорить с ней. Сказать коротко, но многозначительно: «Я ваш друг – доверьтесь мне!» Ему пришло в голову, что завтра беглецы могут встать спозаранок и удрать. Тут он взглянул на часы и обнаружил, что уже половина двенадцатого. «Боже мой! – воскликнул он про себя. – Как бы мне не проспаться!» Он зевнул и поднялся. Ставни не были закрыты, и он еще отдернул ситцевую занавеску, чтобы солнце утром ударило ему в глаза, повесил свои часы на видном месте – на крюк для котелка – и, сев на кровать, принялся раздеваться. Некоторое время он лежал, размышляя о чудесных возможностях, которые откроются перед ним завтра утром, потом доблестно отбыл в волшебную страну снов.

14. Погоня

И вот мистер Хупдрайвер, встав с солнцем, бодрый, энергичный, в чудесном настроении, распахивает открывающуюся половину оконной рамы и, напрягая слух, то и дело искоса поглядывает на фасад «Ангела». Миссис Уорддор хотела, чтобы он позавтракал внизу, на кухне, но это значило бы покинуть наблюдательный пост, и он решительно отказался. Велосипед его в полной готовности занимал, невзирая на все протесты, стратегическую позицию в лавке. С шести утра мистер Хупдрайвер ждал. К девяти им овладел неопишуемый страх: а что, если добыча ускользнула от него? И чтобы успокоиться, он решил произвести рекогносцировку на дворе «Ангела». Там он обнаружил конюха, чистившего велосипеда преследуемых (до чего же низко опустились великие мира сего в наше упадочное время!), и, с облегчением переведя дух,

вернулся к миссис Уордор. Часов около десяти они появились и спокойно покатали по Северной улице. Он проследил за ними, пока они не завернули за угол почты, тогда он выскочил на дорогу и помчался за ними во всю прыть! Они проехали мимо пожарного депо, где хранятся старые насосы и прочее хозяйство, и свернули на Чичестерскую дорогу – он неотступно следовал за ними. Так началась великая погоня.

Они не оглядывались, и он старался ехать на расстоянии, а когда за поворотом вдруг оказывался слишком близко от них, соскакивал с машины. Усиленно работая педалями, он не отставал от них, ибо они не спешили. Ему, правда, было жарко, и колени у него слегка одеревенели, но и только. Опасность упустить их была невелика: дорогу покрывал тонкий слой известковой пыли, и шины ее велосипеда оставляли отпечаток, похожий на след от ребра шиллинга, а рядом клетчатой лентой вился след его шин. Так они проехали мимо памятника Кобдену, пересекли прелестнейшую деревеньку, наконец впереди показались крутые склоны холмов. Тут они сделали остановку в единственной гостинице; мистер Хупдрайвер занял позицию, откуда ему видна была входная дверь, вытер лицо и, томясь от жажды, выкурил «Копченую селедку». Они все не показывались. Несколько краснощеких недорослей, возвращавшихся из школы, остановились и, выстроившись в ряд, минут десять спокойно, но упорно глазели на мистера Хупдрайвера.

– Проваливайте отсюда, – сказал он.

Они выслушали его с интересом, но совершенно невозмутимо. Тогда он стал спрашивать одного за другим, как их зовут, они же лишь невнятно бормотали что-то в ответ. Под конец он отступился и с безучастным видом продолжал ждать, а им через некоторое время надоело на него смотреть, и они разошлись.

Взятая им под наблюдение пара находилась в гостинице так долго, что мистер Хупдрайвер при мысли о том, что они там делают, почувствовал не только жажду, но и голод. Они явно завтракали. День стоял безоблачный, и солнце, взойдя в зенит, припекало темя мистера Хупдрайвера, словно он стоял под солнечным душем и на голову ему лили горячий солнечный свет. Голова у него кружилась. Наконец они вышли из гостиницы, и человек в коричневом оглянулся и увидел его. Они доехали до подножия холма, сошли с велосипедов и, подталкивая машины, медленно двинулись вверх по длинной, почти вертикальной слепяще-белой дороге. Мистер Хупдрайвер остановился. У них уйдет минут двадцать на то, чтобы подняться по склону. А дальше, наверно, на многие мили тянется пустынная равнина. И он решил вернуться в гостиницу и быстро перекусить.

В гостинице ему подали сухарики с сыром и обманчивую на вид оловянную кружку крепкого пива, приятного на вкус, освежающего горло, но свинцом наливающего ноги, особенно в такой жаркий день. Он чувствовал себя полноценным человеком, когда вышел на слепящий солнечный свет, но уже у подножия холма солнце так припекло его, что, казалось, череп его сейчас лопнет. Подъем стал круче, меловая лента дороги, точно свет магния, резала глаза, и переднее колесо его начало безостановочно скрипеть. Он чувствовал себя так, как, наверно, чувствовал бы себя марсианин, если бы вдруг очутился на нашей планете, а именно: в три раза тяжелее, чем обычно. Две маленькие черные фигурки исчезли за холмом.

– Ничего, следы все равно останутся, – промолвил Хупдрайвер.

Эта мысль успокаивала его. Она не только оправдывала медлительность, с какою он поднимался в гору, но и отдых после подъема, когда он растянулся на траве у дороги и принялся – теперь уже с противоположной стороны – обозревать Южную Англию. За какие-нибудь два дня он пересек эту обширную долину, обрамленную зелеными холмами, вздыбившимися, словно застывшие волны, – долину с разбросанными по ней деревеньками и городками, рощами и полями, прудами и речками, сверкающими на солнце, точно изделия из серебра, усыпанные бриллиантами. Северных холмов не было видно – они были далеко. Внизу приютилась деревушка Кокинг, а на склоне, примерно на расстоянии мили вправо, паслось стадо овец. Над головой, в синем небе, кружил встревоженный чибис, издавая время от времени свой слабый крик. Здесь, наверху, жара не так чувствовалась из-за освежающего ветерка. Мистером Хупдрайвером овладело непонятное убожество, он закурил сигарету и устроился поудобнее. Право же, сэссекское пиво, видно, делают на водах Леты, настоящее из маков и сладостных грез. И вот предательница Дрема уже незаметно связала его своими путами.

Он вздрогнул и проснулся с ощущением вины: оказывается, он лежал, растянувшись на траве, сдвинув кепи на один глаз. Он сел, протер глаза и понял, что спал. Голова у него была еще немного тяжелая. А как же погоня? Он тотчас вскочил и нагнулся, чтобы поднять опрокинутый велосипед. Вынув часы, он увидел, что уже больше Двух.

– Господи помилуй! Подумать только! Но следы-то их, конечно, остались, – пробормотал мистер Хупдрайвер, выводя машину на меловую дорогу. – Я, наверное, живьем изжарюсь, прежде чем догоню их.

Он вскочил на велосипед и поехал – настолько быстро, насколько позволяли жара и остатки усталости. Время от времени ему приходилось слезать, чтобы на развилке осмотреть дорогу. Это ему даже нравилось. «Следопыт», – изрек он вслух, а в глубине души решил, что у него настоящее чутье на «нить». Так он проехал станции Гудвуд и Лейвант и часам к четверем добрался до Чичестера. И тут начался кошмар. На дороге местами стали попадаться каменистые участки; в других местах она была вся затоптана недавно прошедшим стадом овец, и, наконец, у въезда в город появился булыжник – каменные мостовые уходили на восток, на запад, на север и на юг, и у каменного креста, стоявшего в тени собора, следы терялись.

– Тьфу, дьявол! – воскликнул мистер Хупдрайвер в растерянности, слезая с велосипеда и останавливаясь посреди дороги.

– Что-нибудь обронили? – осведомился какой-то местный житель, стоявший у развилки.

– Да, – сказал мистер Хупдрайвер, – потерял нить.

И двинулся дальше, предоставив местному жителю гадать, какая же часть велосипеда называется «нитью». А мистер Хупдрайвер, отказавшись от поиска следов, начал спрашивать прохожих, не видели ли они Юной Леди в Сером на велосипеде. Когда шестеро случайных прохожих ответили, что нет, он почувствовал, что расспросы его выглядят подозрительно, и отступился. Но что же теперь предпринять?

Хупдрайверу было жарко, он устал, проголодался, и его начали терзать страшные угрызения совести. Он решил подкрепиться чаем с холодным мясом и, сидя в «Короле Георге», в весьма меланхолическом настроении принялся раздумывать над тем, что произошло. Они исчезли из поля его зрения – испарились, и все его чудесные, хоть и неясные мечты о том, как он вдруг сыграет в их судьбе решающую роль, рассыпались в прах. Какого он свалил дурака: надо было прилипнуть к ним, как пиявка! Ведь это же ясно! О чем он только думал! Ну хорошо, что проку сейчас от угрызений? Он вспомнил про ее слезы, про беспомощность, про то, как вел себя тот человек в коричневом, и гнев его и досада вспыхнули с новой силой.

– Но что же я могу поделать? – громко воскликнул мистер Хупдрайвер, ударя кулаком по столу рядом с чайником.

А что бы сделал Шерлок Холмс? Может, все-таки существуют на свете такие вещи, как ключ к разгадке, хотя время чудес и прошло? Но искать ключ в этом сложном переплетении мощных булыжником улиц, исследовать каждую полоску земли между камнями! Можно, конечно, походить по городу и порасспрашивать по гостиницам. С этого он и начал. Но они, разумеется, могли проехать через город, не останавливаясь, так что ни одна душа их не заметила. И тут ему в голову пришла положительно блестящая идея. «Сколько дорог выходит из Чичестера? – спросил себя мистер Хупдрайвер. Вот это была мысль, достойная Шерлока Холмса. – Если они поехали дальше, то на одной из дорог я обнаружу их следы. Если же нет, – значит, они в городе». В эту минуту он находился на Восточной улице и тотчас двинулся в объезд города, который, как он выяснил попутно, был обнесен стеной. По дороге он навел справки в «Черном лебеде», в «Короне», в «Гостинице Красного льва». В шесть часов вечера он шел по дороге, ведущей в Богнор, – шел, потупившись, отчаянно пыля и напряженно глядя себе под ноги, как человек, потерявший монету; разочарование сделало его угрюмым и злым. То был уже совсем другой Хупдрайвер – раздосадованный и удрученный. И тут ему в глаза вдруг бросилась широкая полоса с рубчиками, как на ребре шиллинга, а рядом – другая, клетчатая, – полосы эти то сливались, то снова разъединялись. «Нашел!» – воскликнул мистер Хупдрайвер и, круто повернувшись, вприпрыжку помчался к «Королю Георгу», где ему чинили велосипед. Конюх считал, что для обладателя такой развалины он уж очень придиричив.

15. В Богноре

Тем временем Бичемел, сей джентльмен-обольститель, готовился к решающей минуте. Он затеял этот побег с Джесси в лучших романтических традициях, необычайно гордый своей испорченностью и действительно влюбленный – в той мере, в какой может быть влюблен человек с такой искусственной душой. Но Джесси оказалась то ли отъявленной кокеткой, то ли просто от природы лишена была способности воспылать Страстью (с большой буквы). В его представления о себе и о женской натуре никак не укладывалось, что Джесси даже при столь благоприятных обстоятельствах не сумела оправдать его ожидания. Ее неизменная холодность и более или менее явное презрение бесили его. Он внушал себе, что она способна вывести из терпения даже святого, и пытался увидеть в этом нечто занятное и пикантное, но самолюбие его не успокаивалось. В конце концов под влиянием этого постоянного раздражения он стал самим собой, а натура его, несмотря на полученное в Оксфорде образование и на принадлежность к Клубу молодых обозревателей, ничем не отличалась от природы существа времен палеолита с его примитивными вкусами и склонностью к насилию. «Я еще с тобой посчитаюсь!» – мысль эта, словно плуг, перепаживала его думы.

А тут еще этот проклятый сыщик. Бичемел сказал жене, что едет в Давос повидать Картера. С этим она, видимо, смирилась, а вот как она отнесется к такой аванюре, трудно предугадать. У нее свои особые взгляды на мораль, и супружескую неверность она расценивала в зависимости от того, в какой мере это может ее задеть. Если все происходит не у нее на глазах, вернее, не на глазах у дам ее круга, так и быть, можно разрешить этим презренным слабым существам – мужчинам предаваться порокам определенного свойства, но ведь тут грех на Большой Дороге! Она непременно поднимет шум, что в конечном счете всегда приводило к сужению финансовых возможностей Бичемела. И все же – решимость эта делала его героем в собственных глазах – аванюра стоила того. Воображение рисовало ему матроноподобную Валькирию; воздух наполнился звуками погони и мести. Но на авансцене по-прежнему царила идиллия. Проклятого сыщика, судя по всему, удалось сбить со следа, и, таким образом, хотя бы эту ночь можно будет вздохнуть свободней. А дело надо довести до конца.

И вот в восемь часов вечера в небольшой столовой гостиницы «Викуна» в Богноре наступил решающий момент, и Джесси, раскрасневшаяся, возмущенная, с замирающим сердцем, вновь приготовилась к схватке с Бичемелом – на этот раз последней. Ему удалось обмануть ее – удача была на его стороне: в гостинице он записал ее в книге для приезжих как миссис Бомонт. Пока, если не считать того, что она отказалась зайти в их общий номер и выразила странное желание сесть за стол, не вымыв Рук, она ничем не выдала себя перед официантом. Но обед прошел в довольно мрачной атмосфере. А теперь Джесси решила воззвать к лучшим сторонам его натуры и вслух принялась излагать всякие несбыточные планы своего спасения.

Он сидел белый, кипя от злости, – примитивная ярость то и дело прорывалась сквозь его маску светского льва.

– Я пойду на станцию, – говорила она. – Вернусь домой...

– Последний поезд отошел в 7:42.

– Я обращаюсь в полицию...

– Вы не знаете полиции.

– Я скажу управляющему гостиницы.

– Он выставит вас за дверь. Положение ваше крайне ложно. Здесь этого не поймут – это вне всяких правил.

Она топнула ногой.

– Ну, так я буду бродить всю ночь по улицам, – заявила она.

– Это вы-то, которая ни разу в жизни не выходила одна из дому после сумерек? А вы знаете, на что похожи улицы такого прелестного курортного городка?

– Не знаю и знать не хочу, – сказала она. – Я могу пойти к священнику.

– Это очаровательный человек. Неженатый. А мужчины, что бы вы о них ни думали, все более или менее одинаковы. И, кроме того...

– Что еще?

– Попробуйте-ка объяснить теперь кому бы то ни было, как вы провели последние две

ночи. Это непоправимо, Джесси.

– Негодяй, – сказала она и внезапно поднесла руку к груди.

Он решил, что она сейчас упадет в обморок, но она выстояла – только побелела как полотно.

– Всего нет, – сказал он. – Я люблю вас.

– Любите?! – воскликнула она.

– Да, люблю.

– Ну, ничего, я найду выход, – промолвила она, помолчав.

– Только не вы. В вас столько жизни и надежды! Ни темная арка моста, ни черные быстрые воды реки не для вас. И не думайте об этом. Все равно в последний момент у вас не хватит духу, и вы только окажетесь в смешном положении.

Она резко отвернулась от него, встала и принялась глядеть в окно на сверкающее море, над которым свет нарождавшейся луны боролся с последними отблесками угасающего дня. Он продолжал сидеть. Жалюзи не были спущены, ибо она просила официанта не закрывать окон. Несколько минут царил тишина.

Наконец он заговорил – самым вкрадчивым тоном, на какой был способен:

– Ну будьте же благоразумны, Джесси. Зачем нам, людям, имеющим столько общего, ссориться и разыгрывать мелодраму? Клянусь, я люблю вас. Вы для меня – олицетворение всего самого яркого и желанного. Я сильнее вас, старше, я как раз тот мужчина, который нужен такой женщине, как вы. И вдруг вы, оказывается... так скованы условностями!

Она взглянула на него через плечо, и он залюбовался ею, увидев, как она вздернула свой хорошенький подбородок.

– *Мужчина!* – фыркнула она. – Как раз тот мужчина, который нужен *мне* ! Да разве *мужчины* лгут? Неужели *мужчина* станет пускать в ход весь свой тридцатипятилетний опыт, чтобы перехитрить семнадцатилетнюю девушку? Нечего сказать, мужчина, который нужен мне! Это уж последнее оскорбление!

– Ваш ответ прелестен, Джесси. Должен вам, однако, сказать, что именно так мужчины и поступают – и даже хуже, если им понравится такая девушка, как вы. И перестаньте вы, ради бога, ворчать! Почему вы хотите быть такой недотрогой? Я принес к вашим ногам свою репутацию, свою карьеру. Послушайте, Джесси, клянусь честью, я женюсь на вас...

– Боже упаси! – с такой поспешностью воскликнула она, что и тут не дала ему сказать про свою жену. Он же только теперь по горячности ее ответа понял, что она этого не знает.

– Сейчас у нас с вами вроде бы помолвка, – продолжал он, следуя своей догадке. И, помолчав, добавил: – Будьте благоразумны. Вы же сами этого хотели. Пойдемте на берег – берег здесь изумительный, скоро взойдет луна.

– Не пойду, – заявила она, топнув ножкой.

– Ну ладно, ладно...

– Ах, оставьте меня одну. Дайте мне подумать...

– Думайте, если хотите, – сказал он. – Вы только и твердите об этом. Но сколько ни думайте, все равно, моя девочка, вы себя не спасете. Теперь вам себя никак не спасти. Если, конечно, ваше спасение в том... чтобы быть недотрогой...

– Ах, уйдите, уйдите же.

– Хорошо. Я ухожу. Пойду выкурю сигару... и буду думать о вас, дорогая. Неужели вы считаете, что я стал бы тратить время, если бы вы не были мне так дороги?

– Уходите, – прошептала она, не глядя на него.

Она продолжала смотреть в окно. Он поглядел на нее с минуту – в глазах его появился странный блеск. Затем шагнул к ней.

– Попались, – сказал он. – Теперь вы в моей власти. В сетях, плененная. Но моя. – Ему хотелось подойти к ней, взять ее за плечи, но он решил пока этого не делать. – Вы в моей власти, – повторил он. – Слышите: в моей *власти* !

Она не шелохнулась. Он посмотрел на нее и, величественно взмахнув рукой – этого жеста она так и не видела, – направился к двери. Слабый пол всегда инстинктивно подчиняется силе – на этом-то он и сыграет. И Бичемел решил про себя, что битва выиграна. Джесси слышала, как повернулась ручка в двери и щелкнул захлопнувшийся замок.

А теперь выйдем на улицу, где уже наступили сумерки, и посмотрим на мистера Хупдрайвера – щеки его горят румянцем, глаза сверкают! А ум – в полном смятении. Робкий, раболепно послушный Хупдрайвер, которого я представил вам несколько дней тому назад, претерпел удивительное превращение. С тех пор как он потерял в Чичестере «нить», его терзали кошмары: ему казалось, что предмет его внимания подвергают позорнейшим оскорблениям. Новая, непривычная обстановка постепенно лишила его обычной покорности судьбе.

Здесь на смену багровому закату вставала луна, ложились черные тени и зажигались оранжевые фонари; таинственные силы отняли у него красавицу; воплощенное зло в коричневом костюме с неприятным лицом издевалось над ним и угрожало. Мистер Хупдрайвер перенесся в мир романтики и рыцарских подвигов, в блаженном своем состоянии забыв на время, какое общественное положение занимает девушка, а какое он сам, забыв и о своей проклятой застенчивости, которая прежде так сковывала его, когда он стоял за прилавком, на своем месте. Его обуревала ярость и жажда приключений. У него на глазах развертывалась настоящая драма, в которую он оказался втянут, и он ни за что не хотел упустить дальнейшее развитие событий. Однако теперь, найдя утерянную «нить», он уже не мог бы забавляться происходящим как зритель. Он жил полной жизнью. И уже не позировал, когда слез с велосипеда у кафе, чтобы наскоро перекусить.

Бичемел как раз вышел из «Викуны» и направился к набережной, когда Хупдрайвер, разочарованный и отчаявшийся, выскочил из кафе «Трезвость» и завернул за угол. При виде Бичемела сердце у него подпрыгнуло от радости, и владевшая им злость уступила место усиленной деятельности ума, или, вернее, нашла выход в лихорадочном потоке мыслей. Значит, они остановились в «Викуне», и она сейчас там одна. Это был как раз тот случай, которого он искал. Но он не даст Фортуне провести себя. Он снова завернул за угол, присел на скамью и проследил за Бичемелом до тех пор, пока тот не скрылся в темной дали набережной. Тогда он встал и вошел в гостиницу.

– Мне нужна дама в сером, которая приехала на велосипеде, – сказал он и смело последовал за слугой.

Лишь когда дверь в столовую распахнулась, сердце у него екнуло. Он чуть было не повернулся и не бросился бежать, он почувствовал, как у него от страха перекашивается лицо.

Вздвогнув, она обернулась и посмотрела на него – в глазах ее отразились одновременно надежда и страх.

– Могу ли я... сказать вам несколько слов... наедине? – спросил мистер Хупдрайвер, с трудом овладевая дыханием.

Она помедлила, затем жестом велела слуге удалиться. Мистер Хупдрайвер проводил его взглядом, пока за ним не закрылась дверь. Он намеревался выйти на середину комнаты и, скрестив на груди руки, сказать: «С вами случилась беда. Я ваш друг. Доверьтесь мне». Вместо этого он постоял, тяжело дыша, и вдруг с виноватым видом, торопливо и отнюдь не галантно выпалил:

– Послушайте. Я не знаю, какая тут у вас заварилась каша, но, по-моему, что-то не так. Извините, что я вмешиваюсь. Только... если это правда, я сделаю все, что хотите, чтоб помочь вам выбраться из заварухи. Вот, по-моему, все, что я хотел сказать. Что же я могу для вас сделать? Я что угодно сделаю, чтобы помочь вам.

Она сосредоточенно смотрела на него, пока он с большим волнением произносил свою замечательную речь.

– Вы! – промолвила она. Раздираемая противоречивыми чувствами, она взвешивала в уме все «за» и «против», и не успел он кончить, как она приняла решение.

– Вы – джентльмен, – сказала она, шагнув к нему.

– Да, – согласился мистер Хупдрайвер.

– Могу ли я вам довериться? – И, не дожидаясь его ответа, добавила: – Я должна немедленно покинуть эту гостиницу. Подите сюда. – Она взяла его под руку и подвела к окну. – Отсюда видны ворота. Они еще открыты. Там стоят наши велосипеды. Пойдите туда, выведите

их, а я спущусь к вам. Отважитесь вы на это?

– На то, чтобы вывести ваш велосипед на дорогу?

– Оба. Если вы выведете только мой, это ничего не даст. И сейчас же. Отважитесь?

– А как туда пройти?

– Выйдите через главный вход и за угол. Я через минуту последую за вами.

– Хорошо, – сказал мистер Хупдрайвер и вышел.

Он должен вывести велосипеды. Даже если б ему приказали пойти и убить Бичемела, он бы и это сделал. В голове его бурлил Мальстрем. Он вышел из гостиницы, прошел вдоль ее фасада и завернул в большой темный двор. Там он осмотрелся. Никаких велосипедов на виду не было. Тут из темноты вынырнул коротенький человечек в короткой черной лоснящейся куртке. Хупдрайвер был пойман. Он даже и не пытался бежать.

– Я почистил ваши машины, сэр, – сказал человечек, увидев знакомый костюм, и дотронулся до фуражки.

Ум Хупдрайвера по быстроте сообразительности не уступил тут взмывающему ввысь орлу: он мгновенно все понял.

– Прекрасно, – сказал он и, стремясь сократить паузу, поспешно добавил: – А где мой велосипед? Мне хотелось бы взглянуть на цепь.

Человечек провел его под навес и принялся искать фонарь. Хупдрайвер подвел сначала дамский велосипед к двери, затем взялся за мужской и выкатил его во двор. Ворота были открыты, и за ними белела дорога и чернели в полумраке деревья. Он нагнулся и дрожащими пальцами принялся ощупывать цепь. Как же быть дальше? За воротами что-то промелькнуло. Надо как-то отделаться от этого человека.

– Послушайте, – сказал Хупдрайвер, осененный внезапной мыслью. – Можете принести мне отвертку?

Человек вернулся под навес, открыл и закрыл какой-то ящик и через минуту уже стоял подле коленапоклоненного Хупдрайвера с отверткой в руке. Хупдрайвер почувствовал, что он погибает. Он взял отвертку, кисло промолвил: «Спасибо», – и тут вдруг вдохновение вновь снизошло на него.

– Послушайте, – сказал он опять.

– Да?

– К чему же мне такая огромная отвертка?

Человек зажег фонарь, принес его и поставил на землю рядом с Хупдрайвером.

– Хотите поменьше? – спросил он.

Хупдрайвер поспешно вытащил носовой платок и, прикрывшись им, чихнул – старая уловка, применяемая в тех случаях, когда вы не хотите, чтобы вас узнали.

– Самую маленькую, какая у вас есть, – промолвил он из-под платка.

– А у меня нет меньше, – сказал конюх.

– Эта, право же, не подходит, – заметил Хупдрайвер, продолжая скрываться под платком.

– Если хотите, сэр, я могу посмотреть, что у них там есть в доме, – предложил конюх.

– Пожалуйста, – сказал Хупдрайвер.

Как только тяжелые кованые сапоги конюха прогрохотали по двору, Хупдрайвер поднялся, неслышными шагами подошел к дамскому велосипеду и, взявшись дрожащими руками за руль и седло, приготовился бежать.

В эту минуту дверь на кухню открылась и тотчас захлопнулась, впустив конюха и на мгновение уронив во двор сноп теплого желтого света. Хупдрайвер ринулся с велосипедом к воротам. Там к нему подошла неясная серая фигурка.

– Давайте сюда мой, – сказала она, – и ведите ваш.

Он передал ей машину, дотронувшись в темноте до ее руки, бросился назад, схватил машину Бичемела и поспешил за девушкой.

Желтый свет из кухни снова упал на булыжник двора. Ничего другого не оставалось, как бежать. Он слышал, как конюх кричал ему вслед, но он уже был на дороге. Девушка ехала где-то впереди. Он тоже сразу вскочил на велосипед. В эту минуту конюх, выбежав из ворот, заорал во все горло:

– Эй, сэр! Так не положено!

Но Хупдрайвер уже нагнал Юную Леди в Сером. Какое-то время, казалось им, земля дрожала от криков: «Держи их, держи!» – и в каждом темном уголке чудилась полицейская засада. Но вот дорога сделала поворот, из гостиницы их уже никто не мог видеть, и они поехали рядом мимо темных живых изгородей.

Когда он нагнал ее, она плакала от волнения.

– Какой вы храбрый! – сказала она. – Какой храбрый!

И он перестал чувствовать себя вором, за которым мчится погоня. Он осмотрелся и увидел, что Богнор уже остался позади, ибо «Викуна» стоит у моря, на самой западной оконечности городка, и теперь они ехали по хорошей широкой дороге.

Конюх (будучи человеком неумным) с воплями бросился за ними. Но вскоре он выдохся и вернулся к «Викуне»; у входа его встретили несколько человек, которых, естественно, интересовало, что же случилось, и он остановился, чтобы в двух-трех словах рассказать им о происшедшем. Это дало беглецам пять лишних минут. Затем, не переводя дыхания, он ринулся в бар, где ему пришлось объяснять все буфетчице, и поскольку «самого» не было, они потеряли еще несколько драгоценных мгновений, обсуждая, что теперь следует предпринять. В обсуждении этом приняли оживленное участие два постояльца, подошедших с улицы. При этом было высказано несколько соображений морального порядка, а также иных, не имеющих к делу прямого отношения. Мнения были самые противоречивые: одни советовали сказать полиции, другие – погнаться за беглецами на лошади. На это ушло еще десять минут. Тут сверху появился Стивен, слуга, впустивший Хупдрайвера, и вновь разжег дискуссию, представив события совсем в ином свете посредством одного простого вопроса: «Это который же?» Так десять минут превратились в четверть часа. В самый разгар дискуссии в холле появился Бичемел и, сопутствуемый гробовым молчанием, с решительным видом прошел к лестнице. Вы представляете себе, как выглядел сзади его необычной формы затылок? Присутствующие в баре недоуменно переглянулись, прислушиваясь к звуку его шагов, хоть и приглушенных ковром на лестнице, но все-таки доносившихся до них, – вот он поднялся на площадку, повернул, дошел до коридора и, должно быть, направился в столовую.

– Тот был совсем другой, мисс! – заявил конюх. – Провалиться мне на этом месте.

– Но мистер Бомонт – вот этот! – заявила буфетчица.

Беседа их повисла в воздухе: появление Бичемела положило ей конец. Все прислушивались. Шаги замерли. Вот он повернулся. Вышел из столовой. Направился по коридору к спальне. Снова остановился.

– Бедняга! – промолвила буфетчица. – Плохая она женщина!

– Ш-ш! – зашипел на нее Стивен.

Через некоторое время Бичемел снова прошел в столовую. Слышно было, как под ним скрипнул стул. В баре переглянулись, вопросительно вздернув брови.

– Пойду наверх, – сказал Стивен, – надо же сообщить ему печальное известие.

При появлении Стивена, вошедшего без стука в столовую, Бичемел поднял глаза от газеты недельной давности. Лицо его говорило о том, что он ожидал увидеть кого-то совсем другого.

– Простите, сэр, – сказал Стивен, дипломатически кашлянув.

– В чем дело? – спросил Бичемел, внезапно подумав, уж не выполнила ли Джесси одну из своих угроз. Если да, то ему предстоит объясняться. Но он был к этому готов. У нее просто мания. «Оставьте нас, – скажет он. – Я знаю, как ее успокоить».

– Миссис Бомонт... – начал Стивен.

– Ну и что же?

– Уехала.

Бичемел встал, не скрывая удивления.

– Уехала?! – повторил он с легким смешком.

– Уехала, сэр. На своем велосипеде.

– На своем велосипеде? Но почему?

– Она уехала, сэр, с другим джентльменом.

На этот раз Бичемел был действительно потрясен.

– С другим... джентльменом?! С кем же?

– С другим джентльменом а коричневом костюме, сэр. Он вышел во двор, сэр, вывел оба велосипеда, сэр, и уехал, сэр, минут двадцать тому назад.

Бичемел стоял, подбоченившись, вытаращив глаза. Стивен, с огромным удовольствием наблюдая за ним, гадал, как же поступит этот покинутый муж – станет ли рыдать, или ругаться, или же бросится немедленно в погоню. Но пока тот просто окаменел.

– В коричневом костюме? – переспросил он. – Блондин?

– Почти такой, как вы, сэр, во всяком случае, в темноте мне так показалось. Конюх, сэр, Джим Дьюк...

Бичемел криво усмехнулся. И пылко произнес... Но лучше поставим многоточие вместо того, что он произнес.

– Следовало бы мне об этом раньше догадаться!

И он бросился в кресло.

– Ну и черт с ней, – произнес Бичемел, как самый обычный простолюдин. – Брошу я это проклятое дело! Значит, они уехали?

– Да, сэр.

– Ну и пусть едут, – произнес Бичемел слова, которые войдут в историю. – Пусть едут. Плевал я на них. Желаю ему удачи. Будьте другом, принесите-ка мне виски, да поскорее. Я выпью, а потом поброжу еще перед оном по Богнору.

Стивен был настолько удивлен, что произнес только:

– Виски, сэр?

– Да идите же, черт бы вас побрал! – сказал Бичемел.

Симпатии Стивена сразу переключились на другой предмет.

– Слушаю, сэр, – пробормотал он, ощупью нашел дверную ручку и, не переставая удивляться, вышел из комнаты.

Бичемел сумел удержаться в рамках благопристойности и вел себя так, как и подобает язычнику, но лишь только умолкли шаги Стивена, дал волю своим лучшим чувствам и разразился потоком непристойной ругани. Его ли жена или ее мачеха подслала сыщика, – неважно, главное, что она сбежала с этим сыщиком, а его роману пришел конец. И вот он сидит здесь брошенный и одураченный, осел ослом, в десятом поколении осел. Единственный луч надежды для него, что побег девушки, по всей вероятности, устроила ее мачеха, в таком случае вся эта история еще может быть замята, и неприятный момент объяснения с женой отсрочен на неопределенное время. Но тут перед его мысленным взором предстала стройная фигурка в серых брюках, и он снова разразился проклятиями. Он вскочил было, обуреваемый жадой преследования, но тотчас снова шлепнулся в кресло так, что бар внизу содрогнулся до самого основания. Он хватил кулаком по ручке кресла и снова выругался.

– Из всех, когда-либо родившихся на свет, дураков, – громко произнес он, – я, Бичемел...

В эту минуту в дверь стукнули, и она распахнулась, пропуская Стивена с виски.

16. Поездка при луне

Так двадцать минут превратились в бесконечность. Оставим безнравственного Бичемела изрыгать фонтаны проклятий, – гнусное это существо достаточно загрязняло наши скромные, но правдивые страницы, – оставим оживленную группу собеседников в баре отеля «Викюна», оставим вообще Богнор, как мы оставили Чичестер, и Мидхерст, и Хэзлмир, и Гилдфорд, и Рипли, и Пугни, я последуем за милым нашим простаком Хупдрайвером и его Юной Леди в Сером по залитой луной дороге. Как они мчались! Как бились в унисон их сердца, как с шумом вылетало из их груди дыхание, как каждая тень внушала им подозрение, а малейший звук наводил на мысль о погоне! И тем не менее мистер Хупдрайвер пребывал в мире Романтики. Останови их сейчас полисмен за то, что они едут с потушенными фонарями, Хупдрайвер сшиб бы его с ног и поехал дальше, словно прирожденный герой. Возникни на их пути Бичемел с рапирами для дуэли, Хупдрайвер сразился бы с ним, как человек, для которого Азенкур был реальностью, а магазин тканей – сном. Тут речь шла о Спасении, о Бегстве, о Счастье! И она рядом с ним! Он видел лицо ее, и когда оно было в тени, и когда утреннее солнце золотило ее

волосы; он видел ее лицо, благосклонно смотревшее на него в ярком свете дня; он видел ее в горе, когда глаза ее блестели от слез. Но может ли быть для девичьего лица освещение лучше, нежели мягкий свет летней луны!

Дорога сворачивала на север, огибая пригороды Богнора, и то вилась в кромешной тьме под густыми деревьями, то шла между вилл, лучившихся теплым светом ламп или объятых сном и белевших под луной, то снова пролегалла между живых изгородей, за которыми серели поля, окутанные низко стелющимся туманом. Сначала они ехали, едва ли обращая внимание, куда едут, думая лишь о том, чтобы поскорее очутиться подальше, и только раз свернули на запад, когда из свежей ночи перед ними возник вдруг шпиль чичестерского собора, светлый, замысловатый и высокий. Они ехали, почти не разговаривая друг с другом, лишь изредка перекидываясь двумя-тремя словами, когда дорога вдруг поворачивала или когда вдруг раздавались чьи-то шаги или встречалась выбоина.

Она, казалось, была всецело поглощена мыслью о своем бегстве и не думала о том, кто ехал с ней рядом, а он, когда унялось волнение подвига и они уже не мчались во весь дух, а просто ехали по ночной дороге, вдруг осознал всю грандиозность того, что произошло. Ночь была теплая и светлая, кругом царила тишина, нарушаемая лишь стрекотом велосипедных передач. Он посмотрел на нее краешком глаза – она ехала рядом, грациозно крутя ногами педали. Вот дорога повернула на запад, и девушка превратилась в серый силуэт на фоне залитого луной небосвода; потом дорога пошла прямо на север, и бледный холодный отсвет лег на ее волосы, на щеки и на лоб.

Есть некое магическое свойство в лунном сиянии: оно подчеркивает все нежное и прекрасное, тогда как остальное тонет во тьме. Оно создает эльфов, которых убивает солнечный свет; стоит луне появиться – и в душе нашей оживает сказочный мир, звучат приглушенные голоса, нежные, тревожащие душу мелодии. При лунном свете каждый мужчина, каким бы тупицей и олухом ни был он днем, становится похож на Эндиомиона *note 5*, приобретает что-то от его вечной молодости и силы, видя в глазах своей дамы сердца серебристое отражение любимой богини. Прочный материальный мир, окружающий нас при свете дня, делается призрачным, обманчивым; далекие холмы колышутся, как сказочное море, все вокруг становится одухотворенным; духовное начало, заключенное в нас, выходит из темных глубин и, высвободившись из своей телесной оболочки, взмывает ввысь, к небесам. Дорога, покрытая утоптанной белой пылью, которая днем пышела жаром и слепила глаза, превратилась теперь в мягкую серую ленту, на серебряной поверхности которой то там, то здесь искрился какой-нибудь кристаллик. Над головой их величаво плыла по безбрежным синим просторам прародительница тишины, та, что одухотворяет мир, – совсем одна, сопутствуемая лишь двумя большими блестящими звездами. И в тишине, под ее благостным оком в благословенном свете ее лучей ехали, рядом два наших странника сквозь преображенную и преобразующую ночь.

Но нигде луна не сияла так ярко, как в голове мистера Хупдрайвера. На поворотах дороги он с необычайной быстротой принимал решения (причем совершенно наугад). «Направо», – говорил он. Или: «Налево», – тоном человека, который все знает. Вот каким образом через час они выехали на дорожку, которая спускалась прямо к морю. Серый берег тянулся вправо и влево от них, и маленький белый домик прикорнул у воды, где темнела на песке спящая рыбацья лодка.

– Вот мы и прибыли, – промолвил мистер Хупдрайвер *sotto voce note 6*.

Они соскочили с велосипедов. Низкорослые дубы и терновник вырисовывались в свете луны, как бы застрявшей в веточках живой изгороди, окаймлявшей дорогу.

– Вы в безопасности, – объявил мистер Хупдрайвер, срывая с головы кепи и галантно склоняясь перед девушкой.

Note5

герой греческого мифа, возлюбленный богини Луны – Селены

Note6

тихо (итал.)

– Где мы?

– В безопасности .

– Но где ?

– В Чичестерской гавани. – И он указал рукой на море, словно оно было местом их назначения.

– А как вы думаете, они погонятся за нами?

– Мы столько раз поворачивали!

Хупдрайверу почудилось, что она всхлипнула. Она стояла, придерживая свой велосипед, а он держал свой, и на расстоянии ему непонятно было, то ли она плачет, то ли просто тяжело дышит от усталости.

– Что же мы теперь будем делать? – спросил ее голос.

– Вы устали? – осведомился он.

– У меня хватит сил на все, что нужно.

В призрачном свете луны стояли две черные фигуры и молчали.

– Знаете, – заговорила она, – а я вовсе не боюсь вас. Я уверена, что у вас самые честные намерения. А ведь я даже не знаю вашего имени!

Ему вдруг стало стыдно неказистого имени своих предков.

– Имя у меня некрасивое, – сказал он. – Но вы правы, доверяя мне. Я для вас... я для вас что угодно сделаю... Это все ерунда.

Она закусила губку. Спрашивать у него, почему он готов ради нее на все, она не стала. Но по сравнению с Бичемелом!..

– Доверимся друг другу, – сказала она. – Вы хотите знать... что произошло со мной?

– Этот человек, – продолжала она, приняв его молчание за согласие, – обещал мне помощь и поддержку. Я была несчастна дома – неважно, почему. У меня мачеха... Жила я праздно, ничем не занятая, во всем встречая противодействие, запреты – этого, пожалуй, вам будет достаточно, чтобы составить картину. И вот в моей жизни появился он, стал говорить со мной об искусстве и литературе и зажег мою мысль. Мне захотелось выйти в широкий мир, стать человеком, а не кроликом в клетке. И он...

– Я понимаю, – сказал Хупдрайвер.

– И вот я здесь...

– Я для вас что угодно сделаю, – повторил Хупдрайвер.

Она подумала.

– Вы и представить себе не можете, какая у меня мачеха. Нет, я не могу ее описать...

– Я весь в вашем распоряжении. Я помогу вам всем, что в моих силах.

– Я рассталась с Иллюзией и нашла Странствующего Рыцаря.

Под Иллюзией она подразумевала Бичемела.

Мистер Хупдрайвер почувствовал себя польщенным. Но ответить ей в тон не умел.

– Я все думаю, – сказал он, горя желанием поскорее принять на себя обязанности защитника, – что же нам лучше всего предпринять. Вы устали, и не можем же мы плутать всю ночь, особенно после такого дня, какой выпал вам на долю.

– Мы ведь были близ Чичестера? – спросила она.

– Если бы, – задумчиво произнес он с легкой дрожью в голосе, – если бы вы согласились выдать меня за своего брата, мисс Бомонт.

– Ну и что же?

– Мы могли бы там остановиться...

Она медлила с ответом.

– Я сейчас зажгу фонари, – сказал Хупдрайвер.

Он склонился над своей машиной и чиркнул спичкой о подошву. При свете ее она увидела его лицо, серьезное и озабоченное. Неужели он казался ей пошлым и нелепым?

– Но сначала скажите мне, как вас зовут... братец, – попросила она.

– Мм... Каррингтон, – слегка замявшись, произнес Хупдрайвер. Кто бы на его месте признался в такую ночь, что он – Хупдрайвер?

– Ну, а имя?

– Имя? *Мое* имя? Видите ли... Крис. – Он зажег свой фонарь и выпрямился. –

Подержите, пожалуйста, мою машину, и я зажгу ваш фонарик, – сказал он.

Она послушно подошла и взяла его велосипед – на мгновение они очутились лицом к лицу.

– А меня, братец Крис, – сказала она, – зовут Джесси.

Он посмотрел ей в глаза, и сердце у него замерло.

– *Джесси*, – медленно повторил он.

Лицо его выражало такую силу чувств, что ею овладело вдруг непонятное смятение. Надо было что-то сказать.

– Имя ничем не примечательное, правда? – заметила она и рассмеялась, чтобы разрядить напряжение.

Он открыл было рот и снова закрыл, лицо его вдруг исказилось, он резко повернулся и, нагнувшись, принялся зажигать ее фонарь. Она смотрела на него, стоявшего перед ней почти на коленях, почему-то с одобрением. Как я уже говорил, была пора полнолуния.

Всю остальную часть той ночи мистер Хупдрайвер держался с прежней уверенностью в себе, а потому лишь благодаря удаче, а также тому обстоятельству, что пригородные дороги, как правило, ведут в город, им удалось достичь наконец Чичестера. Сначала у них было такое впечатление, что все обитатели его давно спят, но «Красная гостиница» еще светилась теплым желтоватым светом. Впервые в жизни мистер Хупдрайвер осмелился приобщиться тайн «первоклассного» отеля, но в эту ночь он осмелился бы еще и не на то.

– Значит, вы все-таки нашли свою даму, – заметил конюх в «Красной гостинице» – один из тех, к кому мистер Хупдрайвер утром обращался с расспросами.

– Какое-то вышло недоразумение, – с величайшей охотой пояснил Хупдрайвер. – Сестра моя отправилась в Богнор. Но я вернул ее. Очень мне здесь нравится. Да и луна – просто божест-вен-ная.

– Мы уже поужинали, благодарствуйте, и мы очень устали, – продолжал мистер Хупдрайвер. – Я полагаю, вы ничего не хотите, Джесси?

Какое счастье быть с нею, пусть даже в качестве брата, и называть ее просто так – Джесси! Но играл он свою роль великолепно, – этого, по его мнению, нельзя было отрицать.

– Спокойной ночи, сестренка, – сказал он, – приятных сновидений. А я еще посмотрю газету, прежде чем лечь.

«Вот это жизнь!» – подумал он.

Так доблестно вел себя мистер Хупдрайвер до самого конца этого Удивительнейшего из Дней. Читатель, очевидно, помнит, что начался он очень рано с бдения в маленькой лавчонке рядом с «Гостиницей ангела» в Мидхерсте. Но подумать только, сколько всего за это время произошло! Он поймал себя на середине зевка, вытащил часы, увидел, что уже половина двенадцатого, и с приятным сознанием собственного героизма отправился в постель.

17. Сэрбитонская интермедия

Тут, пользуясь столь чудесной способностью человека, как сон, мы вновь прерываем наш рассказ. Наши неразумные молодые герои спокойно лежат в своих постелях, головы их забиты всякой пышной чепухой, и, уж конечно, в ближайшие восемь, а то и более часов они не внесут свежего вклада в развитие событий. Оба они спят, и – хотя это вас, возможно, удивит – спят крепким сном. Девушка (а до чего дойдут современные девушки, может сказать разве что миссис Линн Линтон) находится в обществе совершенно незнакомого ей человека низкого происхождения, с весьма неинтеллигентным выговором, никто ей не сопутствует, и она ничуть этим не смущена, – более того, она считает себя в полной безопасности и даже гордится своим вкладом во все эти перипетии. А этот ваш мистер Хупдрайвер, розовощекий идиот, незаконно присвоил себе украденный велосипед, украденную девушку и украденные имя и фамилию, обосновался со всем этим в гостинице, намного превышающей его средства, и чрезвычайно гордится – даже во сне – этими ни с чем не сравнимыми безумствами. Бывают случаи, когда романисту-морализатору остается лишь заломить руки и предоставить событиям идти своим

чередом. Ведь Хупдрайвера завтра утром, не успеет он глаза продрать, могут посадить под замок за кражу велосипеда! Кроме того, в Богноре, не говоря уже о печальных останках Бичемела, с которым, благодарение богу, у нас нет больше никаких дел, имеется гостиница, где мистер Хупдрайвер заказал бифштекс, который давным-давно превратился в угли, а в номере остался мешок из американского брезента и его собственный велосипед, как залог, тщательно запертый на сеновале. Завтра Хупдрайвер станет там Тайной, и тело его будут искать по всему побережью. А мы до сих пор еще не удосужились заглянуть в безутешный дом в Сэрбитоне, известный вам, конечно, по иллюстрированному интервью, где несчастная мачеха...

Мачеха та, надо сказать, хорошо вам известна. Это небольшой сюрприз, который я приготовил для вас. Она – Томас Пантагенет, талантливый автор остроумной и смелой книги, именуемой «Высвобожденная душа», и женщина на свой манер превосходная. Только на очень своеобразный манер. Настоящая ее фамилия Милтон. Она вдова и притом очаровательная, всего на десять лет старше Джесси; самые смелые книги свои она неизменно посвящает «светлой памяти моего мужа», дабы показать, что в них, понимаете ли, нет ничего личного. Для дамы, пользующейся литературной славой, она имеет на редкость почтенную репутацию. У нее благопристойно обставленный дом, благопристойные туалеты, строгие понятия о том, с кем можно общаться и с кем нельзя, она ходит в церковь и даже иногда, следуя духу современной интеллектуальной моды, принимает причастие. И воспитанию Джесси она уделяла такое пристальное внимание, что никогда бы не позволила ей прочесть «Высвобожденную душу». Но Джесси, естественно, ее прочла, с чего и началось ее пристрастие к передовой литературе. Миссис Милтон не только уделяла пристальное внимание воспитанию Джесси, но и всячески тормозила ее развитие, так что в семнадцать лет она все еще была умненькой начитанной школьницей (как вы могли убедиться), хорошенькой, но еще совсем ребенком, обитавшим на задворках небольшого литературного кружка малозаметных знаменитостей, который украшала своим присутствием Томас Пантагенет. Миссис Милтон знала, что о Бичемеле ходит слава дурного человека, но порочные мужчины не то же, что порочные женщины, и она пускала его к себе в дом, чтобы показать, что не боится, – о Джесси она не подумала. Поэтому, когда она узнала о побеге, это было для нее двойным разочарованием, ибо инстинктивно она угадала тут его руку. И она поступила гак, как подобало. А подобало в данном случае, как вы понимаете, нанять, не считаясь с расходами, экипаж и, объезжая ближайших знакомых, рыдать и говорить, что вы просто не знаете, что делать. Будь даже Джесси ее родной дочерью, она не могла бы объездить больше народу и пролить больше слез – она выказала все надлежащие чувства. И не только выказала, но и на самом деле их испытала.

Миссис Милтон – преуспевающая, не слишком крупная писательница и еще более преуспевающая вдовушка тридцати двух лет («Томас Пантагенет – прелестная женщина», неизменно писали рецензенты, даже когда плохо отзывались о ней) – смотрела на Джесси, постепенно превращавшуюся в женщину, как на явную помеху, и охотно держала ее в тени; а Джесси, которая в четырнадцать лет встретила ее в штыки, принципиально возражая против любой мачехи, достаточно остро это чувствовала. Соперничество и вражда между ними все усиливались, так что в конце концов даже оброненная шпилька или книга, разрезанная острым ножом, вызывала бурный взрыв ненависти. В мире не так уж много намеренного зла. Правда, наш тупой эгоизм рождает порою зло, но с точки зрения нравственной это зло имеет совсем другую природу. И потому, когда случилась беда, миссис Милтон вполне искренне раскаялась в том, что допустила раскол в отношениях с падчерицей и сама сыграла в этом немалую роль.

Можете представить себе, как утешали ее знакомые и как жужжали об этом происшествии Западный Кенсингтон, и Ноттинг-хилл, и Хэмпстед, эти литературные предместья, ныне благопристойные обитатели былой богемы. Ее «почитатели», – а будучи прелестной литературной дамой, она, естественно, имела целую свиту, – пребывали в необычайном волнении и были преисполнены сочувствия, энергии и желания оказать помощь, подать совет, ринуться куда угодно по первому зову, – каждый сообразно своему характеру и представлению о том, что в данном случае требуется. «Есть какие-нибудь вести о Джесси?» – этим патетическим вопросом начиналось немало печальных, но весьма интересных бесед. При своих почитателях миссис Милтон, пожалуй, не проливала столько слез, как при своих приятельницах, но ее молчаливая скорбь трогала еще больше. Три дня – а именно: в среду,

четверг и в пятницу – о беглецах не было ни слуху, ни духу. Было известно лишь, что Джесси, надев спортивный костюм с пристегивающейся юбкой, села на велосипед, снабженный безопасной рамой, шинами «Данлоп» и мягким, обтянутым люфою седлом, и отбыла рано утром, захватив с собой что-то около двух фунтов семи шиллингов и серый чемоданчик, и этим – если не считать краткой записки мачехе, в которой, судя по слухам, она объявляла о своей независимости и утверждала свое «я» с помощью обширных и весьма досадных цитат из «Высвобожденной души», но решительно ничего не сообщала о своих планах, – все сведения о Джесси исчерпывались. Записка эта показывалась немногим, и то под строжайшим секретом.

Но в пятницу поздно вечером прибыл, запыхавшись, один из почитателей, по фамилии Уиджери, с которым миссис Милтон переписывалась и который одним из первых узнал о случившейся беде. Он путешествовал по Сэссексу – рюкзак все еще был у него за плечами – и, скороговоркой сообщил он, в некоем местечке Мидхерст, в баре «Гостиницы ангела», слышал от буфетчицы о некоей Юной Леди в Сером, которую та очень ярко описала. Описание совпадало с приметам Джесси. Но кто же был человек в коричневом костюме?

– Бедное обманутое дитя! Я немедленно еду к ней! – воскликнула миссис Милтон, задыхаясь, и, встав, схватилась за сердце.

– Что вы, сегодня это уже невозможно. Нет никаких поездов. Я посмотрел расписание по пути сюда.

– Ничего не поделаешь – материнская любовь, – сказала она. – А я питаю к ней именно такие чувства.

– Я знаю, – произнес он с чувством, ибо никто так не восторгался его снимками с природы, как миссис Милтон. – Она такой любви не заслуживает.

– Не говорите плохо о ней! Ее ввели в заблуждение.

Его приход говорил о том, что он ей настоящий друг. Он выразил сожаление, что на этом его сведения кончаются. Может быть, ему поехать за ними и привезти ее домой? Он примчался к миссис Милтон, потому что знал, как она беспокоится.

– Вы поступили очень хорошо, – сказала она и совершенно бессознательно взяла и пожала его руку. – Подумать только, бедная девушка, что-то она делает сейчас, вечером! Это ужасно! – Она посмотрела в огонь, который зажгла, когда он вошел; красноватый отблеск упал на ее лиловое платье, тогда как лицо ее тонуло в тени. Она казалась тоненьким, хрупким созданием, которому не под силу такие переживания. – Надо поехать за ней. – Ее решимость была просто великолепна. – Но у меня никого нет, кто бы отправился со мной.

– Он должен жениться на ней, – заявил гость.

– У нее нет друзей. Никого у нас нет. Две женщины – и все. И такие беспомощные.

И это маленькое белокурое существо было той самой женщиной, которую люди, судившие о ней лишь по ее книгам, считали смелой, даже порочной! А все потому, что она великодушна... интеллектуальна. Гость был потрясен до глубины души несказанным трагизмом ее положения.

– Миссис Милтон! – сказал он. – Хетти!

Она взглянула на него. Чувства его вот-вот готовы были перелиться через край.

– Не сейчас, – сказала она, – не сейчас. Сначала я должна найти ее.

– Конечно, – с чувством согласился он. (Он принадлежал к числу крупных полных мужчин, которые глубоко все чувствуют.) – Но разрешите мне помочь вам. Хотя бы разрешите мне помочь вам.

– А вы можете выбрать для этого время? – спросила она. – Потратить его для *меня* ?

– Для вас...

– Но что же мне делать? Что *нам* делать?

– Ехать в Мидхерст. Обнаружить ее. Выследить. Она была там в четверг вечером, то есть вчера вечером. Она выехала на велосипеде из города. Мужайтесь! – воскликнул он. – Мы еще спасем ее!

Она протянула руку и снова пожала его пальцы.

– Мужайтесь! – повторил он, видя, как хорошо действует на нее это слово.

Снаружи послышался какой-то шум и шаги. Миссис Милтон повернулась спиной к огню, а гость поспешил опуститься в большое кресло, как нельзя лучше соответствовавшее его

размерам. Тут дверь отворилась, и горничная провела в комнату Дэнгла, с любопытством посмотревшего сначала на миссис Милтон, потом на ее гостя. Тут явно не обошлось без эмоций – он слышал, как скрипело кресло, да и миссис Милтон, раскрасневшаяся, с подозрительной живостью стала объяснять, что произошло.

– Вы ведь тоже один из моих добрых друзей, – сказала она. – Мы наконец получили вести о ней.

Все преимущества явно были на стороне Уиджери, но Дэнгл решил пустить в ход свою изобретательность. В конце концов он тоже был включен в число участников Мидхерстской экспедиции, к великому возмущению Уиджери, а до того, как все разошлись, был туда завербован и юный Фиппс, молчаливый, еще совсем зеленый юнец с безукоризненными воротничками и пылкой преданностью. Они втроем займутся обследованием местности. Миссис Милтон как будто немного ожила, но чувствовалось, что она глубоко тронута. Право же, она не понимает, чем она заслужила такую преданность своих друзей. Голос ее задрожал, и она направилась к двери; юный Фиппс, который предпочитал действие слову, бросился вперед и распахнул перед ней дверь – он был очень горд тем, что опередил остальных.

– Она глубоко огорчена, – сказал Дэнгл, обращаясь к Уиджери.

– Мы должны сделать для нее все, что в наших силах.

– Она удивительная женщина, – продолжал Дэнгл. – Такая тонкая, такая сложная, такая многогранная. И так остро все чувствует.

Юный Фиппс ничего не сказал, но тем пламеннее были его чувства.

А еще говорят, что время рыцарства отошло навсегда!

Но ведь это всего лишь интермедия, введенная в наш рассказ для того, чтобы у наших путешественников было время освежиться мирным сном. А потому мы не станем описывать отъезд Спасательной экспедиции, равно как и простое, но элегантное платье миссис Милтон, спортивную куртку и толстые башмаки здоровья Уиджери, элегантность энергичного Дэнгла и брюки-гольф в пеструю клетку, в которые были облачены ноги Фиппса. Все это осталось позади. Но через некоторое время они вновь завладеют нашим вниманием. А пока можете в меру своего воображения представить себе, как Уиджери, Дэнгл и Фиппс старались переплюнуть друг друга, рыская по Мидхерсту, как умело вел расспросы Уиджери, какие умные догадки строил Дэнгл и как явно уступал им во всем Фиппс, – сознавая это, он большую часть дня проводил с миссис Милтон, надутый и мрачный, как это свойственно зеленым юнцам во всем мире. Миссис Милтон остановилась в «Гостинице ангела», была очень грустна, умна и прелестна, – счет ее оплатил Уиджери. В субботу после полудня они добрались до Чичестера. А к этому времени наши беглецы... но вы о них сейчас услышите.

18. Пробуждение мистера Хупдрайвера

Мистер Хупдрайвер зашевелился, открыл глаза, бессмысленным взором уставился в пустоту и зевнул. Постельное белье было тонкое и ласкало своим прикосновением. Он повернулся, устремив к потолку острый нос, вздымавшийся над жидкими усиками и выделявшийся своею краснотой на белом лице. Нос этот сморщился, когда мистер Хупдрайвер снова зевнул, и опять пришел в спокойное состояние. На какое-то время все успокоилось. Но постепенно к мистеру Хупдрайверу стала возвращаться память. Тогда из-под простыни выглянул клоч светлых, словно бы пыльных волос и сначала один водянисто-серый удивленный глаз, потом другой; постель заколебалась, и вот он перед вами – тощая шея вылезла из-под прижатого к груди одеяла, взор блуждает по комнате. Он прижимал к себе одеяло, думается, потому, что ночная рубашка его осталась в Богноре в брошенном там мешке из американского брезента. Он в третий раз зевнул, протер глаза, облизнул губы. Теперь он вспомнил почти все: поиски следов, гостиницу, его отчаянно-смелое вторжение в столовую, головокружительное приключение во дворе, лунный свет. Тут он отбросил одеяло и сел на краю кровати. Снаружи доносился стук открываемых ставен и распахиваемых дверей, цокот копыт и грохот колес по мостовой. Он взглянул на часы. Половина седьмого. Он снова окинул взглядом роскошно обставленную комнату.

– Боже! – воскликнул мистер Хупдрайвер. – Это, значит, был не сон.

«Интересно, – подумал мистер Хупдрайвер, потирая розовую ступню, – сколько же они берут за такие чертовски роскошные комнаты!»

Он задумался, теребя свои жидкие усики. И вдруг беззвучно рассмеялся. «Вот это была быстрота! Влететь и стащить девушку прямо у него из-под носа! Тут все было рассчитано. Что там бандиты на большой дороге! Или налетчики! Раз – и все! А ему сейчас, наверно, чертовски кисло! И ведь было все на волоске – там, на дворе!»

Тут ход его мыслей внезапно прервался. Брови его поднялись, и нижняя челюсть отвисла.

– Позволь-те! – произнес мистер Хупдрайвер.

До сих пор это ему не приходило в голову. Возможно, вы поймете, почему, если вспомните, как стремительно разворачивались события накануне. Но при дневном свете все яснее видно.

– Черт возьми, – продолжал он вслух, – ведь я же украл этот проклятый велосипед.

– Ну и что? – спросил он, и лицо его само дало ответ на этот вопрос.

Тут он снова подумал о Юной Леди в Сером и попытался представить себе происшедшее в более героическом свете. Но рано утром да еще на голодный желудок (что со свойственной им прямолинейностью неизменно подчеркивают врачи) героическое рождается труднее, чем при лунном свете. Накануне вечером все выглядело так прекрасно, так сказочно и вместе с тем вполне естественно.

Мистер Хупдрайвер протянул руку, взял свою спортивную куртку, положил ее к себе на колени и вынул из карманчика для часов деньги.

– Четырнадцать шиллингов и шесть пенсов, – промолвил он, держа монеты в левой руке, а правой поглаживая подбородок. Он проверил на ощупь, цел ли бумажник в нагрудном кармане. – Значит, пять фунтов, четырнадцать шиллингов и шесть пенсов, – оказал мистер Хупдрайвер. – Вот все, что осталось.

Продолжая держать на коленях спортивную куртку, он вновь погрузился в раздумья.

– Тут мы как-нибудь обойдемся, – молвил он. – Вот велосипед – это дело похуже. Но в Богнор возвращаться не к чему. Можно, конечно, отослать машину назад с посыльным. Поблагодарить за прокат. Больше, мол, не нужна... – Мистер Хупдрайвер усмехнулся и принялся мысленно составлять потрясающее по своей наглости письмо: «Мистер Дж.Хупдрайвер шлет привет...» Но серьезность скоро возобладала в нем.

«Я мог бы, конечно, за час съездить туда и обменять велосипеды. Моя старая галоша уж очень плоха. Но он, конечно, кипит от злости. И может даже засадить меня в тюрьму. И тогда она снова очутится в прежнем положении, даже еще в худшем. Я же все-таки ее рыцарь. А это осложняет дело».

Взор его, блуждая по комнате, остановился на губке. «Интересно, какого черта они ставят в спальню блюдца со взбитыми сливками?» – промелькнуло у него в голове.

«Так или иначе, самое лучшее – убраться отсюда побыстрее. Она, очевидно, вернется домой, к своим друзьям. Но с этим велосипедом чертовски получилось неприятно. Чертовски неприятно».

Он вскочил на ноги и с внезапно пробудившейся энергией приступил к туалету. И тут он вдруг с ужасом вспомнил, что все необходимое для этого осталось в Богноре!

– О господи! – произнес он и тихонько свистнул. – Подведем итог прибылям и потерям. Прибыль: сестричка с велосипедом впридачу. Во что это мне обошлось? В общем недорого: зубная щетка, щетка для волос, фуфайка, ночная рубашка, носки и всякая мелочь.

– Постараемся как-нибудь выкрутиться. – Надо было причесаться, и он попытался пригладить взлохмаченные вихры руками. Результат получился весьма плачевный. – Надо, очевидно, выскочить и побриться, купить гребенку и прочее. Опять деньги! Я, правда, пока еще не очень оброс.

Он провел рукой по подбородку, пристально посмотрел на себя в зеркало, тщательно подкрутил жиденькие усики. И погрузился в созерцание своей красоты. Посмотрел на себя в профиль – справа и слева. И на лице его отразилась досада.

– Сколько ни смотри, ничего не изменишь, Хупдрайвер, – сказал он. – Хилый ты парень. Плечи узкие. Тщедушный какой-то.

Он уперся пальцами в туалетный столик и, задрвав голову, снова посмотрел на себя в

зеркало.

– Боже правый! – вырвалось у него. – Ну и шея! И откуда у меня взялся такой кадык!

Не отрывая глаз от зеркала, он опустился на кровать. «Если бы я занимался спортом, если бы меня правильно кормили, если бы не вытолкали из дурацкой школы в эту дурацкую лавку... Но что поделаешь! Старики не разбирались в этом. А вот учитель в школе должен бы разбираться. Но и он, бедняга, тоже ничего в этом не смыслил!.. А все же, когда встречаешь такую девушку, тяжело это...»

«Интересно, что бы подумал обо мне Адам, как о представителе рода человеческого? Цивилизация, да? Наследие веков! Я же ничто. Я ничего не знаю. Ничего не умею. Ну, немножко рисую. Почему я не уродился художником?»

«А все-таки дешевкой выглядит этот костюм при солнечном свете».

«Никуда ты не годишься, Хупдрайвер. Хорошо хоть, ты сам это понимаешь. Кавалера, во всяком случае, из тебя не получится. Но ведь есть и другие вещи на свете. Ты можешь помочь молодой леди и поможешь... Я думаю, она теперь вернется домой. И о велосипеде надо подумать. *Вперед*, Хупдрайвер! Если ты не красавец, это еще не причина, чтобы торчать здесь и ждать, пока тебя зацапают, правда?»

И, достаточно поистязав себя, он с чувством мрачного удовлетворения снова попытался пригладить волосы, прежде чем выйти из комнаты, чтобы пораньше позавтракать и двинуться в путь. Пока готовили завтрак, он прошелся по Южной улице и обзавелся необходимыми предметами для пополнения багажа. «Не скупиться на расходы», – пробормотал он про себя, расставаясь с полсовершеном.

19. Отъезд из Чичестера

Он несколько раз посылал за своей «сестрой» и, когда она сошла вниз, рассказал ей со смущенной улыбкой о возможных осложнениях юридического порядка в связи со стоящим во дворе велосипедом. «Вы знаете, может выйти неприятность». Он был явно встревожен.

– Хорошо, – сказала она вполне дружелюбно. – Давайте скорее завтракать и поедем отсюда. Мне надо кое-что с вами обсудить.

После сна девушка словно бы еще похорошела: волосы ее, откинутаые со лба, лежали красивыми темными волнами, не защищенные перчатками пальчики были розовые и прохладные. А какой решительной она была! Завтрак прошел в довольно нервной атмосфере, разговор за столом велся братский, но скупой: официант внушал мистеру Хупдрайверу благоговейный ужас, множество вилок сбивало с толку. Однако Джесси называла его Крисом. Для поддержания беседы они обсуждали дальнейший маршрут, разглядывая его шестипенсовую карту, но избегали принимать решение в присутствии слуг. Хупдрайвер разменял свой пятифунтовый билет, когда платил по счету, и вследствие его решения быть настоящим джентльменом официант и горничная получили по полкроны, а конюх – флорин. «Ясное дело, парень в отпуске», – сказал себе конюх, не почувствовав при этом никакой благодарности. Садиться на велосипед на улице, у всех на глазах, тоже было малопривлекательно. Даже полисмен остановился и стал наблюдать за ними с противоположного тротуара. Что, если он подойдет и спросит: «Это ваш велосипед, сэр?» Сопротивляться? Или бросить машину и бежать? По городу мистер Хупдрайвер мчался, словно спасая себе жизнь, так, что тележка с молоком едва избежала гибели под шатким колесом его велосипеда. Это немного привело его в чувство, и он попытался хоть как-то совладать с рулем. За городом он вздохнул свободнее, и между ними начался более непринужденный разговор.

– Вы так спешили выехать из Чичестера, – заметила Джесси.

– По правде сказать, я немного беспокоился из-за велосипеда.

– Да, конечно, – сказала она. – Я совсем забыла. Но куда мы едем?

– Сделаем еще один-два поворота, если вы ничего не имеете против, – сказал Хупдрайвер. – Проедем еще этак с милую. Вы понимаете, я ведь должен думать о вас. А так я буду чувствовать себя спокойнее. Видите ли, если нас посадят в тюрьму... за себя-то я не очень волнуюсь...

Слева от дороги беспокойное серое море то набегало на берег, то снова отступало. С

каждой милей, отдалявшей их от Чичестера, мистер Хупдрайвер все меньше ощущал муки совести и все больше становился галантным смельчаком. Он ехал на великолепной машине рядом с шикарной девушкой. Что бы подумали во Дворце Тканей, если бы кто-нибудь оттуда увидел его сейчас? Он представил себе, как удивились бы мисс Айзеке и мисс Хоу. «Как! Да ведь это же мистер Хупдрайвер!» – сказала бы мисс Айзеке. «Не может быть!» – решительно изрекла бы мисс Хоу. Затем воображение его переключилось на Бриггса, а потом фантазия нарисовала ему даже Главного управляющего, – а что, если вот сейчас он ехал бы им навстречу в фэртоне? «Забавно было бы представить их ей, моей сестричке, „pro tem“ *note 7*. Он – ее брат, Крис... А дальше как? Тьфу ты черт! Харрингтон, Хартингтон, что-то вроде этого. Надо избегать упоминания фамилии, пока он не вспомнит. Жаль, что он не сказал ей всю правду – сейчас он почти жалел об этом. Он посмотрел на нее. Ока ехала, глядя прямо перед собой. Вероятно, думала о чем-то. И, казалось, была немного озадачена. Мистер Хупдрайвер заметил, как хорошо она едет и при этом с закрытым ртом, что для него пока оставалось недостижимым.

Мысли мистера Хупдрайвера обратились к будущему. Что она собирается делать? Что они оба будут делать? Его размышления потекли по более серьезному руслу. Он спас ее. Это был прекрасный, мужественный поступок. Но она должна вернуться домой, несмотря на эту ее мачеху. Он должен настоять на этом – решительно и твердо. Она, конечно, не из робкого десятка, но все-таки... Интересно, есть ли у нее деньги? Сколько стоит билет второго класса от Хейванта до Лондона? Конечно, платить придется ему – это естественно, ведь он мужчина. А должен ли он отвезти ее домой? Он тотчас представил себе трогательную картину возвращения. Там будет, конечно, мачеха, раскаявшаяся в своей неопикуемой жестокости – ведь и богачи иногда страдают, – и, может быть, один-два дядюшки. Слуга объявит: «Мистер... – опять забыл эту проклятую фамилию! – мисс Милтон». Обе женщины зальются слезами, а на заднем плане – фигура рыцаря в красивой, почему-то совсем новой спортивной куртке. Он будет скрывать свои чувства до самого конца. И, лишь покидая дом, остановится на пороге в позе, достойной Джорджа Александера, и медленно, упавшим голосом произнесет: «Будьте добры к ней – *будьте* к ней добры!» – и уйдет с разбитым сердцем – это уж каждому будет ясно. Но все это дело будущего. А пока придется завести разговор о возвращении. На дороге никого не было, и он быстро нагнал Джесси (размечтавшись, он отстал).

– Мистер Денисон, – начала она и неуверенно добавила: – Ведь вас так зовут? Я очень забывчива...

– Совершенно верно, – сказал мистер Хупдрайвер. («Разве Денисон? Ну, ладно, Денисон, Денисон, Денисон... Что такое она говорит?»)

– Я хотела бы знать, насколько вы готовы помочь мне.

Чертовски трудно ответить на такой вопрос, не потеряв управления машиной.

– Можете положиться на меня, – оказал мистер Хупдрайвер, выравнивая отчаянно завихлявшийся велосипед. – Уверяю вас, мне очень хочется вам помочь. Обо мне вы не думайте. Я всецело к вашим услугам. (Какая досада, когда не умеешь как следует произнести такие слова!)

– Вы понимаете, мне так неловко...

– Я буду очень счастлив, если хоть чем-то смогу вам помочь...

Последовала пауза. За поворотом открылась лужайка между живой изгородью и дорогой, заросшая тысячелистником и таволгой; в траве лежало упавшее дерево. Она спешила, прислонила велосипед к камню и села.

– Здесь мы можем поговорить, – сказала она.

– Хорошо, – выжидающе сказал мистер Хупдрайвер.

Она сидела, упершись локтем в колени, положив подбородок на руку, и глядела в одну точку.

– Видите ли, – помолчав немного, сказала она, – я решила жить самостоятельно.

– Разумеется, – сказал мистер Хупдрайвер. – Это вполне естественно.

Note7

на время (лат.)

– Я хочу жить и узнать, что такое жизнь. Я хочу учиться. Все и вся торопят меня, а мне нужно время, чтобы подумать.

Мистер Хупдрайвер был озадачен и в то же время восхищен. Удивительно, как ясно и гладко она говорила. А впрочем, легко человеку говорить ясно и гладко, когда у него такое горлышко и такие губки. Он знал, что ему далеко до нее, но все же старался, как мог.

– Если вы позволите им толкнуть вас на необдуманый шаг, о котором вы потом пожалеете, это будет, конечно, очень глупо, – сказал он.

– А вы не хотите поучиться? – спросила она.

– Я как раз сегодня утром думал об этом, – начал он и запнулся.

Она была слишком занята своими мыслями и не заметила, что он умолк на середине фразы.

– Я иду по жизни, и она пугает меня. Мне порою кажется, что я пылинка, севшая на колесо, – оно вертится, и я вместе с ним. «Что я тут делаю?» – спрашиваю я себя. Просто существую, и все? Я задавалась этим вопросом неделю назад, вчера и сегодня. А дни проходят, заполненные всякими мелочами. Мачеха возит меня по магазинам, к чаю приходят гости, появляется новая пьеса – идешь на нее, чтобы убить время, а то едешь в концерт или читаешь роман. А колеса жизни все крутятся, крутятся. Это ужасно. Мне хотелось бы сотворить чудо, как Иисус Навин, и остановить их, пока я не додумаю всего до конца. А дома это невозможно.

Мистер Хупдрайвер погладил усы.

– Да, – сказал он задумчиво. – Жизнь идет своим чередом.

Листья деревьев шелестели под легким летним ветерком; пух одуванчика взлетел комочком над зарослями таволги, ударился о колено мистера Хупдрайвера и рассыпался на множество пушинок. Они полетели в разные стороны и, когда ветерок затих, опустились на траву – одни, чтобы прорасти потом, другие – чтобы погибнуть. Мистер Хупдрайвер следил за ними, пока они не исчезли из виду.

– Я не могу вернуться в Сэрбитон, – сказала Юная Леди в Сером.

– Что?! – вырвалось у мистера Хупдрайвера, и он схватился за усы. Это была полная неожиданность.

– Понимаете, я хочу писать, – сказала Юная Леди в Сером, – писать книги и переделывать мир. Творить добро. Я хочу жить самостоятельно и распоряжаться собой. Я не могу вернуться. Я хочу стать журналисткой. Мне говорили... но я никого не знаю, кто мог бы мне помочь. Мне не к кому обратиться. Есть, правда, один человек – это моя школьная учительница. Если бы я могла написать ей... Но как я получу ответ?

– Хм, – с чрезвычайно сосредоточенным видом произнес мистер Хупдрайвер.

– Вас я не могу больше затруднять. Вы и так пришли мне на помощь... с риском для себя...

– Какие пустяки! – возразил мистер Хупдрайвер. – Я, так сказать, вдвойне вознагражден тем, что мог это сделать.

– Это так любезно с вашей стороны. В Сэрбитоне все напичкано условностями. А я не желаю считаться с условностями – ни за что. Но нас держат в таких тисках! Если бы только я могла сбросить с себя все, что мне мешает! Я хочу бороться, завоевать свое место в жизни. Хочу быть сама себе хозяйкой, хочу сама найти свой путь. А мачеха возражает против этого. Сама она делает, что ей заблагорассудится, а меня держит в строгости, чтобы успокоить свою совесть. И если я вернусь сейчас к ней, вернусь побежденной...

Она предоставила его воображению довершить картину.

– Понятно, – сказал мистер Хупдрайвер.

Он *должен* ей помочь. В уме он решал сложную арифметическую задачу с пятью фунтами шестью шиллингами и двумя пенсами. Каким-то непонятным путем он пришел к выводу, что Джесси старается спастись от навязанного ей брака и не говорит об этом только из скромности. Так ограничен был круг его представлений.

– Вы знаете, мистер... Я опять забыла вашу фамилию.

Вид у мистера Хупдрайвера был самый отсутствующий.

– Конечно, вы не можете вернуться так вот, с повинной, – сказал он задумчиво. Уши его и щеки внезапно покраснели.

– Как же все-таки ваша фамилия?

– А, фамилия! – повторил мистер Хупдрайвер. – Фамилия... Бенсон, разумеется.

– Ну да, мистер Бенсон, извините мою тупость. Но я никогда не помню имен. Надо записать вашу фамилию на манжете. – Она вынула маленький серебряный карандаш и записала. – Если бы послать письмо моей знакомой, я уверена, она помогла бы мне начать самостоятельную жизнь! Я могу написать ей или послать телеграмму. Нет, лучше написать. В телеграмме всего не объяснишь. Я знаю, что она мне поможет.

Ясно, что в таких обстоятельствах джентльмену оставалось только одно.

– В таком случае, – сказал мистер Хупдрайвер, – если вы не боитесь довериться чужому человеку, мы можем продолжать наше путешествие еще день или два... пока вы не получите ответа. («Если тратить по тридцать шиллингов в день и взять четыре дня, тридцать на четыре – сто двадцать, иными словами: шесть фунтов; а если, скажем, три дня – это будет четыре фунта десять шиллингов».)

– Вы очень добры ко мне.

Его взгляд был красноречивее всяких слов.

– Ну, хорошо, благодарю вас. Это чудесно, это больше, чем я заслужила... чтобы вы... – Неожиданно она переменяла тему разговора. – Сколько мы истратили в Чичестере?

– Что? – переспросил мистер Хупдрайвер, делая вид, будто не понимает, о чем идет речь.

Они немного поспорили. Втайне он был восхищен ее упорным желанием участвовать в расходах. Она настояла на своем. Потом они заговорили о планах на этот день. Решено было поехать не спеша через Хейвант и остановиться где-нибудь в Фархэме или Саутгемптоне: предыдущий день утомил обоих. Держа карту на коленях, мистер Хупдрайвер случайно взглянул на велосипед, лежавший у его ног.

– Этот велосипед, – заметил он вне всякой связи с разговором, – выглядел бы совсем иначе, если поставить на него большой двойной Иларум вместо маленького звонка.

– Зачем?

– Просто я так подумал. – Они немного помолчали.

– Ну, так решено: едем в Хейвант и обедаем там, – сказала Джесси, поднимаясь.

– А все-таки жаль, что нам пришлось украсть этот велосипед, – сказал Хупдрайвер. – Потому что, если разобраться, мы же его украли.

– Чепуха. Пусть только мистер Бичемел станет вам докучать, и я расскажу всему свету... если потребуется.

– Я верю, что вы так и сделаете, – сказал с восхищением мистер Хупдрайвер. – Видит бог, у вас хватит на это смелости.

Спohватившись, что она стоит, он тоже встал и поднял ее велосипед. Она взяла машину и вывела ее на дорогу. Тогда он взял свой велосипед и остановился, разглядывая его.

– Послушайте! – сказал он. – А что, если выкрасить этот велосипед в серый цвет?

Она взглянула через плечо и увидела, что он вполне серьезен.

– А зачем его надо маскировать?

– Просто у меня мелькнула такая мысль, – как бы между прочим сказал мистер Хупдрайвер.

По пути к Хейванту мистер Хупдрайвер подумал о том, что разговор у них получился совсем не такой, какого он ожидал. Но так с мистером Хупдрайвером бывало всегда. И хотя Ум его был начеку. Осмотрительность позвякивала монетами, а давнее Уважение к Собственности укоризненно покачивало головой, в душе его что-то громко кричало, заглушая все здравые соображения, – это была пьянящая мысль о том, что он будет ехать с Ней весь день сегодня, и весь день завтра, и, может быть, еще не один день; что он разговаривает с ней запросто, что называет себя братом этой стройной и свежей девушки и что золотая чудесная действительность намного превосходит все его мечты. Его прежние фантазии уступили место надеждам, таким же бесплотным, изменчивым и прекрасным, как летний закат.

В Хейванте он улучил минуту и в маленькой парикмахерской на главной улице купил зубную щетку, ножницы для ногтей и бутылочку жидкости для окраски усов, которую хозяин горячо рекомендовал его вниманию и в конце концов всучил ему, воспользовавшись тем, что клиент явно думал о чем-то другом.

20. Неожиданная история со львом

Они поехали на Кошэм и там позавтракали – легко, но дорого. Джесси вышла отправить письмо своей школьной учительнице. Потом их соблазнила зеленая вершина Портсдаун-хилл, и, оставив свои велосипеды в деревне, они вскарабкались по склону к молчаливому кирпичному форту, который венчал холм. Оттуда в дымке жаркого дня они увидели Портсмут в окружении соседних городков, забитую кораблями гавань, пролив Солент и остров Уайт вдали, похожий на голубое облачко. В Кошэмской гостинице Джесси каким-то чудом вновь стала нормальной женщиной в юбке. Мистер Хупдрайвер грациозно возлежал на траве, курил «Копченую селедку» и лениво разглядывал укрепленный город, который, словно на карте, лежал у их ног, окруженный на расстоянии мили оборонительными сооружениями, точно игрушечными башенками, а дальше – маленькие поля и за ними – пригороды Лэндпорта и бесчисленное множество окутанных дымом домов. Справа, там, где у входа в гавань начинались отмели, за деревьями виднелся Порчестер. Тревога мистера Хупдрайвера отступила в какой-то дальний угол его сознания, и в его пылких, не вполне осознанных мечтах появилась Джесси. Он принялся гадать о том, какое мог произвести на нее впечатление. Он снова благосклонным взглядом окинул свой костюм и не без удовлетворения перебрал все свои деяния за последние двадцать четыре часа. Но тут мысль о ее бесконечном совершенстве отрезвила его.

А Джесси уже около часа незаметно и весьма пристально наблюдала за ним. Она не смотрела на него прямо, потому что он, казалось, все время смотрел на нее. Тревога ее немного улеглась, и в ней пробудилось любопытство к этому по-рыцарски почтительному, но несколько странному джентльмену в коричневом костюме. Она припомнила своеобразные обстоятельства их первой встречи. Этот человек был ей непонятен. Следует иметь в виду, что ее знание жизни почти равнялось нулю, ибо было целиком почерпнуто из книг, и не надо принимать известное невежество за глупость.

Для начала она провела несколько опытов. Он не знал ни слова по-французски, кроме «сиввурплей», что он, по-видимому, считал хорошей застольной шуткой. Его речь оставляла желать лучшего, но все же не была такой, какая в книгах отмечает людей из низших классов. Манеры у него, в общем, были хорошие, хотя, пожалуй, уж слишком почтительные и старомодные. Один раз он назвал ее «мэм». По-видимому, он человек состоятельный, без определенных занятий, и в то же время он ничего не знает о последних концертах, спектаклях и книгах. Как же он проводит время? Он, конечно, настоящий рыцарь, правда, немного простоватый. Она решила (так много значит костюм!), что никогда прежде не встречала таких людей. Кем же он может быть?

– Мистер Бенсон, – начала она, нарушая тишину, в которой они созерцали пейзаж.

Он перевернулся на живот и посмотрел на нее, подперев подбородок рукой.

– К вашим услугам.

– Вы рисуете! Вы не художник?

– Видите ли... – Он нарочно помедлил. – Конечно, никакой я не художник. Но немного рисую. Так, разные забавные штучки...

Он выдернул травинку и начал грызть ее. Это в общем-то не было такой уж ложью, но шустрое воображение побудило его добавить:

– В газетах и тому подобное...

– Понятно, – сказала Джесси, задумчиво глядя на него. – Художники, конечно, бывают разные, а гении всегда немного эксцентричны.

Он опустил глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом, и продолжал кусать травинку:

– Я, знаете ли, не очень много этим занимаюсь.

– Так это не ваша профессия?

– Что вы! – сказал Хупдрайвер, думая лишь о том, как бы выйти из положения. – Я этим не занимаюсь, нет. Разве что так, иногда придет что-нибудь в голову, я и нарисую. Нет-нет, я не профессиональный художник.

– Значит, у вас нет постоянного занятия?

Мистер Хупдрайвер посмотрел на нее и встретил ее безмятежный, доверчивый взгляд. У него мелькнула мысль вернуться к роли сыщика.

– Видите ли, – начал он, чтобы выиграть время, – в общем-то есть. Но по некоторым причинам... это все, что я могу вам сказать...

– Извините, что я вас допрашиваю.

– Ничего страшного, – сказал мистер Хупдрайвер. – Только я не могу... Гадайте, пожалуйста... Я вовсе не хочу делать из этого тайны... («Может быть, рискнуть и назваться адвокатом?... Это, во всяком случае, что-то приличное. Но вдруг она знает про адвокатов?»)

– Мне кажется, я могу угадать, кто вы.

– Ну попробуйте, – сказал мистер Хупдрайвер.

– Вы приехали из какой-нибудь колонии?

– Ну и ну! – сказал мистер Хупдрайвер, сразу поворачивая нос по ветру. – Как это вы узнали? (Герой наш родился в пригороде Лондона, дорогой читатель.)

– Догадалась, – сказала она.

Он поднял брови как бы в изумлении и сорвал новую травинку.

– Вы росли на севере Англии.

– Опять угадали, – сказал Хупдрайвер, снова перевернувшись и опершись на локоть. – Вы просто это... ясновидящая. – Он улыбнулся и прикусил травинку. – А из какой колонии я приехал?

– Ну, этого я не знаю.

– Угадайте, – сказал Хупдрайвер.

– Из Южной Африки, – сказала она. – Я почти уверена, что из Южной Африки.

– Южная Африка большая, – сказал он.

– Но это действительно Южная Африка?

– Тепло, – сказал Хупдрайвер, а тем временем его воображение лихорадочно работало, пытаясь представить себе эту незнакомую страну.

– Так действительно Южная Африка? – не отступалась она.

Он снова повернулся и, улыбнувшись, кивнул.

– Я подумала о Южной Африке, потому что вспомнила этот роман Оливии Шрейнер, ну, вы знаете – «История одной африканской фермы». Грегори Роз так похож на вас.

– Я никогда не читал «Историю одной африканской фермы», – сказал Хупдрайвер. – Надо будет прочесть. Как он выглядит, этот Роз?

– Прочтите непременно. Какая это чудесная страна, – там такое смешение рас, и эта новая цивилизация, вытесняющая прежнюю дикость! Вы бывали возле Кхамы?

– Нет, это далеко от тех мест, где я жил, – сказал мистер Хупдрайвер. – У нас там была небольшая ферма – мы, видите ли, разводили страусов – так, всего несколько сотен. Это будет поближе к Йоганнесбургу.

– На реке Карру, да?

– Совершенно верно. Часть земли досталась нам даром, просто повезло. И хорошо же мы там жили в свое время! Но теперь на ферме нет страусов. – У него уже был наготове рассказ об алмазных копиях, но он остановился, чтобы дать волю воображению девушки. Кроме того, он вдруг, к своему ужасу, понял, что лжет.

– Что же стало со страусами?

– Мы продали их, когда расстались с фермой. Вы позволите мне закурить еще сигарету? Видите ли, я был совсем маленьким, когда у нас была эта ферма со страусами.

– И там вокруг всюду были негры и буры?

– О, множество! – сказал мистер Хупдрайвер, чиркая спичкой о подошву и чувствуя, что ему становится жарко от принятых на себя новых обязательств.

– Как интересно! Вы знаете, а я никуда не выезжала из Англии, только была в Париже, Ментоне и Швейцарии.

– Путешествия надоедают, знаете ли (затяжка), то есть, через какое-то время.

– Вы должны рассказать мне о вашей ферме в Южной Африке. У меня всегда распаляется воображение, когда я думаю о таких местах. Я представляю себе целое стадо высоких страусов, которых гонят... на пастбище, верно? А что они едят?

– Как вам сказать... Самые разные вещи, – сказал мистер Хупдрайвер. – У них, знаете ли, свои вкусы. Ну, конечно, фрукты там всякие, куриный корм и тому подобное. Тут дело не простое.

– А вы когда-нибудь видели льва?

– Они не часто встречались в наших местах, – скромно ответил мистер Хупдрайвер. – Но я их, конечно, видел. Раза два.

– Подумать только! Видели льва! Вам было не страшно?

Мистер Хупдрайвер уже глубоко сожалел, что попался на эту удочку с Южной Африкой. Он дымил сигаретой и задумчиво взирал на Солент, решая мысленно судьбу этого льва.

– Я даже не успел испугаться, – сказал он. – Все произошло в один миг.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказала она.

– Я шел через загон, где откармливали страусов.

– Как, значит, страусов едят? Вот не знала...

– Что их едят? Да, и часто. Хорошо фаршированный страус – очень вкусная штука. Так вот, шли мы, вернее, шел я через этот загон и вдруг вижу – кто-то стоит в лунном свете и смотрит на меня. – Мистер Хупдрайвер покрылся испариной. Его фантазия начала прихрамывать. – К счастью, со мной было отцовское ружье. Но все же, должен признаться, я испугался (затяжка). Я прицелился в то место, где, казалось мне, должна была находиться голова. И выстрелил (затяжка). И, можете себе представить, он упал.

– Мертвый?

– Совершенно мертвый. Это был один из самых удачных выстрелов в моей жизни. А мне тогда было немногим больше девяти.

– Я, наверно, закричала бы и бросилась бежать.

– Бывает так, что не убежишь, – сказал мистер Хупдрайвер. – А в данном случае бежать – это верная смерть.

– В жизни не встречала человека, который бы убил льва, – заметила она, глядя на него все с большим уважением.

Наступила пауза. Джесси, казалось, обдумывала, о чем бы его еще спросить. Мистер Хупдрайвер поспешил вытащить часы.

– Смотрите-ка! – воскликнул мистер Хупдрайвер, показывая ей время. – Вы не считаете, что нам пора двигаться дальше?

Лицо его горело, уши покраснели. Она приписала его смущение скромности. Он понуро поднялся – теперь к грузу, лежавшему на его совести, прибавился еще и лев – и протянул руку, чтобы помочь ей встать. Они спустились в Кошэм, взяли свои машины и неторопливо поехали по северному берегу большой гавани. Но мистер Хупдрайвер уже не чувствовал себя счастливым. Он никак не мог забыть об этой ужасной, отвратительной лжи. Зачем он это сделал! К счастью, она больше не просила его рассказать о Южной Африке, во всяком случае, до Порчестера, зато много говорила о желании Жить Самостоятельной Жизнью и о том, какие цепи накладывает на людей традиция. Она говорила удивительно хорошо, и ум Хупдрайвера заработал. Возле замка мистер Хупдрайвер поймал несколько крабов в прибрежной заводи. В Фархэме они остановились выпить чаю и выехали оттуда почти на закате при весьма ободряющем стечении обстоятельств, о чем вы узнаете в свое время.

21. Спасательная экспедиция

А теперь вернемся к трем предприимчивым кавалерам – Уиджери, Дэнглу и Фиппсу – и к прекрасной даме по имени Томас Плантагенет, которую они вызволяют из беды и которая, как утверждают газеты, известна в обществе под именем миссис Милтон. Если мне не изменяет память, мы оставили их на станции в Мидхерсте, где они в волнении ожидали поезда на Чичестер. Вся спасательная экспедиция была исполнена сознания, что миссис Милтон стойко выносит почти неодолимое горе. Три джентльмена превосходили один другого в выражении сочувствия; они внимательно, почти даже нежно опекали ее. Грузный Уиджери теребил ус и смотрел на нее карими, по-собачьи преданными глазами, в которых отражались все его невысказанные чувства; стройный Дэнгл тоже теребил ус и старался выразить, что мог, своими

серыми холодными глазами. У Фиппса, к несчастью, не было усов, которые он мог бы теревить, поэтому он, скрестив руки на груди, бодрым, безразличным тоном храбро разглагольствовал о железнодорожном сообщении между Лондоном, Брайтоном и Южным побережьем, чтобы хоть немного отвлечь бедную женщину от ее печальных мыслей. Даже миссис Милтон прониклась их возвышенной скорбью и постаралась показать это разными тонкими, имеющимися в распоряжении женщин способами.

– Ничего нельзя предпринять, пока мы не доберемся до Чичестера, – сказал Дэнгл. – Ничего.

– Ничего, – подтвердил Уиджери и добавил ей на ухо: – Вы сегодня почти совсем не кушали.

– Эти поезда всегда опаздывают, – сказал Фиппс, поглаживая пальцами край воротничка.

Дэнгл, надо вам сказать, будучи помощником редактора и обозревателем, чрезвычайно гордился своей интеллектуальной дружбой с Томасом Плантагенетом. Толстяк Уиджери, директор банка и хороший игрок в гольф, свое отношение к миссис Милтон воспринимал не иначе, как в духе прелестной старинной песенки: «Дуглас, Дуглас, нежный, верный...» Дело в том, что звали его Дуглас – Дуглас Уиджери. А Фиппс – Фиппс был еще студентом-медиком, и он считал, что положил к ее ногам свое сердце, сердце светского человека. Она же была по-своему милостива ко всем троим и настаивала на том, чтобы они оставались друзьями, несмотря на их несказанно критическое отношение друг к другу. Дэнгл считал Уиджери обывателем, крайне примитивно понимавшим достоинства «Высвобожденной души», а Уиджери считал, что Дэнглу не хватает гуманности и что он неискренен: готов покривить душой ради красного словца. Оба – и Дэнгл и Уиджери – считали Фиппса молокососом, а Фиппс считал Дэнгла и Уиджери неотесанными хамами.

– Они должны были приехать в Чичестер к обеду, – сказал Дэнгл в поезде. – Может быть, немного позже. Во всяком случае, по дороге им негде пообедать. Как только мы туда приедем, Фиппсу придется обойти гостиницы и узнать, не обедала ли там девушка, похожая по описанию на нее...

– Я-то обойду, – сказал Фиппс. – И даже весьма охотно. А вы с Уиджери, насколько я понимаю, будете болтаться...

Он увидел страдание на кратком лице миссис Милтон и не закончил фразы.

– Нет, – сказал Дэнгл, – мы не будем болтаться, как вы изволили выразиться. В Чичестере всего два места, куда могут пойти туристы, – это собор и превосходный музей. Я наведу справки в соборе, а Уиджери...

– В музее. Отлично. А потом я еще кое-что предприму, – сказал Уиджери.

Прежде всего они торжественно проводили миссис Милтон в «Красную гостиницу», устроили ее там и заказали ей чаю.

– Вы так добры ко мне, – сказала она. – Вы все.

Они ответили, что это пустяки, и отправились на поиски. К шести часам они вернулись, несколько поостывшие в своем рвении, без всяких новостей. Уиджери пришел вместе с Дэнглом. Фиппс вернулся последним.

– Вы совершенно уверены, – спросил Уиджери, – в правильности ваших предположений?

– Совершенно уверен, – кратко ответил Дэнгл.

– Но ведь ничто не мешает им, – сказал Уиджери, – выехав из Мидхерста по Чичестерской дороге, в любую минуту изменить свои планы.

– Мешает, дорогой мой! Вот именно мешает. Неужели вы считаете, что у меня не хватило сообразительности подумать о перекрестках! Напрасно. Но на этой дороге нет ни одного перекрестка, который мог бы побудить их изменить маршрут. Могли они свернуть сюда? Нет. А туда? Тоже нет. В мире куда больше неизбежного, чем можно себе представить.

– Сейчас посмотрим, – сказал Уиджери, стоя у окна. – Вот идет Фиппс. Что касается меня...

– Фиппс! – воскликнула миссис Милтон. – Он спешит? Какой у него вид? – Она порывисто поднялась, кусая дрожащие губы, и подошла к окну.

– Никаких новостей, – сказал Фиппс, входя.

– Ах! – вздохнул Уиджери.

– Никаких? – переспросил Дэнгл.

– Видите ли, – сказал Фиппс. – Тут один тип рассказывал какую-то странную историю про человека в велосипедном костюме, который вчера около этого времени ходил здесь и спрашивал о том же.

– О чем же? – спросила миссис Милтон, стоявшая в тени у окна. Она говорила тихо, почти шепотом.

– Как о чем? «Не видели ли вы молодой особы в сером велосипедном костюме?»

Дэнгл прикусил нижнюю губу.

– Что? – воскликнул он. – Вчера! Какой-то человек расспрашивал о ней вчера! Что это значит?

– Бог его знает, – сказал Фиппс, устало опускаясь на стул. – Можете сделать из этого соответствующие умозаключения.

– А что это был за человек? – спросил Дэнгл.

– Откуда я знаю? Тот тип сказал, что он был в велосипедном костюме.

– Ну, а рост? Телосложение?

– Я не спросил, – сказал Фиппс.

– *Не спросил!* Это же глупо! – воскликнул Дэнгл.

– Спросите его сами, – сказал Фиппс. – Это конюх из «Белого оленя» – такой приземистый, плотный малый с красным лицом и грубыми манерами. Стоит у ворот. Видно, навеселе: от него так и несет виски. Пойдите и спросите его.

– Конечно, пойду, – сказал Дэнгл, снимая соломенную шляпу со стеклянного колпака, под которым на шифоньерке стояло чучело птицы, и направляясь к двери. – Следовало бы мне раньше об этом подумать.

Фиппс открыл было рот и снова его закрыл.

– Вы, несомненно, устали, мистер Фиппс, – успокоительным тоном произнесла миссис Милтон. – Я позвоню, чтобы вам принесли чаю. Хорошо?

Тут Фиппсу стало ясно, что он, как рыцарь, допустил промах.

– Меня немного разозлило, что он погнал меня выполнять его поручение, – сказал он. – Но я готов сделать в сто раз больше, лишь бы это помогло вам найти ее. – Пауза. – Я в самом деле выпил бы чашку чаю.

– Я не хочу вас напрасно обнадеживать, – сказал Уиджери. – Но я не верю, что они вообще были в Чичестере. Дэнгл, конечно, очень умный малый, но порой его умозаключения...

– Вот так так! – сказал вдруг Фиппс.

– Что такое? – спросила миссис Милтон.

– Совсем забыл. Выйдя отсюда, я обошел все гостиницы и даже не подумал... Ну, ничего. Сейчас спросим, когда придет слуга.

– Вы имеете в виду...

Раздался стук в дверь, и она отворилась.

– Чаю, мэм? Слушаюсь, мэм, – сказал слуга.

– Постойте, – окликнул его Фиппс. – Скажите, молодая особа в сером, на велосипеде...

– Остановливалась ли здесь вчера? Да, сэр. Ночевала. С братом, сэр, – молодым джентльменом.

– С братом! – тихо повторила миссис Милтон. – Слава богу!

Слуга взглянул на нее и все понял.

– С молодым джентльменом, сэр, – сказал он, – очень щедрым. По фамилии Бомонт.

После этого он рассказал еще несколько малосущественных подробностей, а Уиджери допросил его с пристрастием о планах молодых людей.

– Хейвант! Где же это находится? – спросил Фиппс. – Я, кажется, слышал это название.

– Тот человек был высокого роста? – тем временем продолжала допрос миссис Милтон. – Благородной осанки? С длинными светлыми усами? И говорит, растягивая слова?

– Хм, – сказал слуга и задумался. – Усы у него, мэм, пожалуй, не такие уж и длинные, как будто только пробиваются: он ведь молодой.

– Лет тридцати пяти, так?

– Нет, мэм. Скорее двадцати пяти. А то и меньше.

– О господи! – воскликнула миссис Милтон каким-то странным глухим голосом, ища нюхательную соль и проявляя отличное самообладание. – Должно быть, это ее младший брат.

– Вы свободны, благодарю вас, – сухо сказал Уиджери, чувствуя, что ей легче будет перенести эту новость в отсутствии слуги.

Слуга повернулся к двери и чуть не столкнулся с Дэнглом, который ввалился в комнату, тяжело дыша и прижимая к правому глазу носовой платок.

– Хэлло! – сказал Дэнгл. – Что случилось?

– Что с вами случилось? – спросил Фиппс.

– Ничего особенного, просто побеседовал с вашим пьянчужой конюхом. Он решил, что все сговорились надоедать ему и что на самом деле никакой Юной Леди в Сером не существует. Ваше поведение навело его на этот вывод. Мне пришлось приложить к глазу кусок сырого мяса. А у вас, я вижу, есть новости?

– Он ударил вас? – спросил Уиджери.

Миссис Милтон встала и подошла к Дэнглу.

– Не могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Дэнгл держался героически.

– Только расскажите, что у вас нового, – сказал он, не отнимая от лица носового платка.

– Вот какое дело, – начал Фиппс и довольно сбивчиво рассказал то, что они узнали. Во время этого рассказа, сопровождавшегося беглым огнем комментариев со стороны Уиджери, слуга внес поднос с чаем.

– Расписание поездов на Хейвант, – тотчас потребовал Дэнгл.

Миссис Милтон налила две чашки, и Фиппс с Дэнглом покорно, словно агнцы, проглотили чай. Они в последнюю минуту вскочили, в поезд. И отправились в Хейвант на поиски.

Дэнгл ужасно кичился тем, что его предположение относительно Хейванта оправдалось. Принимая во внимание, что за Хейвантом с одной стороны дороги на Саутгемптон стоят крутые горы, а с другой – плещется море, он придумал великолепный план поимки молодых людей. Он и миссис Милтон поедут в Фархэм, а Уиджери и Фиппс сойдут на промежуточных станциях, один – в Кошэме, другой – в Порчестере, и, если не узнают ничего нового, приедут следующим поездом. Если же они не приедут, то сообщат в Фархэм по телеграфу, что произошло. Это был поистине наполеоновский план, и гордость Дэнгла уже не так страдала от насмешек хейвантских уличных мальчишек, шумно издевавшихся над его подбитым глазом, который он все еще прикрывал носовым платком.

И в самом деле, план оказался настоящим совершенством. Беглецы едва не попались. В ту минуту, когда они вышли из «Золотого якоря» в Фархэме и собирались садиться на велосипеды, из-за угла появились миссис Милтон и Дэнгл.

– Это она! – воскликнула миссис Милтон и чуть не закричала.

– Тс-с-с! – сказал Дэнгл, сжимая ее руку, и в волнении отнял от лица носовой платок, обнажив приложенный к глазу кусок мяса, вид которого так неожиданно подействовал на миссис Милтон, что она сразу смолкла. – Сохраняйте хладнокровие! – продолжал Дэнгл, метнув на нее из-под мяса строгий взгляд. – Они не должны нас видеть. Иначе они сбегут. Вы не заметили наемных экипажей у вокзала?

Тем временем молодые люди сели на велосипеды и исчезли за поворотом Винчестерской дороги. Если бы не боязнь привлечь всеобщее внимание, миссис Милтон, наверно, упала бы в обморок.

– Спасите ее! – промолвила она.

– Эх, экипаж бы! – сказал Дэнгл. – Одну минуту.

Миссис Милтон осталась стоять в весьма патетической позе, прижав руку к сердцу, а он помчался в «Золотой якорь». Двуколка будет через десять минут. Готово. Мясо он где-то потерял, и теперь над глазом виднелась припухлость.

– Я провожу вас на станцию, – сказал Дэнгл, – потом быстро вернусь сюда и отправлюсь в погоню за ними. Вы встретите Уиджери и Фиппса и скажете им, где я.

Она была спешно доставлена на станцию и посажена там на твердой, шершавой деревянной скамье, на самом солнцепеке. Она устала, изнервничалась, чувства ее были в

полном смятении, а сама она – вся в пыли. Дэнгл, бесспорно, был очень энергичен и предан, но кто мог сравниться в нежной заботливости с Дугласом Уиджери!

Тем временем Дэнгл, позлащенный лучами заходящего солнца, погонял, как умел, большую черную лошадь, запряженную в двуколку, держа путь на северо-запад, к Винчестеру, Дэнгл, если не считать распухшего глаза, был худощавый, стройный человек в охотничьей фуражке с козырьком и в темно-сером костюме. Шея у него была длинная и тощая. А двуколка, как вам, возможно, известно, – это большое, широкое и очень высокое деревянное сооружение; и лошадь тоже была большая, широкая и высокая, с шишковатыми ногами, длинной мордой, массивной нижней челюстью и твердым намерением двигаться только шагом. Цок, цок, цок, – уверенно стучали по дороге ее копыта, и вдруг у самой церкви она рванула в сторону при виде детской колясочки с поднятым верхом.

Дальше история Спасательной экспедиции несколько запутывается. Уиджери был как будто крайне возмущен, найдя миссис Милтон одну на платформе в Фархэме. Весь этот день он без конца раздражался, хотя выехал из дому с самыми лучшими намерениями, и теперь он даже обрадовался, найдя хоть какой-то повод для своего недовольства.

– Вот уж неуравновешенный человек! – сказал Уиджери. – Умчался куда-то! А мы, видимо, должны ждать здесь, пока он вернется. На него похоже. Он до того эгоистичен, этот Дэнгл. Вечно хочет все сделать сам и все испортит.

– Он жаждет помочь мне, – не без укоризны заметила миссис Милтон, дотрагиваясь до его рукава.

Однако Уиджери оказалось не так-то легко смягчить.

– Но мне-то он не должен вставлять палки в колеса, – сказал он и умолк. – Впрочем, напрасно мы об этом говорим, вы ведь устали.

– Я могу ехать дальше, – живо откликнулась она, – лишь бы нам найти ее.

– Пока я дожидался в Кошэме, я купил карту графства. – Он достал карту и развернул ее. – Вот это дорога из Фархэма. – И спокойно, неторопливо, как и подобает деловому человеку, он принялся развивать свою мысль, сводившуюся к тому, что им надо сесть в поезд и ехать в Винчестер. – Они, *конечно же*, отправились в Винчестер, – заключил он. – Иначе и быть не может. Завтра воскресенье, в Винчестере есть собор, а по дороге никаких крупных населенных пунктов больше нет.

– А как же мистер Дэнгл?

– Он будет ехать, пока не наскочит на что-нибудь, и тогда свернет себе шею. Я видел, как он ездит. При такой езде на двуколке, да еще наемной, едва ли он сумеет догнать велосипедистов, притом прохладным вечером. Положитесь на меня, миссис Милтон...

– Я в ваших руках, – с трогательной покорностью сказала она, глядя на него, как ребенок на большого, взрослого человека, и на минуту он забыл обо всех треволнениях этого дня.

Все это время Фиппс стоял, опираясь на палку, в довольно унылой позе, тербил свой воротник и смотрел то на одного собеседника, то на другого. Мысль обогнать Дэнгла показалась ему превосходной.

– Мы могли бы оставить записку там, где он брал двуколку, – предложил он, когда взгляды их встретились. Все трое необычайно оживились при этом предложении.

Но они так и не уехали дальше Ботли. Ибо в тот самый миг, когда их поезд прибыл на станцию, они услышали страшный грохот; откуда-то сверху раздались громкие крики, кондуктор в изумлении застыл на платформе, а Фиппс высунулся в окно и, воскликнув: «Вот он едет!», – выскочил из вагона. Миссис Милтон, в тревоге последовавшая за ним, успела еще все увидеть. Уиджери же опоздал. Станция Ботли расположена в выемке между двумя холмами; поверху проходит дорога, по которой на фоне лимонно-желтых и багровых отблесков заката неслась огромная черная лошадь, похожая на длинноносого шахматного коня, виднелась верхняя часть двуколки и в ней, но где-то совсем не там, где полагается сидеть вознице, – Дэнгл. Чудовищная тень его бежала по другую сторону выемки. Все произошло в одну секунду. Дэнгл как бы подпрыгнул, на миг повис в воздухе и исчез, после чего раздался страшный треск. И две черные головы промчались мимо.

– Давайте лучше сойдем, – сказал Фиппс, обращаясь к миссис Милтон, которая, оцепенев, стояла в дверях вагона.

Через минуту все трое уже бежали вверх по лестнице. Дэнгл стоял без шляпы, с пораненными руками, а какой-то услужливый мальчик отряхивал его. Широкая неровная дорога шла под уклон, и вдаль на ней виднелось несколько обитателей Ботли, державших под уздцы большую черную лошадь. Даже с такого расстояния видна была злобная гордость, написанная на морде этого чудовища. Морда эта была какая-то удивительно деревянная. Пожалуй, подобных лошадей я видел только в лондонском Тауэре, – там на них восседают рыцари в латах. Впрочем, сейчас нас интересует не столько лошадь, сколько Дэнгл.

– Вы ушиблись? – взволнованно спросил Фиппс, шедший впереди.

– Мистер Дэнгл! – воскликнула миссис Милтон, всплеснув руками.

– Хэлло! – сказал Дэнгл, ничуть не удивившись при виде всей компании. – Хорошо, что вы приехали. Вы можете мне понадобиться. В недурную я попал переделку, а? Но я настиг их. И как раз там, где рассчитывал.

– Настигли их? – спросил Уиджери. – Где же они?

– Там, наверху, – сказал он, указывая головой куда-то назад. – В миле отсюда, за холмом. Я оставил их. Так уж вышло.

– Не понимаю, – сказала миссис Милтон, и в глазах ее снова появились тоска и боль. – Вы нашли Джесси?

– Да. Мне хотелось бы только смыть землю с рук. Вот как все произошло. Я выехал из-за поворота и наткнулся на них. При виде велосипедов лошадь шарахнулась в сторону. Они сидели у дороги и разглядывали цветы. Я успел только крикнуть: «Джесси Милтон, мы вас ищем!» – и эта проклятая скотина понесла. Я не смел даже оглянуться. Только о том и думал, как бы повозка не перевернулась, сами видите, что вышло. Я только крикнул: «Вернитесь к друзьям! Все будет забыто!» И унесся под грохот копыт. Не знаю, услышали ли они...

– *Отвезите меня к ней*, – непререкаемым тоном потребовала миссис Милтон, поворачиваясь к Уиджери.

– Извольте, – сказал Уиджери, внезапно оживившись. – Это далеко, Дэнгл?

– Мили полторы-две отсюда. Я, знаете ли, твердо решил найти их. Но взгляните на мои руки! О, прошу прощения, миссис Милтон. – Он повернулся к Фиппсу. – Фиппс, где же все-таки я могу вымыть руки? И взглянуть на колено?

– Вон там на станции, – сказал Фиппс, сразу изъявляя готовность помочь. Дэнгл сделал шаг, но ушибленное колено тотчас напомнило о себе. – Обопритесь на мою руку, – предложил Фиппс.

– Где здесь можно найти экипаж? – спросил Уиджери у двух мальчишек.

Мальчишки не поняли. И посмотрели друг на друга.

– Здесь нет ни кэба, ни телеги, – сказал Уиджери. – Вот уж в самом деле: коня, коня, полцарства за коня!

– Лошадь есть во-он там, – протянул один из мальчишек, показывая рукой.

– А двуколку здесь где-нибудь можно нанять? – спросил Уиджери, устремив на мальчишку долгий свирепый взгляд.

– Или повозку, или что-нибудь? – спросила миссис Милтон.

– У Джона Хукера есть телега, только нанять ее нельзя, потому как он был пьяный и оглоблю сломал, – пропел старший мальчишка, отвернувшись и глядя куда-то вдаль. – И мой отец тоже не даст телегу, потому как у него сломана нога.

– Даже телеги нет! Ну, конечно. Что же мы будем делать?

Тут миссис Милтон подумала, что Уиджери, бесспорно, преданный кавалер, зато Дэнгл куда изобретательнее.

– Я полагаю, – сказала она робко, – если бы спросить мистера Дэнгла...

Вся позолота слетела с Уиджери. И он весьма грубо сказал:

– Черт бы побрал вашего Дэнгла! По-вашему, он еще недостаточно напутал? Гнался за ними, чтобы сказать им, что мы их ищем, а теперь вы хотите, чтобы я спросил его...

Ее прекрасные голубые глаза наполнились слезами. Уиджери тотчас осекся.

– Пойду спрошу Дэнгла, – сказал он только, – если вы этого хотите.

И он зашагал к станции, оставив миссис Милтон посреди дороги под охраной двух мальчишек; в голове у нее, словно припев какой-то баллады, звучало: «Где теперь рыцари

доброе старого времени?» Она почувствовала смертельную усталость и вообще была голодной, пыльной, растрепанной – короче говоря, настоящей мученицей.

Не могу без волнения рассказывать о том, как кончился этот день: как беглецы канули в неизвестность; как не было больше поездов; как Ботли холодно, с издевкой взирал на преследователей, отказывая им в средствах передвижения; как поглядывал на них с недоверием хозяин «Цапли»; как на следующий день – в воскресенье – была такая жара, что воротничок Фиппса сморщился, юбки миссис Милтон смялись и безоблачное настроение всей компании испортилось. Дэнгл, с пластырем и синяком над глазом, почувствовал всю смехотворность роли Раненого Рыцаря и, сделав над собой небольшое усилие, отказался от нее. Взаимные обвинения, пожалуй, ни разу не занимали в разговоре главного места, но, как зарницы, то и дело обрамляли его. При этом в глубине души каждый сознавал, что они оказались в нелепом положении. И виновата во всем этом, конечно, была Джесси. Правда, самое худшее, что могло бы придать этому происшествию трагический характер, видимо, не произошло. Просто молодая особа – да что я говорю, еще совсем девочка – вздумала покинуть уютный дом в Сэрбитоне, отвергла радости пребывания в кругу утонченных, интеллигентных людей и сбежала, потащив нас за собой и заставив строить из себя рыцарей и мучиться ревностью друг к другу, и вот теперь, субботним вечером, швырнула нас, словно грязь с колес своего велосипеда, усталых, измученных жарой, в эту отвратительную деревню! И сбежала-то она не во имя Любви и Страсти, что является серьезным оправданием даже в глазах тех, кто это осуждает, а из Каприза, Причуды ради, просто вопреки Здравому Смыслу. Однако с присущим нам тактом мы продолжаем говорить о ней как о заблудшей овечке, принесшей нам столько волнений, и миссис Милтон, подкрепившись едой, по-прежнему выказывает самые возвышенные чувства.

Замечу кстати, что сидела она в плетеном кресле с подушками – единственном удобном кресле во всей комнате, а мы на невероятно жестких, набитых конским волосом стульях, с салфеточками, привязанными к спинкам при помощи лимонно-желтых бантов. Это было как-то не совсем похоже на приятные беседы в Сэрбитоне. Миссис Милтон сидела лицом к открытому окну (ночь была такая спокойная и теплая) и удивительно хорошо выглядела в полумраке, так как мы не зажигали лампы. По голосу ее чувствовалось, что она устала, и, казалось, она даже склонна была винить себя за «Высвобожденную душу». Такой вечер вполне можно было бы запечатлеть в дружеских мемуарах, но тогда он казался довольно скучным.

– Я чувствую, – говорила миссис Милтон, – что это я во всем виновата. Я ушла вперед в своем развитии. Моя первая книга – учтите, я не намерена отказываться ни от одного слова, написанного в ней, – эта книга была неправильно понята и неправильно истолкована.

– Вот именно, – поддакнул Уиджери, стараясь выразить столь горячее сочувствие, чтобы оно было заметно даже в темноте. – Умышленно неправильно истолкована.

– Не говорите так! – взмолилась леди. – Не умышленно. Я стараюсь думать, что критики – люди честные, по-своему, конечно. Но сейчас я имела в виду не критиков. Я хотела сказать, что она... – И миссис Милтон выжидающе умолкла.

– Вполне возможно, – сказал Дэнгл, рассматривая свой пластырь.

– Я пишу книгу и излагаю свои мысли. Я хочу, чтобы люди *думали* так, как я советую, а вовсе не поступали. Это и значит учить. Только я свое учение преподношу в форме рассказа. Я хочу учить новым Идеям, новым Истинам, распространять новые Взгляды. Затем, когда Взгляды распространятся, тогда и в жизни начнутся изменения. А сейчас – безумие бросать вызов существующему порядку. Бернард Шоу, как вам известно, объяснял это применительно к социализму. Все мы знаем, что надо своим трудом зарабатывать то, что потребляешь, – это правильно, а вот жить на проценты с капитала – неправильно. Но пока нас еще слишком мало, чтобы начать такую жизнь. Это должны сделать Те, Другие...

– Совершенно верно, – сказал Уиджери. – Те, Другие... Они должны начать первыми.

– А пока вы должны заниматься своим банком...

– Если я не буду, то будет кто-нибудь другой.

– Ну, а я живу на деньги, которые приносит лосьон мистера Милтона, и тем временем стараюсь завоевать себе место в литературе.

– *Стараетесь!* – воскликнул Фиппс. – Вы уже *завоевали* его.

– А это немало, – добавил Дэнгл.

– Вы так добры ко мне. Но в данном случае... Конечно, Джорджина Гриффитс в моей книге живет одна в Париже и учится жизни, и у нее в гостях бывают мужчины, но ведь ей уже больше двадцати одного года.

– А Джесси только восемнадцать, и к тому же она еще совсем дитя, – сказал Дэнгл.

– Ну, конечно, тут все иначе. Такой ребенок! Это совсем не то, что взрослая женщина. И Джорджина Гриффитс никогда не рисовалась своей свободой – она же не разъезжала на велосипеде по городам и деревням. Да еще в нашей стране! Где все так придиричивы! Только вообразите себе – *спать* вне дома. Это же ужасно. Если это станет известно, она погибла.

– Погибла, – сказал Уиджери.

– Никто не женится на такой девушке, – сказал Фиппс.

– Это надо скрыть, – сказал Дэнгл.

– Я всегда считала, что каждый человек, каждая жизнь – это особый случай. И людей надо судить в связи с теми обстоятельствами, в которых они находятся. Не может быть общих правил...

– Я часто убеждался в том, как это верно, – сказал Уиджери.

– Таково правило, которого я придерживаюсь. Конечно, мои книги...

– Это – другое дело, совсем другое дело, – сказал Дэнгл. – В романе речь идет о типичных случаях.

– А жизнь не типична, – чрезвычайно глубокомысленно изрек Уиджери.

Тут Фиппс неожиданно для себя вдруг зевнул, и сам больше всех был этим шокирован и потрясен. Слабость эта оказалась заразной, и собравшиеся, как вы легко можете понять, разговоривали уже вяло и вскоре под разными предложениями разошлись. Но не для того, чтобы тотчас лечь спать. Дэнгл, оставшись один, начал с безграничным отвращением рассматривать свой потемневший глаз, потому что, несмотря на свою энергию, он был большой любитель порядка. Вся эта история – уже приближавшаяся к развязке – оказалась ужасно хлопотной. А возвращение в Фархэм сулило новые неприятности. Фиппс некоторое время сидел на кровати, с не меньшим отвращением изучая воротничок, который еще сутки назад он считал бы совершенно неприличным надеть в воскресенье. Миссис Милтон размышляла о том, что и крупные, толстые люди с по-собачьи преданными глазами тоже смертны, а Уиджери чувствовал себя несчастным, потому что был так груб с нею на станции и особенно потому, что до сих пор не был уверен в своей победе над Дэнглом. И все четверо, будучи склонны придавать большое значение внешним обстоятельствам, терзались мыслью о завтрашней встрече с язвительным и недоверчивым Ботли, а потом с насмешливым Лондоном и строящим разные догадки Сэрбитоном. В самом ли деле они вели себя нелепо? Если нет, то откуда у них у всех это чувство досады и стыда?

22. Мистер Хупдрайвер – странствующий рыцарь

Как сказал мистер Дэнгл, он оставил беглецов на обочине дороги примерно в двух милях от Ботли. До появления мистера Дэнгла мистер Хупдрайвер с превеликим интересом узнал, что у простых придорожных цветов есть названия – лютики, незабудки, иван-чай, иван-да-марья – причем, порою презабавные. Но, к счастью, фантазия выручила его и тут.

– В Южной Африке, знаете ли, цветы совсем другие, – сказал он, объясняя свое невежество.

Тут вдруг раздался цокот копыт и скрежет колес, и, нарушая тишину летнего вечера, с громом и грохотом возник Дэнгл. Раскачиваясь из стороны в сторону и отчаянно жестикулируя позади огромной черной лошади, он несся прямо на них, по пути окликнул Джесси, неизвестно почему свернул к живой изгороди и скрылся, мчась навстречу уготованной ему от сотворения мира судьбе. Джесси и Хупдрайвер едва успели вскочить и схватить свои машины, как громоподобное видение – еще сильнее, чем мистер Хупдрайвер, петляя по всей дороге, – исчезло за поворотом.

– Он знает мое имя, – проговорила Джесси. – Ну конечно... Это был мистер Дэнгл.

– А все наши велосипеды, – участливо, но без особого беспокойства сказал меж тем мистер Хупдрайвер. – Надеюсь, он не расшибется.

– Это был мистер Дэнгл, – повторила Джесси, и мистер Хупдрайвер на этот раз услышал ее и вздрогнул. Его брови приподнялись.

– Как! Вы его знаете?

– Да.

– Господи!

– Он ищет меня, – сказала Джесси. – Это ясно. Он окликнул меня еще прежде, чем лошадь бросилась в сторону. Его послала моя мачеха.

Мистер Хупдрайвер опять пожалел, что не вернул велосипеда владельцу, ибо он все еще не очень представлял себе, какие отношения существуют между Бичемелом и миссис Милтон. Все-таки честность, считал он, лучшая политика – во всяком случае, как правило. Он посмотрел в одну сторону, в другую. Вид у него был деловой и встревоженный.

– Значит, он ехал за нами, да? Тогда он вернется. Но только он покатил вниз под гору и не скоро остановится, это уж точно.

Между тем Джесси вывела на дорогу велосипед и стала садиться. Не отрывая глаз от поворота, за которым исчез Дэнгл, Хупдрайвер последовал ее примеру. Так на закате солнца они снова двинулись в путь – теперь в направлении Бишопс-Уолэм, причем мистер Хупдрайвер занял наиболее опасный пост, в арьергарде, и ехал, поминутно озираясь и петляя. Джесси из-за этого приходилось то и дело сбавлять скорость. Мистер Хупдрайвер тяжело дышал и ненавидел себя за то, что не может ехать с закрытым ртом. После часа безостановочной езды они очутились, целые и невредимые, в Винчестере. На улице, тускло освещенной желтыми фонарями, они не обнаружили ни следов Дэнгла, ни какой-либо другой опасности. Однако мили за две до Винчестера, хотя летучие мыши уже начали порхать над живыми изгородями, а в небе зажглась вечерняя звезда, мистер Хупдрайвер указал своей спутнице, сколь чревата опасностями остановка в таком населенном месте, и вежливо, но твердо настоял на том, чтобы заправить фонари и продолжать путь к Солсбери. От Винчестера дороги шли во всех направлениях, и, чтобы избавиться от погони, проще всего было круто повернуть, например, на запад. Увидев полную, желтую луну, всходившую сквозь дымку на горизонте, мистер Хупдрайвер подумал, что ему предстоит вновь пережить то, что он пережил, когда они ехали из Богнора, но почему-то, хотя луна и все атмосферные условия были те же, ощущения его были иными. Миновав окраины Винчестера, они поехали медленно, в полном молчании. Оба были совершенно измучены – ровная дорога казалась бесконечной, а самый маленький холмик представлялся препятствием, – вот почему в деревне Уолленсток они были вынуждены остановиться и попросить ночлега в деревенской гостинице, у владельцев которой – сразу видно было – дела шли исключительно хорошо. И хозяйка гостиницы, женщина соответствующей наружности, приняла их, ничем не посрамив своего заведения.

Но когда они проходили в комнату, где им приготовлен был ужин, мистер Хупдрайвер мельком увидел в щели приоткрытой двери сквозь завесу табачного дыма три с половиной лица (ибо дверной косяк разрезал одно из них пополам) и накрытый суровой скатертью стол, где стояло несколько стаканов и большая пивная кружка. А «кроме того, он услышал одну реплику. За секунду до этого мистер Хупдрайвер был горд и счастлив, он чувствовал себя наследником баронета, путешествующим инкогнито. С бесконечным достоинством, непринужденно передал он велосипеда слуге и с поклоном распахнул дверь перед Джесси. Он представил себе, как люди станут спрашивать друг у друга: „Кто это такие?“ И кто-нибудь окажет: „Какие-то богачи, судя по велосипедам“. После чего воображаемые наблюдатели начнут обстоятельный разговор о том, что велосипед вошел в моду, что и судьи, и биржевые маклеры, и актрисы – в общем, все сливки общества – ездят теперь на велосипедах и что великие мира сего, презрев большие отели и низкопоклонство городской толпы, часто оригинальности ради отправляются инкогнито в деревню вкушать прелестей тамошней жизни. Заметят они, наверно, и тот непередаваемый аристократизм, который сквозит во всем облике дамы, только что переступившей порог гостиницы, и красивого светлосого, голубоглазого кавалера, сопровождающего ее, и переглянутся. „А я скажу, кто это, – тихим внушительным голосом промолвит один из деревенских стариков и, выражая общее мнение, как обычно пишут в романах, добавит: – Это,

должно быть, какие-то баронеты решили поразвлечься, а может, кто и повыше...“

Таковы были туманные и приятные мысли мистера Хупдрайвера до того, как он услышал слова того человека. А слова эти заставили его опуститься на землю. Мы не намерены воспроизводить здесь их в точности. Просто это было какое-то замечание сатирического характера в духе Стрефона. Если вас, дорогая леди, заинтересует оно, наденьте современный велосипедный костюм, возьмите в спутники одного из самых хилых своих знакомых и отправляйтесь в следующую субботу в какой-нибудь трактир, где собираются здоровые, простые люди. Тогда вы услышите сколько угодно того, что услышал мистер Хупдрайвер, возможно, даже больше, чем вам захочется.

Надо добавить, что слова эти касались мистера Хупдрайвера. Они указывали на полное неверие в его высокое социальное положение. В один миг они разрушили великолепный замок, созданный его фантазией и доставлявший ему столько радости. Все его глупое счастье исчезло, как сон. И нечего было сказать в ответ, как вообще нечего бывает сказать в ответ на любую издевку. Возможно, человек, сказавший это, получил какое-то удовлетворение, думая, что осадил самодовольного болвана, но, возможно, он и не знал, насколько прямо в цель попал его случайный выстрел. Он бросил свою насмешку наугад, как мальчишка бросает, не целясь, камень в птицу, и не только разрушил глупое самодовольство, но и ранил. Слова эти в самой грубой форме задевали Джесси.

Она не слышала их, как мистер Хупдрайвер понял по ее дальнейшему поведению, но во время ужина, который им подали в маленькой отдельной столовой, он все думал об этом, хотя она оживленно болтала. Неясные звуки голосов и смех проникали из общей залы сквозь герани, стоявшие на открытом окне. Хупдрайвер чувствовал, что разговор идет все о том же – прохаживаются на его и на ее счет. И потому он отвечал Джесси невпопад. Она сказала, что устала, и вскоре ушла к себе. Мистер Хупдрайвер любезно распахнул дверь и с поклоном пропустил Джесси вперед. Он стоял, прислушиваясь, боясь новых оскорблений, пока она шла наверх и огибала выступ, где под птичьими чучелами висел барометр. Затем он вернулся в комнату и остановился на коврике перед камином. «Негодяи!» – в ярости прошептал он, услышав новый взрыв смеха. Все время за ужином он сочинял язвительную отповедь, блестящую, остроумную обличительную речь, которую он должен произнести. Он распечат их, как подобает дворянину. «Вы называете себя англичанами – и оскорбляете женщину!» – скажет он; возможно, запишет их имена и адреса, пригрозит пожаловаться местному лорду, пообещает, что они еще о нем услышат, и выйдет, оставив всех в оцепенении. Это в самом деле следовало бы сделать.

– Надо проучить их как следует, – свирепо сказал он и больно дернул себя за ус. Как они там говорили? Для разжигания собственной ярости он оживил в памяти неприятные слова и затем повторил основные положения своей речи.

Он откашлялся, сделал три шага к двери, потом остановился и вернулся на коврик. Нет, пожалуй, лучше не ходить... Но разве он не Странствующий Рыцарь? Может ли баронет, путешествующий инкогнито, не отчитать и не обуздать таких людей? Великодушие? Посмотреть на это так? Грубияны не заслуживают даже презрения? Нет, это просто трусливая отговорка. Надо все-таки пойти.

Он снова направился к двери, но внутренний голос по-прежнему твердил ему, что он ведет себя, как вспыльчивый осел. Однако он только еще решительнее шагнул вперед. Он прошел через холл, мимо бара и вошел в комнату, из которой донеслись те слова. Резко распахнул дверь и остановился на пороге, мрачно глядя на сидевших там людей. «Ты только сделаешь хуже», – заметил скептический голос внутри него. В комнате было пятеро: толстяк с несколькими подбородками, сидевший с длинной трубкой в кресле у огня и очень приветливо пожелавший мистеру Хупдрайверу доброго вечера; молодой человек, куривший пенковую трубку, вытянув скрещенные ноги в гетрах; маленький человечек с бородой и беззубой улыбкой; спокойный человек средних лет, с живыми глазами, в вельветовой куртке, и щеголеватый молодой блондин в желтовато-коричневом готовом костюме и белом галстуке.

– Хм, – мрачно кашлянул мистер Хупдрайвер. И затем угрожающим тоном человека, не терпящего вольностей, произнес: – Добрый вечер!

– Очень хорошие в этих местах дороги, – сказал молодой блондин в белом галстуке.

– Оч-чень, – с расстановкой произнес мистер Хупдрайвер, решительно придвинул к камину коричневое кресло и сел. С чего же это должен он начать свою речь?

– Очень хорошие в этих местах дороги, – сказал молодой блондин в белом галстуке.

– Очень! – поддержал мистер Хупдрайвер, мрачно глядя на него. (Надо же было с чего-то начать). – Дороги здесь хорошие и погода хорошая, но я пришел сказать вам вот что: чертовски неприятная здесь публика, чертовски неприятная!

– Ого! – произнес молодой человек в гетрах и, судя по всему, мысленно пересчитал перламутровые пуговицы на них. – Откуда вы это взяли?

Мистер Хупдрайвер положил руки на колени, выставив вперед острые локти. В душе он злился на себя за идиотское безрассудство, с каким полез дразнить этих львов, ибо это действительно были львы, – но теперь надо было доводить дело до конца. Господи, только бы голос не сорвался! Он остановил взгляд на лице толстяка с многоэтажным подбородком и заговорил тихим выразительным голосом.

– Я приехал сюда, сэр, – сказал мистер Хупдрайвер и сделал паузу, чтобы набрать воздуха, – я приехал сюда с дамой.

– С очень красивой дамой, – сказал молодой человек в гетрах и склонил голову набок, любуясь перламутровой пуговицей на изгибе своей икры. – В самом деле очень красивой.

– Я приехал сюда, – повторил мистер Хупдрайвер, – с дамой!

– О господи, мы все это видели, – сказал толстяк с многоэтажным подбородком каким-то удивительно хриплым голосом. – Что ж тут особенного? Можно подумать, что у нас нет глаз.

Мистер Хупдрайвер откашлялся.

– Я приехал сюда, сэр...

– Мы это уже слышали! – раздраженно сказал человек с бородой и хихикнул. – Мы уже выучили это наизусть, – добавил он.

Мистер Хупдрайвер потерял нить мысли. Он возмущенно посмотрел на человека с бородой, пытаясь вспомнить свою речь. Наступила пауза.

– Так вы говорили, – очень вежливо напомнил ему молодой блондин в белом галстуке, – что приехали сюда с дамой.

– С дамой, – задумчиво произнес тот, что любовался пуговицами на гетрах.

Человек в вельветовой куртке, молча смотревший своими живыми, пронизательными Глазами то на одного собеседника, то на другого, рассмеялся, как будто выиграл очко, и, остановив на мистере Хупдрайвере выжидающий взгляд, побудил его высказаться.

– Какой-то хам, – сказал мистер Хупдрайвер, уловив наконец нить своей речи и внезапно рассвирепев, – произнес тут что-то, когда мы проходили мимо двери.

– Потише! Будьте любезны не обзывать нас.

– Одну минуту! – прервал его мистер Хупдрайвер. – Не я начал первый. («А кто же?» – спросил человек с многоэтажным подбородком.) Я не называю вас хамами. Пусть у вас не будет такого впечатления. Но кто-то в этой комнате произнес слова, показывающие, что он не заслуживает даже того, чтобы отхлестать его по физиономии, и со всем уважением к тем джентльменам, которые в самом деле джентльмены (мистер Хупдрайвер огляделся, ища моральной поддержки), я хотел бы знать, кто это.

– Зачем? – спросил молодой блондин в белом галстуке.

– Затем, что я собираюсь сейчас же отхлестать его по физиономии, – сказал мистер Хупдрайвер, снова свирепея и в то же время сознавая, что у него и в мыслях до этого не было применять силу. Он сказал так потому, что не мог придумать ничего другого, и угрожающе выставил локти, чтобы скрыть собственный испуг. Просто удивительно, как обстоятельства подчиняют нас себе.

– Эге, Чарли! – сказал человек с бородой.

– Ну и ну! – воскликнул обладатель тройного подбородка.

– Вы собираетесь отхлестать его по физиономии? – спросил молодой блондин с легким удивлением.

– Да, – решительно сказал мистер Хупдрайвер и в упор посмотрел на молодого человека.

– Совершенно справедливо и разумно, – сказал человек в вельветовой куртке, – если только вам это удастся.

Интерес присутствующих, казалось, целиком сосредоточился на молодом человеке в белом галстуке.

– Но если вы не сможете обнаружить, кто это был, вы, видимо, намерены, не скупясь, отхлестать по физиономии всех, кто находится в этой комнате? – заметил молодой человек все тем же безразличным тоном. – Этот джентльмен – чемпион в легком весе...

– Признайся уж, Чарли, – сказал молодой человек в гетрах, на мгновение подняв глаза. – И не втягивай в это дело своих ближних. Что справедливо, то справедливо. А тебе от этого не уйти.

– Значит, этот... джентльмен? – начал мистер Хупдрайвер.

– Видите ли, – сказал молодой человек в белом галстуке, – раз вы говорите о том, чтоб отхлестать по физиономии...

– Не только говорю, но так и сделаю! – сказал мистер Хупдрайвер.

Он оглядел присутствующих. Это были уже не противники, а зрители. Теперь ему придется довести дело до конца. Но поскольку он говорил так негодуяще только об обидчике, обстановка в комнате несколько изменилась, и Хупдрайвер уже не был один *contra mundum* note §. По-видимому, предстоит драка. Ограничится ли дело подбитым глазом, или его основательно поколотят? Господи, только бы не этот здоровый парень в гетрах! Что же, теперь он должен встать и начать бой? Что она подумает, если он явится утром к завтраку с синяком под глазом?

– Это и есть тот человек? – спросил мистер Хупдрайвер деловито спокойным тоном и еще больше выставил локти.

– Ату его! – воскликнул маленький человечек с бородой. – Съешьте его с потрохами...

– Пойдите! – остановил его молодой человек в белом галстуке. – Подождите минуту. Если я случайно сказал...

– Так это вы сказали? – спросил мистер Хупдрайвер.

– Отступаешь, Чарли? – заметил молодой человек в гетрах.

– И не думаю, – сказал Чарли. – В конце концов, имеем же мы право пошутить...

– Я научу вас держать свои шутки при себе, – сказал мистер Хупдрайвер.

– Бра-во! – воскликнул обладатель стада подбородков.

– Чарли иной раз заходит слишком далеко в своих шутках, – сказал человечек с бородой.

– Это совершенно омерзительно, – сказал Хупдрайвер, возвращаясь к сочиненной им речи. – Стоит даме поехать на велосипеде за город или одеться не совсем обычно, как всякая мразь считает своим долгом оскорблять ее...

– Я не думал, что молодая леди услышит то, что я сказал, – возразил Чарли. – Может же человек болтать с друзьями! Откуда я знал, что дверь была открыта...

Хупдрайвер начал подозревать, что его противник, если только это возможно, еще больше него встревожен перспективой драки, и приободрился. Этих молодцов надо как следует проучить.

– Конечно, вы знали, что дверь была открыта, – негодуящим тоном заявил он. – Конечно, вы рассчитывали, что мы услышим ваши слова. Не лгите. Нечего говорить ерунду. Вы хотели поразвлечься и развлеклись. А я хочу наказать вас в назидание другим, сэр.

– Имбирное пиво, – доверительно сказал человечек с бородой человеку в вельветовой куртке, – так и бродит в жару. Бутылки повсюду сами рвутся.

– Что толку препираться в трактире? – сказал Чарли, обращаясь ко всей честной компании. – Если драться, так драться, чтоб никто не мешал, раз уж джентльмену так хочется.

Он был явно ужасно напуган. Мистер Хупдрайвер почувствовал прилив ярости.

– В любом месте, – сказал мистер Хупдрайвер, – где вам будет угодно.

– Ты оскорбил джентльмена, – сказал человек в вельветовой куртке.

– Не будь трусом, Чарли, – сказал человек в гетрах. – Да ты на целый пуд тяжелей его.

– А я вот что скажу, – заявил джентльмен с избытком подбородков, усиленно стуча по ручкам кресла, чтобы обратить на себя внимание. – Если Чарли что-то сказал, пусть отвечает.

Вот так-то. Пусть говорит, что хочет, – я не против, но тогда пусть и отвечает за свои слова.

– И отвечу, не беспокойтесь, – сказал Чарли, язвительно упирая на «отвечу». – Если джентльмен согласен встретиться во вторник на той неделе...

– Ерунда! – отрезал Хупдрайвер. – Сейчас.

– Слушайте, слушайте! – сказал обладатель подбородков.

– Никогда не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня, Чарли, – сказал человек в вельветовой куртке.

– Придется пойти на это, Чарли, – сказал человек в гетрах. – Не отвертеться.

– Послушайте, – сказал Чарли, обращаясь ко всем, кроме Хупдрайвера. – Завтра вечером я должен подавать обед у ее милости. Хорош я буду с синяком под глазом? А как я буду выглядеть на запятках с рассеченной губой?

– Если ты не желаешь ходить с побитой физиономией, зачем же рот разеваешь? – сказала личность в гетрах.

– Вот именно! – чрезвычайно свирепо поддакнул мистер Хупдрайвер. – Заткните-ка лучше свой гнусный рот!

– Это может стоить мне места, – взмолился Чарли.

– Надо было раньше об этом думать, – сказал Хупдрайвер.

– Горячиться-то так не из-за чего. Я просто пошутил, – сказал Чарли. – Как джентльмен джентльмену говорю вам, что очень сожалею, если огорчил джентльмена...

Все разом заговорили. Мистер Хупдрайвер принялся подкручивать усы. Чарли назвал его джентльменом, и мистеру Хупдрайверу казалось, что это в какой-то мере искупает обиду. Но он уже вошел в роль и считал необходимым покрепче придавить к земле поверженного врага. И, стараясь перекрыть шум, он выкрикнул еще что-то оскорбительное.

– Ты настоящий трус, – говорил тем временем человек в гетрах, обращаясь к Чарли.

Шум стал еще сильнее.

– Только не думайте, что я боюсь, – уж во всяком случае не этого тонконожку! – закричал Чарли. – Его я совсем не боюсь.

«Положение меняется, – подумал Хупдрайвер, слегка вздрогнув. – Что-то будет?»

– Не сиди и не отруживайся, – сказал человек в вельветовой куртке. – Он сказал, что побьет тебя, и, будь я на его месте, я бы уже давно так и сделал.

– Ну ладно, – сказал Чарли, внезапно переходя из обороны в наступление и вскакивая на ноги. – Если надо, так надо. Ладно!

Тут Хупдрайвер, игрушка в руках Судьбы, тоже поднялся, с ужасом сознавая, что его внутренний советчик был прав. Все перевернулось. Он все испортил, и теперь ему, как видно, остается только ударить этого человека. Они с Чарли стояли в шести футах друг от друга, разделенные столом, оба разгоряченные, тяжело дыша. Вульгарная трактирная драка, да еще – теперь уже это ясно – с лакеем! Великий боже! Вот к чему привела его язвительная, полная достоинства отповедь! Как, в сущности, все это произошло? Теперь, наверно, надо обойти стол и ринуться на него. Но, прежде чем драка началась, вмешался человек в гетрах.

– Не здесь, – сказал он, становясь между противниками.

Все поднялись с мест.

– Чарли – он ловкий малый, – сказал человек с бородой.

– Пошли на двор к Буллеру, – сказал человек в гетрах, беря на себя руководство с готовностью и охотой знатока. – Если джентльмен ничего не имеет против. – Двор Буллера был, по-видимому, вполне подходящим местом. – Там все можно будет сделать по правилам, как положено.

И прежде чем Хупдрайвер успел осознать, что происходит, он уже шагнул по задворкам гостиницы, направляясь на первый и единственный в его жизни кулачный бой, которым ему суждено было гордиться.

Внешне, насколько можно судить при луне, мистер Хупдрайвер был спокоен и готов к драке. Но внутри у него царило полное смятение. Просто удивительно, как все произошло. Одна реплика так быстро следовала за другой, что ему было крайне трудно уловить развитие событий. Он отчетливо помнил, как прошел из одной комнаты в другую, полный достоинства, даже аристократизма, тщательно продумавший свою убедительную речь и жаждущий лишь

отчитать несчастного деревенщину за неумение вести себя. Слово за слово – и вот он шагает по освещенному луной проулку, худая черная тень среди теней покрупнее, идет спокойно и деловито навстречу чему-то неизвестному и нелепому, что ждет его на дворе у Буллера. Драка на кулаках! Странно! Ужасно! Впереди смутно виднелась фигура Чарльза, и он видел, что человек в гетрах доброжелательно, но крепко держит его под руку.

– Чертовски глупо, – говорил Чарльз, – устраивать драку из-за такой ерунды. Ему-то хорошо. У него отпуск, и ему не надо завтра вечером подавать этот проклятый обед. И перестань держать меня под руку, слышишь?

Они вошли во двор к Буллеру через калитку. Во дворе стояли сараи – таинственные сараи, едва различимые в лунном свете, – пахло коровами и отчетливо виднелся насос, бросивший черную тень на побеленную стену. Вот здесь ему расквасят физиономию в лепешку. Он понимал, что это совершеннейшее безумие – стоять тут под ударами, но выхода из положения не видел. Однако что же будет дальше? Сможет ли он снова показаться ей на глаза? Он одернул свою спортивную куртку и стал спиной к воротам. Как принимают оборонительное положение? Так, что ли? А что, если повернуться сейчас, броситься бегом в гостиницу и запереться у себя в спальне? Оттуда они не заставят его выйти – ни за что. А попробуют – так он может подать на них в суд за нападение. А как, интересно, подают в суд? Тут он увидел перед собой Чарльза, мертвенно-бледного в лунном свете.

Первый удар был нанесен ему в плечо, и он отступил. Чарльз теснил его. С силой отчаяния он двинул правой. Это был удар его собственного изобретения – экспромт, но он случайно совпал с существующим по правилам боковым ударом в голову. В восторге он понял, что попал кулаком Чарльзу в челюсть. Это был единственный миг удовольствия, которое испытал Хупдрайвер за время драки, и был этот миг быстролетен. Не успел он снова приблизиться к Чарльзу, как получил удар в грудь и отлетел назад. Он еле удержался на ногах. У него было такое чувство, точно ему сплющили сердце.

– Черт возьми! – произнес кто-то, прыгавший позади него.

Когда мистер Хупдрайвер зашатался, Чарльз издал громкий воинственный крик. Он словно вырос над Хупдрайвером в лунном свете. Кулаки его мелькали в воздухе. Это был конец – не иначе. Мистер Хупдрайвер, очевидно, присел, вывернулся, ударил и промахнулся. Чарльз пронесся мимо, левее него и тоже промахнулся. Удар скользнул по левому уху мистера Хупдрайвера, – боковой маневр был завершен. Следующий удар уже пришелся сзади. Небо и земля неистово завертелись вокруг мистера Хупдрайвера, и тут он вдруг увидел фигуру в светлом костюме, стремительно промчавшуюся к раскрытой калитке и исчезнувшую в ночи. Человек в гетрах ринулся куда-то мимо мистера Хупдрайвера, но слишком поздно: беглеца перехватить уже не удалось. Послышались крики, смех, и мистер Хупдрайвер, все еще стоявший в оборонительной позиции, понял тут великую и чудесную правду: Чарли бежал. Он, Хупдрайвер, дрался и победил по всем правилам войны.

– Здорово вы ему дали в челюсть, – с неожиданным дружелюбием сказал беззубый человечек с бородой.

– Дело в том, – говорил мистер Хупдрайвер, сидя у обочины дороги, ведущей в Солсбери, и прислушиваясь к далекому колокольному звону, – я должен был проучить этого малого, просто должен...

– Как ужасно, что приходится драться с людьми! – заметила Джесси.

– Эти грубияны стали совершенно невыносимы, – сказал мистер Хупдрайвер. – Если время от времени не ставить их на место, то даме-велосипедистке скоро невозможно будет показаться на дороге.

– Я думаю, любая женщина отступила бы перед необходимостью применить силу, – сказала Джесси. – Видимо, мужчины в чем-то храбрее женщин. По-моему... я просто не представляю себе, как человек может войти в комнату, полную грубиянов, выбрать самого сильного и дать ему для острастки взбучку. Я при одной этой мысли содрогаюсь. Мне казалось, что только гвардейцы в книгах Уйды способны на такие вещи.

– Это был всего лишь мой долг джентльмена, – сказал мистер Хупдрайвер.

- Но идти прямо навстречу опасности!
- Привычка, – скромно сказал мистер Хупдрайвер, стряхивая с колена пепел от сигареты.

23. Унижение мистера Хупдрайвера

В понедельник утром двое беглецов завтракали в «Золотом фазане» в Блэндфорде. Они двигались тщательно продуманным, извилистым путем через Дорсетшир к Рингвуду, где Джесси надеялась получить ответ от своей школьной учительницы. К этому времени они пробыли вместе уже около шестидесяти часов, и вы можете представить себе, что чувства мистера Хупдрайвера значительно углубились и усилились. Сначала Джесси была для него только импрессионистским наброском – чем-то женственным, живым и пленительным, чем-то, что было явно «выше» него и только по счастливой случайности оказалось рядом. На первых порах, как вы знаете, он стремился держаться с ней на равных, изображая из себя человека более незаурядного, более состоятельного, более образованного и, главное, более высокого происхождения, чем на самом деле. Его знание женской натуры ограничивалось почти исключительно юными леди, с которыми он вместе работал в магазине, а у представительниц этого сословия (как и среди военных и среди слуг) старая, добрая традиция резкого социального разграничения до сих пор свято блюдет. Он мучительно боялся, что она может счесть его «наглецом». Позже он начал понемногу понимать ее взгляды и вкусы. Полное отсутствие жизненного опыта сочеталось в ней с преклонением перед самыми смелыми отвлеченными идеями, и своей убежденностью она заразила и Хупдрайвера. Она собиралась начать Самостоятельную Жизнь – решительно и безоговорочно, и мистер Хупдрайвер глубоко проникся такой же решимостью. Как только он понял ее стремления, ему стало ясно, что и он с детских лет думал о том же. «Конечно, – заметил как-то он в приливе мужской гордости, – мужчина свободнее, чем женщина. Там, в колониях, знаете ли, нет и половины тех условностей, которые встречаются в нашей стране».

Ему приятно было, что у нее сложилось самое высокое мнение о его смелости; это ободрило его.

Раза два он попробовал показать ей свое презрение к условностям, даже не подозревая, что тем самым произвел на нее впечатление ограниченного человека. Отказавшись от многолетней привычки, он не предложил ей пойти в церковь. И вообще высказывал на этот счет весьма вольные взгляды. «Это не больше, чем привычка, – говорил он, – просто привычка. Право же, какой от этого может быть толк». И он отпустил несколько превосходных шуток по поводу пасторских шляп и их сходства с печными котлами, которые вычитал на обложке «Глобуса». Зато он продемонстрировал хорошее воспитание тем, что ехал все воскресенье в перчатках и нарочито бросил недокурную сигарету, когда они проезжали мимо церкви, куда стекались прихожане к вечерней службе. Он предусмотрительно избегал в разговоре литературных тем, ограничиваясь легкими, шутливыми замечаниями, так как знал, что она собирается сама писать.

В результате прослушать службу на галерее старинной Блэндфордской церкви предложила Джесси, а не он. Надо сказать, что Джесси испытывала жестокие угрызения совести. Она поняла, что все получается совсем не так, как она себе представляла. Она читала романы Оливии Шрейнер и Джорджа Эджертонна и так далее, не слишком разбираясь во всем этом, как и положено молоденькой девушке. Она понимала, что самым правильным было бы снять квартиру, ходить в Британский Музей и писать передовые статьи в ежедневных газетах, пока не подвернется что-нибудь получше. Если бы Бичемел (эта отвратительная личность) сдержал свои обещания, а не повел себя так ужасно, все было бы хорошо. Теперь же единственной ее надеждой была свободомыслящая мисс Мергл, которая год назад выпустила высокообразованную Джесси в свет. Мисс Мергл сказала ей при расставании, что надо жить бесстрашно и честно, и подарила томик эссе Эмерсона и «Голландскую республику» Мотли, которые должны были помочь Джесси преодолеть пороги юности.

К этому времени Джесси уже с нескрываемым отвращением относилась к окружению своей мачехи в Сэрбитоне. В мире нет более напыщенных и серьезных особ, чем эти умненькие девушки, чьи школьные успехи помешали развитию женского кокетства. Несмотря на

передовые мысли, заложенные в антиматримониальном романе Томаса Плантагенета, Джесси очень быстро разгадала все милые уловки этой милой женщины. Постоянно кого-то из себя строить для того, чтобы удерживать при себе свиту поклонников, – такая мысль доводила ее до белого каления. Как это глупо! И перспектива вернуться к этой жизни, смешной и нереальной, безоговорочная капитуляция перед Условностью доводила ее до отчаяния. Но что же делать?

Теперь вы поймете, почему временами она бывала в плохом настроении (и мистер Хупдрайвер тогда почтительно молчал и был особенно предупредителен), а временами принималась красноречиво обличать существующие порядки. Она была социалисткой, как узнал мистер Хупдрайвер, и намекнул, что он в этом смысле идет еще дальше, имея в виду по крайней мере ужасы анархизма. Он охотно признался бы в разрушении Зимнего Дворца, если бы имел хоть малейшее представление о том, где находится Зимний Дворец, и был уверен, что тот действительно разрушен. Он искренне соглашался с тем, что теперешнее положение женщин невыносимо, но чуть было не сказал, что продавщице все же не следует просить продавца достать сверху коробку в ту самую минуту, когда он «занят» с покупателем. И, конечно, только потому, что Джесси была всецело поглощена собственными затруднениями и мыслями о преследователях и погоне, она не разгадала мистера Хупдрайвера за субботу и воскресенье. Что-то в нем казалось ей очень странным, но тщательно все продумать и сопоставить сейчас она была не в силах.

Раза два, однако, он оказывался в ужасном положении – даже самые вопросы его выглядели подозрительно. Трижды он принимался за свои воспоминания о Южной Африке, в которых то и дело встречались провалы, и ему только чудом удалось избежать разоблачения. Особенно неприятно обернулся для него один рассказ о том, как на их ферму напали туземцы, выкрали всех страусов, и весь скот, и всех кур, и все белье, которое развесила его мать, – «словом, все, что попало под руку», – и как он, с отцом и братом, вовремя подоспев к месту происшествия, целую ночь преследовали грабителей, ориентируясь по пятнам белых одежд, которые те на себя набросили. Ей показалось это «странным». Станным! Но одно как-то цеплялось за другое, и стирание матерью белье, вначале обратившее на себя ее внимание, пришлось очень кстати, когда она спросила, как же можно ночью преследовать чернокожих. «Да, обычно это невозможно», – сказал он, запинаясь. И вот тут-то белье спасло его. Однако, если бы она подумала хоть немного, то поняла бы, как все это невероятно глупо!

В воскресенье ночью на мистера Хупдрайвера неожиданно напала бессонница. Неизвестно почему он вдруг понял, что он презренный лжец. Наступил понедельник, а он все вспоминал свои выдуманные приключения и спасался бегством от суда негров племени матабеле, одетых в краденое белье; а когда он попытался отделаться от этих мыслей, перед ним возникла финансовая проблема. Он слышал, как пробило два часа, потом три.

– Доброе утро, мэм, – сказал Хупдрайвер, когда Джесси в понедельник утром спустилась к завтраку в «Золотом фазане»; он улыбнулся, поклонился, потер руки, выдвинул для нее стул и снова потер руки.

Она внезапно остановилась и озадаченно посмотрела на него.

– Где я могла это видеть? – спросила она.

– Стул? – спросил Хупдрайвер, вспыхнув.

– Нет, эти манеры.

Она подошла и протянула ему руку, с любопытством глядя на него.

– И это «мэм»?

– Это привычка, – сказал мистер Хупдрайвер с виноватым видом. – Скверная привычка – называть даму «мэм». Но это все наша колониальная дикость. Там, в глуши... знаете ли... дамы встречаются так редко... мы их всех называем «мэм».

– У вас забавные привычки, братец Крис, – сказала Джесси. – Прежде чем вы продадите свои алмазные акции, и вернетесь в общество, и выставите свою кандидатуру в парламент – до чего же хорошо быть мужчиной! – вам надо избавиться от них. Например, эта привычка кланяться, и потирать руки, и смотреть выжидающе.

– Но это привычка.

– Понимаю. Но не думаю, чтоб это была хорошая привычка. Ничего, что я вам это говорю?

– Нисколько. Я вам очень благодарен.

– Не знаю, хорошо это или плохо, но я очень наблюдательна, – сказала Джесси, глядя на стол, накрытый к завтраку.

Мистер Хупдрайвер поднес было руку к усам, но, подумав, что это тоже может оказаться дурной привычкой, полез вместо этого в карман. Он чувствовал себя чертовски неловко, по его собственному выражению. Джесси перевела взгляд на кресло, заметила, что у него отодралась обивка, и, вероятно, желая показать, как она наблюдательна, повернулась к мистеру Хупдрайверу и спросила, нет ли у него булавки.

Рука мистера Хупдрайвера невольно потянулась к лацкану пиджака, куда он по привычке воткнул две случайно найденные булавки.

– Какое странное место для булавок! – воскликнула Джесси, беря булавку.

– Это очень удобно, – сказал мистер Хупдрайвер. – Я перенял это у одного приказчика в магазине.

– Должно быть, вы очень аккуратный человек, – сказала она, опускаясь на колени возле кресла.

– В центре Африки – я хотел сказать: в глубине – поневоле научишься беречь каждую булавку, – сказал мистер Хупдрайвер после заметной паузы. – Нельзя сказать, чтобы в Африке было много булавок. Они там на земле не валяются.

Лицо его было теперь ярко-розового цвета. Где в следующий раз прорвется наружу приказчик? Он сунул руки в карманы, потом одну руку вынул, украдкой вытащил вторую булавку и осторожно швырнул ее назад. Булавка со звоном упала на каминную решетку. К счастью, Джесси ничего по этому поводу не сказала, занятая ремонтом кресла.

Мистер Хупдрайвер не стал садиться, а подошел к столу и оперся на него, положив кончики пальцев на скатерть. Почему-то страшно долго не подавали завтрак. Он взял свою салфетку, внимательно осмотрел кольцо, пощупал ткань и положил салфетку обратно. Потом ему вдруг захотелось пощупать дупло в зубе мудрости, но, к счастью, он вовремя спохватился. Внезапно он заметил, что стоит за столом, словно за прилавком, и поспешил сесть. А сев, забарабанил пальцами по столу. Ему было страшно жарко и ужасно не по себе.

– Завтрак запаздывает, – сказала Джесси.

– Не правда ли?

Разговор не клеился. Джесси спросила, далеко ли до Рингвуда. Затем снова воцарилось молчание. Мистер Хупдрайвер, не зная, куда себя девать и изо всех сил стараясь выглядеть непринужденно, снова посмотрел на стол, потом неторопливо приподнял кончиками пальцев скатерть за углы и стал сосредоточенно ее рассматривать. «По пятнадцать шиллингов три пенса», – подумал он.

– Что это вы делаете? – спросила Джесси.

– Что? – переспросил Хупдрайвер, выпуская из рук скатерть.

– Вы так смотрите на скатерть... Я еще вчера заметила.

Лицо Хупдрайвера стало совсем красным. Он начал нервно дергать себя за усы.

– Знаю, – сказал он. – Знаю. Это, видите ли, такая странная привычка. Но, видите ли, там, у нас, видите ли, слуги-туземцы, и – конечно, об этом даже смешно говорить – приходится, видите ли, следить, все ли чисто. Это уже вошло в привычку.

– Как странно! – сказала Джесси.

– Не правда ли? – промямлил Хупдрайвер.

– Если бы я была Шерлоком Холмсом, – сказала Джесси, – я, наверное, по таким мелочам сразу определила бы, что вы из колоний. Но ведь я и так угадала это, правда?

– Да, – печально ответил Хупдрайвер, – угадали.

Почему бы не воспользоваться этим случаем для чистосердечного признания и не сказать: «К сожалению, на этот раз вы угадали неверно». Может быть, она догадывается? В этот психологически сложный момент горничная с грохотом открыла подносом дверь и внесла кофе и яичницу.

– У меня хорошая интуиция, – сказала Джесси.

Укоры совести, терзавшие его эти два дня, стали почти невыносимы. Какой же он жалкий лгун!

А главное, рано или поздно, он все равно себя выдаст.

Мистер Хупдрайвер положил себе на тарелку яичницу, но вместо того, чтобы приняться за еду, оперся щекой на руку и стал наблюдать, как Джесси разливает кофе. Уши у него горели, глаза тоже. Он неуклюже взял свою чашку, откашлялся, потом вдруг откинулся на стуле и глубоко засунул руки в карманы.

– И все-таки я это сделаю, – сказал он громко.

– Что сделаете? – удивленно спросила Джесси, поднимая глаза от кофейника. Она как раз приступила к яичнице.

– Признаюсь во всем.

– Но в чем же?

– Мисс Милтон – я лжец!

Он склонил голову набок и смотрел на нее, хмурясь от сознания своей решимости. Затем, покачивая головой, размеренно произнес:

– Я продавец из мануфактурного магазина.

– Вы продавец? А я думала...

– Вы ошибались. Но рано или поздно это должно было выйти наружу. Булавки, манеры, привычки – все это достаточно ясно. Я младший продавец, получивший десятидневный отпуск. Всего-навсего младший продавец. Как видите, не так уж много. Приказчик.

– Младший продавец – не такая должность, которой надо стыдиться, – сказала она, приходя в себя и еще не совсем понимая, что все это значит.

– Нет, именно такая, – сказал он, – в наше время, в нашей стране, и для мужчины... Ведь я всего лишь подручный. И должен одеваться так, как прикажут, ходить в церковь, чтобы быть в чести у покупателей, и работать. Ни на одной работе не приходится выстаивать по столько часов. Какой-нибудь пьяный каменщик – король по сравнению с приказчиком.

– Но почему вы теперь мне все это рассказываете?

– Надо, чтобы вы это знали.

– Но мистер Бенсон...

– И это еще не все. Если вы не против, чтобы я немножко поговорил о себе, то я хочу сказать вам еще кое-что. Я больше не могу вас обманывать. Меня зовут не Бенсон. *Почему* я назвался Бенсоном, я и сам не знаю. Должно быть, потому, что я дурак. Видите ли, мне просто хотелось выглядеть получше. А фамилия моя Хупдрайвер.

– Да?

– И насчет Южной Африки и этого льва...

– Что?

– Все это ложь.

– Ложь!

– И алмазы, найденные на страусовой ферме. И нападение туземцев. Все это тоже ложь. И про жирафов – тоже. Я никогда не ездил на жирафе – я бы побоялся.

Он смотрел на нее с каким-то мрачным удовлетворением. Как бы там ни было, он успокоил свою совесть. А она глядела на него в полной растерянности. Человек этот повернулся сейчас к ней какой-то совсем новой стороной.

– Но зачем же... – начала она.

– Зачем я говорил вам все это? Сам не знаю. Очевидно, по глупости. Наверно, мне хотелось произвести на вас впечатление. Но теперь почему-то мне хочется, чтобы вы знали правду.

Наступило молчание. Завтрак стоял нетронутым.

– Я решил все вам сказать, – продолжал мистер Хупдрайвер. – Это у меня, наверно, от зазнайства, не иначе. Я не спал почти всю эту ночь и думал о себе – о том, какой нестоящий я человек, и вообще.

– И у вас нет алмазных акций, и вы не собираетесь баллотироваться в парламент, и вы

не...

– Все это ложь, – сказал Хупдрайвер замогильным голосом. – Ложь с начала и до конца. Как это вышло, я и сам не знаю.

Она смотрела на него непонимающим взглядом.

– Я никогда в жизни не видел Африки, – сказал мистер Хупдрайвер в заключение исповеди. Затем вынул правую руку из кармана и с безмятежным видом человека, для которого смертельная опасность миновала, стал пить кофе.

– Все это немного неожиданно, – неуверенно начала Джесси.

– Вы обдумайте, – сказал мистер Хупдрайвер. – Я искренне сожалею о случившемся.

И завтрак продолжался в молчании. Джесси ела очень мало и, видимо, была погружена в глубокое раздумье. Мистер Хупдрайвер, в припадке раскаяния и тревоги, съел необыкновенно много, по рассеянности расправляясь с яичницей ложкой для варенья. Глаза его были опущены. А Джесси то и дело посматривала на него из-под ресниц. Раза два она чуть не прыснула со смеху, раза два приняла возмущенный вид.

– Право, не знаю, что и подумать о вас, братец Крис, – промолвила она наконец. – Я, видите ли, считала, что вы удивительно честный человек. И почему-то...

– Да?

– Я и теперь так думаю.

– Честный – после всего этого вранья!

– Не знаю.

– А я знаю, – сказал мистер Хупдрайвер. – Мне Стыдно за себя. Но во всяком случае... теперь я уже вас не обманываю.

– Я думала, – сказала Юная Леди в Сером, – что в этой истории со львом...

– Господи! – воскликнул мистер Хупдрайвер. – Не напоминайте мне об этом.

– Я почему-то думала, я *чувствовала*, что не все там вполне правдиво. – Она вдруг рассмеялась, увидев выражение его лица. – *Конечно*, вы честный, – сказала она. – Как я могла в этом усомниться? Как будто я сама никогда не притворялась! Теперь мне все понятно.

Она вдруг поднялась и протянула ему руку через стол. Он нерешительно посмотрел на нее и увидел ее веселые-дружелюбные глаза. Сначала он не понял. Он встал, продолжая держать ложку для варенья, и покорно «взял протянутую руку».

– Господи! – вырвалось у него. – Какая же вы...

– Я все поняла. – Новое открытие внезапно испортило ей настроение. Она вдруг села, и он тоже сел. – Вы пошли на это, – продолжала она, – потому что хотели помочь мне. Вы думали, что условности не позволят мне принять помощь от человека, который ниже меня по общественному положению.

– Отчасти так оно и было, – сказал мистер Хупдрайвер.

– Как же вы неверно обо мне судили! – сказала она.

– Значит, вы не против?

– Это было благородно с вашей стороны. Мне только жаль, – сказала она, – что вы подумали, будто я могла стыдиться вас из-за того, что вы занимаетесь честным трудом.

– Но откуда мне было это знать? – сказал мистер Хупдрайвер.

Он растерялся. Ему возвращали чувство собственного достоинства. Он был полезным членом общества – это решено и подписано, – и ложь его была самой благородной ложью. Он начал верить, что именно так оно и есть. Кроме того, Джесси снова упомянула о его необыкновенной храбрости. Конечно, признался он в душе, он вел себя храбро. И в результате к концу завтрака он чувствовал себя таким счастливым, каким не видел себя даже в мечтах, – счастливым и покрытым славой, и они с Джесси выехали из маленького кирпичного Блэндфорда так, будто их отношения никогда не омрачала ни малейшая тень.

Но когда они сидели на обочине дороги среди сосен, на склоне холма между Уимборном и Рингвудом, дух откровенности самым странным и неожиданным образом снова заявил о себе, и мистер Хупдрайвер вернулся к вопросу о своем положении в обществе.

– Так вы думаете, – начал он вдруг, задумчиво вынимая изо рта сигарету, – что продавец

тканей может быть честным гражданином?

– Почему же нет?

– А если он, например, подсовывает людям товар, который им не очень нужен?

– А разве это обязательно?

– Это торговля, – сказал Хупдрайвер. – Не обманешь – не продашь. И ничего тут не поделаешь. Ремесло это не очень честное и не очень полезное; не очень почетное; ни свободы, ни досуга – с семи до полдевятого, каждый день. Много ли человеку остается? Настоящие рабочие смеются над нами, а образованные – банковские клерки, или те, что служат у стряпчих, – эти смотрят на нас сверху вниз. Выглядишь-то ты прилично, а, по сути дела, тебя держат в общежитии, как в тюрьме, кормят хлебом с маслом и помыкают, как рабом. Все твое положение в том и состоит, что ты понимаешь, что никакого положения у тебя нет. Без денег ничего не добьешься; из ста продавцов едва ли один зарабатывает столько, чтобы можно было жениться; а если даже он и женится, все равно главный управляющий захочет – заставит его чистить ботинки, и он пикнуть не посмеет. Вот что такое приказчик. А вы говорите, чтобы я был доволен. Вы сами-то были бы довольны, если б вам пришлось служить продавщицей?

Она промолчала, и поле сражения осталось за ним.

Немного спустя он заговорил.

– Я все думаю... – начал он и остановился.

Она повернула к нему подпертое ладонью лицо. Глаза ее сияли и от этого казались нежными.

– Вы так скромны, – сказала она, – вы так себя принижаете.

Мистер Хупдрайвер ни разу не взглянул в ее сторону, пока говорил. Он смотрел на траву и каждое свое слово подкреплял движением рук с покрасневшими суставами, которые держал ладонями вверх. Теперь они вяло лежали у него на коленях.

– Я все думал, – повторил он.

– Да? – сказала она.

– Я все думал этим утром, – сказал мистер Хупдрайвер.

– О чем?

– Конечно, это глупо...

– Что?

– Ну в общем... Мне сейчас около двадцати трех. В школе я учился до пятнадцати. Восемь лет я уже не учусь. Начинать сейчас поздно? Я учился неплохо. Знал алгебру, прошел латынь до вспомогательных глаголов и спряжение по-французски. Так что основа у меня есть.

– И теперь вы подумали, не продолжить ли вам учение?

– Да, – сказал мистер Хупдрайвер. – Совершенно верно. Видите ли, в торговле тканями без капиталов много не сделаешь. Но если бы я мог получить хорошее образование...

– А почему бы и нет? – сказала Юная Леди в Сером.

Хупдрайвера удивил такой решительный подход к делу.

– Вы думаете? – спросил он.

– Конечно. Ведь вы мужчина. И вы свободны. – И она пылко добавила: – Как бы я хотела быть на вашем месте, чтобы попробовать свои силы в такой борьбе!

– Только могу ли я назвать себя настоящим мужчиной, – промолвил Хупдрайвер, думая вслух. – Если бы еще не эти восемь лет! – добавил он, уже обращаясь к ней.

– Но вы можете наверстать их. Кто-кто, а вы, конечно, можете. Те, кого вы называете образованными, они ведь не развиваются дальше. Вы можете догнать их. Они всем довольны. Играют в гольф, думают о том, что бы сказать такое умное дамам, вроде моей мачехи, и ходят на обеды. А в одном вы уже и сейчас впереди них. Они думают, будто все знают. А вы так не думаете. А знают они очень мало. К тому же вы такой решительный, быстрый...

– Господи! – сказал Хупдрайвер. – Как вы можете ободрить человека!

– Вам мешает ваша скромность. Если бы я только могла вам помочь... – сказала она и многозначительно умолкла. Он снова задумался.

– Значит, вы все-таки не очень высокого мнения о работе приказчика? – спросил он вдруг.

– Для вас это, пожалуй, не место, – сказала она. – Но сотни великих людей вышли из самых низов. Берне был пахарем; Хью Миллер – каменщиком, и многие другие... Додели был

даже лакеем...

– Но не приказчиком! Слишком мы... Слишком много в нас убогого аристократизма, который мешает нам выбиться в люди. Глядишь, как бы, упаси боже, не помять пиджак или манжеты...

– А по-моему, был один писатель – теолог по фамилии Кларк, который раньше был приказчиком.

– Был один, который открыл швейную фабрику – о других я не слышал.

– Вы читали «Восставшие сердца»?

– Нет, – сказал мистер Хупдрайвер. И не дожидаясь, пока она объяснит, к чему клонился ее вопрос, поспешил поведать ей о своем литературном багаже. – Правду сказать, я очень мало читал. В моем положении много и не считаешь. Есть у нас в магазине библиотека, так я всю ее прочитал. Много книг Безанта, а потом еще миссис Брэддон, и Райдара Хаггарда, и Мэри Корелли, и роман-другой Уйды. Это все, конечно, интересно, и писатели первоклассные, только меня все это мало волнует. Но, конечно, много есть на свете книг, про которые я слышал, а читать не читал.

– Вы ничего не читаете, кроме романов?

– Очень редко. Устаешь после работы, да и книг не достать. Я, конечно, ходил на популярные лекции; слушал курс «Драматурги-елизаветинцы», но это было слишком уж мудро, и я занялся резьбой по дереву. Но из этого ничего не вышло, я порезал себе палец и бросил.

Он являл собою зрелище весьма непривлекательное: лицо растерянное, руки повисли. На мгновение уверенность ее поколебалась. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что этот самый человек, словно разъяренный лев, выступил против хулиганов! Да еще считал, будто это сущие пустяки. До чего же непостижимы мужчины!

– Тошно подумать, – продолжал он, – как меня дурачили, Моего школьного учителя надо было бы выдрать как следует. Ведь он же вор. Обещал сделать из меня человека и украл двадцать три года моей жизни – набил мне голову всякой дребеденью. Вот он я перед вами. Ничего не знаю и ничего не умею, а время учиться уже прошло.

– Прошло? – повторила она. – Почему прошло?

Но он, казалось, не слышал ее.

– Мои старики не нашли ничего лучшего, как заплатить тридцать фунтов за мое обучение в магазине – выложили тридцать фунтов наличными, чтобы сделать меня тем, что я есть, – приказчиком. Управляющий обещал научить меня ремеслу, а сделал из меня подручного. Так всегда бывает с учениками в магазинах. Если бы всех жуликов упрятали в тюрьму, вам не у кого было бы купить ленту или нитки. Очень хорошо, конечно, вспомнить про Бернса и прочих, но я не из таких. А ведь и я не такая уж дрянь, чтобы из меня ничего не вышло, если бы меня поучили. Интересно, кем были бы те, кто смеется и потешается надо мной, если бы их так же одурачили. Начинать сначала в двадцать три года, не поздно ли?

Он поднял на нее глаза с грустной усмешкой – перед нею был Хупдрайвер более печальный и мудрый, чем он рисовал себя в самых смелых своих мечтах.

– Все это сделали со мною вы, – сказал он. – Вы настоящий человек. И вы заставили меня задуматься над тем, что же я такое и чем я мог бы стать. Представьте себе, что все сложилось бы иначе...

Она подумала, что его скромность может быть превратно истолкована всеми, кто понимал его не так хорошо, как она, и сказала:

– Ну и *сделайте* так, чтобы все сложилось иначе.

– Как?

– Работайте. Перестаньте плыть по течению. Вы уже доказали, что у вас есть смелость, решительность. Начинайте!

– Ах! – сказал Хупдрайвер, искоса взглянув на нее. – Но даже и тогда... Нет! Ничего из этого не выйдет. Слишком поздно начинать.

Наступило задумчивое молчание, и разговор на этом окончился.

24. Снова в лесу

В Рингвуде они позавтракали, а после завтрака Джесси ожидало разочарование. На почте для нее не оказалось письма. Напротив гостиницы «Клетчатый жеребец» помещался велосипедный магазин, в витрине которого был выставлен весьма и весьма подержанный трехколесный тандем марки «Марлборо клуб», а также объявление о том, что здесь можно взять напрокат велосипеда и тандемы. Заведение это запомнилось мистеру Хупдрайверу из-за странного его хозяина, который, перейдя через дорогу, принялся внимательно изучать их машины. Этот поступок вызвал у мистера Хупдрайвера ряд весьма неприятных мыслей, но, к счастью, ничего не повлек за собой.

Пока они завтракали, в комнату вошел высокий священник с покрасневшим лицом и сел за соседний столик. Одет он был по-своему празднично: его застегивающийся сзади, несколько пострадавший от жары воротничок был выше обычного, а вместо длинного сюртука на нем был черный, на редкость короткий, пиджак. На ногах у него красовались тусклые коричневые ботинки, брюки посерели от пыли, а на голове вместо обычной мягкой фетровой шляпы возвышалась пегая соломенная. Он был явно общительного десятка.

– До чего же чудесный день, сэр! – промолвил он звучным тенором.

– Чудесный, – повторил мистер Хупдрайвер, не отрываясь от пирога.

– Насколько я понимаю, вы совершаете поездку на велосипеде по этому дивному краю, – сказал священник.

– Катаемся, – пояснил мистер Хупдрайвер.

– Могу себе представить: если машина хорошо смазана, то нет более приятного и легкого способа ознакомиться с местностью.

– Совершенно верно, – согласился мистер Хупдрайвер. – Неплохой способ передвижения.

– Я думаю, велосипед-тандем должен быть особенно приятен для молодой супружеской пары: он допускает такую восхитительную близость.

– Правильно, – согласился мистер Хупдрайвер, слегка покраснев.

– А у вас тандем?

– Нет, мы едем порознь, – сказал мистер Хупдрайвер.

– Движение на воздухе, бесспорно, способствует возвышенному настроению. – И, изрекши эту истину, священник повернулся и твердым, решительным голосом заказал официанту: чашку чая, две желатиновых таблетки, хлеб с маслом, салат и в довершение всего пирог. – Желатин совершенно необходим. Он способствует выделению танина из чая, – заметил он, не обращая ни к кому в частности, и, сложив руки, упершись в них подбородком, уставился на картинку, висевшую над головой мистера Хупдрайвера.

– Я сам велосипедист, – произнес священник, внезапно опуская взор на мистера Хупдрайвера. – Все мы теперь велосипедисты. – И он широко улыбнулся.

– Вот как! – сказал мистер Хупдрайвер и схватился за усы. – А какая, позволю себе спросить, будет у вас машина?

– Я недавно приобрел трехколесную. Двухколесный велосипед, к сожалению, как бы это сказать... мои прихожане считают слишком несолидным. А ведь надо принимать в расчет и мнение малых сих, особенно в наши дни, когда церковь нуждается в помощи каждого. Поэтому я и завел себе трехколесный велосипед. Я как раз приволок его сюда.

– Приволокли?! – повторила удивленная Джесси.

– На шнурке от ботинка. А часть пути тащил его на спине.

Все вдруг замолчали. Джесси не в то горло крошка попала. На лице мистера Хупдрайвера отразились попеременно все стадии недоумения. Потом он догадался:

– Произошла авария?

– Едва ли это можно назвать аварией. Просто колеса внезапно перестали вертеться. И я оказался в пяти милях отсюда с совершенно неподвижной машиной.

– Вот как! – произнес мистер Хупдрайвер с понимающим видом, а Джесси только бросила взгляд на этого безумца.

– Оказалось, – продолжал священник, довольный тем впечатлением, какое он произвел, – что мой слуга тщательно промыл подшипники парафином, дал машине высохнуть, а смазать маслом потом забыл. В результате они основательно нагрелись, и колеса перестали вращаться.

Уже вначале велосипед шел тяжело и со скрипом, а я приписал это тому, что плохо работаю ногами и просто удвоил усилия.

– Жарко вам пришлось, не меньше, чем им, – заметил мистер Хупдрайвер.

– Трудно точнее выразиться. Такое уж у меня в жизни правило: что бы я ни делал, стараться изо всех сил. А подшипники, по-моему, раскалились докрасна. В конце концов одно колесо совсем остановилось. Это было боковое колесо, и остановка его неизбежно привела к тому, что вся машина перекувырнулась и я вместе с ней.

– Вы хотите сказать, что слетели с нее? – спросил мистер Хупдрайвер, внезапно оживившись.

– Вот именно. А так как я не желал признать себя побежденным, то летал не раз. Возможно, вы поймете меня: такой уж у меня характер. Я принялся увещевать велосипед – в шутку, конечно. К счастью, на дороге никого не было. Но под конец заело все оси, и я решил прекратить неравное сражение. Мой трехколесный велосипед стал ничуть не лучше тяжелого кресла без колесиков. Надо было либо тащить его, либо нести.

В дверях показалась еда священника.

– Целых пять миль, – произнес он. И начал поглощать хлеб с маслом.

– К счастью, – сказал он, – у меня хорошее пищеварение, и человек я энергичный – принципиально энергичный. Хорошо было бы, если б все люди были такими.

– Самое было бы правильное, – согласился мистер Хупдрайвер.

И священник прекратил разговор, отдав предпочтение хлебу с маслом.

– Желатин, – произнес вдруг священник, задумчиво помешивая ложечкой чай, – способствует выделению танина из чая и таким образом облегчает его усвоение.

– Очень полезные сведения, – заметил мистер Хупдрайвер.

– Пожалуйста, пользуйтесь ими, – сказал священник, откусывая большой кусок от двух бутербродов, сложенных вместе.

Под вечер наши путешественники не спеша поехали дальше, в направлении Стони-Кросса. Разговор не клеился, поскольку тему Южной Африки лучше было не трогать. Мистер Хупдрайвер молчал, обуреваемый неприятными мыслями. В Рингвуде он разменял последний соверен и осознал это обстоятельство только теперь. Только теперь, когда было уже поздно, задумался он над своими ресурсами. В сберегательной кассе на почте в Путни у него лежало фунтов двадцать, а то и больше, но его книжка была заперта в сундучке в заведении господ Энтробус, иначе этот влюбленный безумец тихонько вынул бы всю сумму, чтобы хоть на несколько дней продлить поездку. А теперь тень конца нависала над его счастьем. Как ни странно, но, несмотря на сведавшую его тревогу и утреннее недомогание, настроение у него было отнюдь не мрачное. Он забыл о своем притворстве и своих выдумках, вообще забыл о себе и все больше восхищался своей спутницей. Единственно, что сейчас его по-настоящему тревожило, – это необходимость обо всем рассказать ей.

Долгий подъем в гору утомил их, и, не доехав до Стони-Кросса, они слезли с велосипедов и присели в тени невысокого дуба. Близ вершины дорога делала петлю и, если посмотреть назад, уходила вниз, вправо от них, и снова возвращалась к ним слева. Вокруг все было покрыто буйно разросшимся вереском, а вдоль канавы, окаймлявшей дорогу, стояли дубы; дорога была песчаная, но под откосом она казалась серой, перерезанной тенью от высоких деревьев. Мистер Хупдрайвер нашарил сигареты.

– Мне нужно кое-что вам сказать, – заявил он, стараясь соблюдать возможно большее спокойствие.

– Да? – откликнулась она.

– Мне хотелось бы, понимаете ли, поговорить о ваших планах.

– Они очень неопределенны, – сказала Джесси.

– Вы собираетесь писать книги?

– Или заняться журналистикой, или преподавать, или делать что-нибудь в этом роде.

– И хотите стать независимой от мачехи?

– Да.

– Ну и сколько времени вам потребуется, чтобы, так сказать, пристроиться к делу?

– Право, не знаю. По-моему, на свете очень много женщин-журналисток, санитарных

инспекторов, художниц-графиков. Но, наверно, на это требуется время. Знаете, Джордж Эджертон пишет, что редакторами в большинстве журналов теперь сидят женщины. Мне, наверно, надо связаться с каким-нибудь литературным агентством.

– Конечно, это вполне подходящая работа, – сказал Хупдрайвер, – не то, что служить в магазине тканей.

– Умственный труд, учтите, тоже не такое легкое дело.

– Только не для вас, – любезно сказал мистер Хупдрайвер.

– Видите ли, – помолчав, продолжал он, – чертовски неприятно, конечно, говорить о таких вещах, но... у нас осталось очень мало денег.

Он почувствовал, как вздрогнула Джесси, хотя и не смотрел на нее.

– Я, конечно, рассчитывал, что ваша подруга откликнется и что вы сумеете предпринять сегодня какие-то шаги. – Выражение «предпринять какие-то шаги» он подслушал, когда последний раз менял деньги.

– Мало денег, – промолвила Джесси. – Я как-то не думала о деньгах.

– Глядите-ка! Вон едет велосипед-тандем! – воскликнул вдруг мистер Хупдрайвер и ткнул вниз сигаретой.

Она посмотрела и увидела две фигуры, появившиеся среди деревьев у подножия горы. Велосипедисты согнулись в три погибели и сосредоточенно трудились, героически, но безуспешно пытаясь взять подъем. Машина была явно не приспособлена для езды по горам, а потому задний седок вскоре привстал на педалях и соскочил с велосипеда, предоставив своего товарища его судьбе. Передний седок, видимо, не был знаком с такими машинами и явно не знал, как с них слезают. Он пропетлял несколько ярдов в гору, и хвост машины вилял за ним. Наконец он попытался соскочить, как соскакивают с обычного велосипеда, задел сапогом за заднюю раму и грохнулся боком на землю.

Джесси вскочила.

– Боже мой! – воскликнула она. – Надеюсь, он не расшибся.

Второй седок поспешил на помощь упавшему.

Хупдрайвер тоже встал.

Длинная неустойчивая машина была поднята и отведена в сторону, затем была оказана помощь упавшему ездоку, который медленно встал на ноги и принялся потирать ушибленное плечо. Никаких серьезных увечий у человека этого, видимо, не было, и пара вскоре занялась велосипедом, лежавшим у дороги. Хупдрайвер заметил, что оба они не в велосипедных костюмах. На одном было нелепое одеяние, за которое косвенную ответственность несут обитатели Ист-Энда, открывшие игру в гольф. Даже на таком расстоянии видна была большая кепка, ярко-рыжие кожаные гетры и клетчатые носки. Вторым, тот, что ехал сзади, был человек невысокий, худой, в сером костюме.

– Любители, – изрек мистер Хупдрайвер.

Джесси внимательно смотрела прямо перед собой и думала о чем-то своем. Она уже не глядела на тех двоих, возившихся теперь у подножия горы с велосипедом.

– Сколько у вас денег? – спросила она.

Он сунул руку в карман, вытащил шесть монет, пересчитал их левым указательным пальцем и протянул ей.

– Тринадцать шиллингов и четыре пенса, – сказал мистер Хупдрайвер. – И больше ни гроша.

– У меня есть полсоверена, – сказала она.

– Где бы мы ни остановились, наш счет в гостинице...

Молчание его было красноречивее всяких слов.

– Вот уж никогда не думала, что деньги могут воздвигнуть такое препятствие на нашем пути, – сказала Джесси.

– Чертовски неприятно.

– Деньги! – воскликнула Джесси. – Неужели?.. Ну конечно же! Условности! Неужели только люди состоятельные могут жить так, как хотят? Как по-новому поворачивается...

Пауза.

– Смотрите, еще велосипедисты едут, – сказал мистер Хупдрайвер.

Двое мужчин все еще возились со своим велосипедом, когда среди деревьев показался массивный тандем марки «Марлборо клуб», на котором ехала стройная дама в сером и плотный мужчина в спортивной куртке. Следом за ними появилась высокая черная фигура в пегой соломенной шляпе, восседавшая на трехколесном велосипеде допотопного образца, с двумя большими колесами впереди. Человек в сером продолжал стоять, согнувшись над поломанным велосипедом, упершись животом в седло, но его спутник выпрямился и обменялся несколькими словами с ехавшими на велосипеде-тандеме. При этом он вроде бы показал на вершину холма, где стояли рядом мистер Хупдрайвер и его спутница. Вслед за тем произошло нечто еще более удивительное: дама в сером вынула носовой платок, взмахнула им раз-другой и вроде бы по знаку ее спутника тут же его спрятала.

– Да ведь это... – промолвила Джесси, из-под руки всматриваясь вдаль. – Вот уж никогда бы...

Велосипед-тандем начал взбираться на гору, усиленно петляя, чтобы облегчить подъем. По тому, как вздымались плечи плотного мужчины и как низко он наклонил голову, видно было, что он старается изо всех сил. Священник на трехколесном велосипеде изогнулся в вопросительный знак. Завершала эту процессию двуколка, в которой сидел мужчина в котелке, правивший экипажем, и дама в темно-зеленом платье.

– Похоже, вроде бы экскурсия, – заметил Хупдрайвер.

Джесси молчала. Она все еще смотрела вниз из-под руки.

– Так и есть, – сказала она.

Священник дергался, словно его сводили конвульсии. Трехколесный велосипед, на котором он ехал, вдруг как-то смешно подпрыгнул и круто повернул вбок, а священное лицо не то соскочило, не то просто вывалилось из седла. Однако он тотчас снова повернул машину и принялся карабкаться с ней в гору. Затем с тандема слез плотный джентльмен и галантно помог сойти даме в сером. Они немного поспорили, ибо дама непременно хотела помочь ему и подтолкнуть машину. Наконец дама уступила, и плотный джентльмен принялся собственными силами, без чьей-либо помощи, продвигать машину вверх по склону. Лицо его выделялось ярким пятном среди серых и зеленых тонов у подножия горы. К тому времени двое мужчин, видимо, починили свой велосипед-тандем, и он примкнул к процессии – джентльмены катили его, шагая за двуколкой вместе с дамой в темно-зеленом платье и ее спутником, которые теперь тоже шли пешком.

– Мистер Хупдрайвер, – промолвила Джесси. – Эти люди... я почти убеждена...

– А, черт! – вырвалось у мистера Хупдрайвера, ибо то, чего она не досказала, он прочел на ее лице, и он кинулся поднимать свой велосипед. Но тут же бросил его и поспешил помочь Джесси сесть в седло.

При виде силуэта Джесси, отчетливо обрисовавшегося на гребне горы, компания, поднимавшаяся по склону, вдруг пришла в необычайное волнение, тем самым сразу положив конец сомнениям Джесси. Два носовых платка взлетели в воздух, кто-то крикнул. Джентльмены с велосипедом-тандемом бегом покатали его в гору, обгоняя остальных. Но наши молодые люди не стали дожидаться дальнейшего развития событий. Через минуту они уже скрылись из виду, быстро мчась вниз, под уклон, в направлении Стони-Кросса.

На опушке рощи, которая должна была скрыть их от преследователей, Джесси обернулась и увидела появившийся над гребнем тандем, на заднее сиденье которого как раз карабкался один из седоков.

– Они нагоняют нас! – воскликнула она и как профессиональная гонщица, пригнулась к рулю.

Они с быстротою урагана спустились в долину, перелетели через белый мост и увидели впереди косматых пони, прыгавших по дороге. Оба невольно притормозили.

– Кыш! – произнес мистер Хупдрайвер, но пони только насмешливо взбрыкнули копытами.

Тогда мистер Хупдрайвер, потеряв над собою власть, ринулся прямо на них и чуть не наехал на одного, зато весь табун пустился наутек и, попрыгав через канаву, скрылся среди папоротников, под деревьями. Путь перед Джесси был таким образом расчищен.

Затем дорога не круто, но неуклонно снова пошла в гору, стало тяжело вращать педали, и

дыхание с таким свистом вырывалось из груди мистера Хупдрайвера, словно у него была там пила. Когда внизу благодаря героическим усилиям ездоков показался тандем, преследуемые еще не одолели подъема. Наконец – благодарение небесам! – вот и вершина и впереди – большой отрезок дороги с пологими подъемами и спусками, но только совершенно без тени, в которой можно было бы укрыться от нещадного полуденного солнца. Джентльмены, ехавшие на тандеме, очевидно, не выдержали и в гору катили свою машину, ибо очертания их появились на фоне раскаленного синего неба, лишь когда беглецы уже отъехали на добрую милю и достигли небольшой купы деревьев.

– Мы уходим от них, – проговорил мистер Хупдрайвер, чувствуя, как пот Ниагарой стекает с его лба на щеку. – Этот подъем...

Но то был лишь мираж успеха. Оба находились почти при последнем издыхании. А Хупдрайвер – и вовсе при последнем, и лишь чувство стыда поддерживало его слабые силы. С этой минуты тандем стал неуклонно нагонять их. Когда они добрались до гостиницы «Рыжий камень», тандем был всего в какой-нибудь сотне ярдов от них. Еще одно отчаянное усилие – и беглецы выбрались на дорогу, шедшую под гору среди густого соснового бора. А когда дорога идет под гору, ничто не может сравниться с хорошо смазанным велосипедом-тандемом. Мистер Хупдрайвер машинально поставил ноги на подножки, и Джесси сбавила ход. Через какую-нибудь минуту они услышали позади шуршание толстых резиновых шин, тандем пронесся мимо Хупдрайвера и поравнялся с Джесси. Когда эта гнусная машина проезжала мимо, у Хупдрайвера возникло было безумное желание налететь на нее и устроить крушение. Утешало его только то, что джентльмены были не менее растерзаны, чем он, и с головы до ног покрыты белой пылью.

Джесси вдруг остановилась и спрыгнула на землю, и те, кто ехал на тандеме, промчались мимо них под уклон.

– Тормозите! – завопил Дангл, ехавший сзади, и приподнялся на педалях.

Скорость лишь увеличилась, а потом из-под переднего колеса, прижатого тормозом, взметнулась фонтаном пыль. Правая нога Дэнгла взлетела в воздух, и он упал на дорогу. Тандем завилал из стороны в сторону.

– Задержите меня! – крикнул через плечо Фиппс, мчась с горы. – Задержите, не то мне не сойти.

Он так нажал на тормоз, что машина остановилась как вкопанная, но, почувствовав, что она потеряла всякую устойчивость, снова заработал педалями.

– Да опустите же ногу на землю! – крикнул вслед ему Дэнгл.

Таким образом тандем и его седоки укатили на добрую сотню ярдов от своей добычи. Наконец Фиппс понял, что надо делать, приспустил тормоз и, когда машина накренилась, опустил на землю правую ногу. Все еще держа левую ногу на педали и сжимая руками руль, он обернулся и принялся в весьма нелестных выражениях распекать Дэнгла.

– Вы только о себе думаете, – заявил раскрасневшийся Фиппс.

– А о нас они и забыли, – заметила Джесси, поворачивая свой велосипед.

– Там, на вершине горы, была дорога на Линдхерст, – сказал Хупдрайвер, следуя ее примеру.

– Это уже не имеет значения. Все равно у нас денег нет. Значит, придется сдаться. Давайте вернемся в гостиницу «Рыжий камень». Я не хочу, чтобы нас привели туда как пленников.

И вот на глазах у двух остолбеневших преследователей Джесси и ее спутник сели на свои велосипеды и спокойно поехали обратно в гору. Когда они слезали с велосипедов у входа в гостиницу, тандем догнал их, а вслед за тем показалась и двуколка. Дэнгл спрыгнул на землю.

– Мисс Милтон, если не ошибаюсь, – произнес он, с трудом переводя дух, и приподнял промокшую кепку, обнажив спутанные влажные волосы.

– Послушайте, – окликнул его Фиппс, не в силах остановиться. – Опять вы за свое, Дэнгл? Помогите сначала человеку!

– Одну минутку, – сказал Дэнгл и побежал за своим коллегой.

Джесси прислонила велосипед к стене и вошла в гостиницу. Хупдрайвер остался у дверей, еле держась на ногах, но исполненный боевого духа.

25. В «Рыжем камне»

Он скрестил на груди руки и стал ждать направлявшихся к нему Дэнгла и Фиппса. Фиппс был совершенно подавлен своей неспособностью сладить с тандемом, который он сейчас вел за руль, но Дэнгл был настроен воинственно.

– Это мисс Милтон? – кратко осведомился он.

Мистер Хупдрайвер наклонил голову, не меняя позы.

– Мисс Милтон там, внутри? – спросил Дэнгл.

– И не желает, чтобы ее беспокоили, – заявил мистер Хупдрайвер.

– Вы подлец, сэр, – сказал мистер Дэнгл.

– К вашим услугам, – сказал мистер Хупдрайвер. – Она ждет свою мачеху, сэр.

Мистер Дэнгл заколебался.

– Она с минуты на минуту будет здесь, – сказал он. – А вот и ее приятельница, мисс Мергл.

Мистер Хупдрайвер медленно рознял руки и с величайшим спокойствием сунул их в карманы брюк. Тут роковая неуверенность в себе заставила его усомниться, не слишком ли вульгарно-вызывающа такая поза, и он вынул обе руки, затем снова сунул одну из них в карман, а другой стал дергать свои жиденькие усики. Мисс Мергл застала его в полной растерянности чувств.

– Это и есть тот человек? – спросила она у Дэнгла и тут же возопила: – Да как вы смеете, сэр? Как вы смеете смотреть мне в лицо? Несчастливая девушка!

– Быть может, вы разрешите мне заметить... – начал было мистер Хупдрайвер, лихо растягивая слова и впервые видя себя в роли романтического злодея.

– Фу! – сказала мисс Мергл и вдруг с силой ткнула его под ложечку. Он покачнулся и влетел прямо в вестибюль гостиницы.

– Пропустите меня! – кипит от негодования, воскликнула мисс Мергл. – Как вы смеете загораживать мне дорогу! – И, пройдя мимо него, она направилась прямо в столовую, где укрылась Джесси.

Пока мистер Хупдрайвер пытался удержаться на ногах, ухватившись за подставку для зонтов, Дэнгл и Фиппс, следуя примеру мисс Мергл, в свою очередь, ворвались в вестибюль, причем Фиппс шел первым.

– Как вы смели не пускать эту даму? – спросил Фиппс.

Физиономия у мистера Хупдрайвера, по мнению Дэнгла, была упрямая и даже опасная, но он промолчал. В конце коридора появился пышущий здоровьем слуга и стал настороже.

– Такие люди, как вы, сэр, – сказал Фиппс, – позорят человеческий род.

Мистер Хупдрайвер сунул руки в карманы.

– Да кто вы такие, черт вас возьми? – свирепо воскликнул он.

– А кто вы такой, сэр? – отвечивал ему Фиппс. – Кто вы такой? Вот в чем вопрос. Что вы собой представляете и чем занимаетесь, странствуя с молоденькой несовершеннолетней девушкой?

– Не разговаривайте вы с ним, – сказал Дэнгл.

– Я вовсе не намерен раскрывать все свои секреты первому встречному, – сказал Хупдрайвер. – Этого вы от меня не дождетесь. – И со злостью добавил: – Я говорю это вам, сэр.

Они с Фиппсом стояли, расставив ноги, и крайне свирепо глядели друг на друга, и одному богу известно, до чего бы тут дошло, если бы в дверях не появился раскрасневшийся, но вполне спокойный, долговязый священник.

– Ох уж эта анахроническая юбка, – буркнул долговязый священник в дверях, по-прежнему являя собой жертву предрассудков, требующих, чтобы особа духовного сана ездил только на трехколесном велосипеде и только в черном. С минуту он смотрел на Фиппса и Хупдрайвера, затем протянул руку, несколько раз повел пальцем перед лицом Хупдрайвера и сокрушенно произнес: – Ай-яй-яй!.. – Потом еще сказал: – Фу! – и, фыркнув с отвращением, скрылся в дверях столовой, откуда отчетливо доносился голос мисс Мергл, говорившей, что она просто не может этого понять.

Такое крайнее неодобрение сильно подорвало твердость духа мистера Хупдрайвера, а тут

еще появился массивный Уиджери, и Хупдрайвер совсем сник.

– Это и есть тот человек? – мрачно спросил Уиджери особо предназначенным для такого случая голосом, исходящим откуда-то изнутри.

– Не делайте ему больно! – сжав руки, взмолилась миссис Милтон. – Как бы он с ней ни обошелся... Никакого насилия!

– Сколько вас еще там? – вызывающе осведомился Хупдрайвер, притиснутый к подставке для зонтов.

– Где же она? Что он с ней сделал? – спросила миссис Милтон.

– Не желаю я стоять здесь и слушать, как меня оскорбляют совершенно незнакомые мне люди, – заявил мистер Хупдрайвер. – И не думайте, что я стану это терпеть. Послушать вас, так я съел эту вашу мисс Милтон.

– Я здесь, мама, – послышался голос Джесси, внезапно появившейся на пороге столовой. Лицо ее было белым, как мел.

Миссис Милтон пробормотала что-то насчет родного ребенка и в порыве чувств бросилась к Джесси. Они, обнявшись, исчезли в столовой. Уиджери хотел было, последовать за ними, но остановился.

– Убирайтесь-ка лучше подобру-поздорову, – сказал он, обращаясь к мистеру Хупдрайверу, – а то придется вам отвечать на весьма малоприятные вопросы.

– И не подумаю, – сказал мистер Хупдрайвер, и от такой смелости у него даже дух захватило. – Я здесь для того, чтобы защищать эту юную леди.

– Думается, вы уже достаточно причинили ей зла, – сказал Уиджери.

– Ясное дело! – угрожающе поддакнул Фиппс.

– Я выйду в сад и посижу там, – с достоинством заявил мистер Хупдрайвер. – Там я и буду.

– Не ссорьтесь вы с ним, – сказал Дэнгл.

На пороге столовой показался священник, он вышел, прикрыв за собой дверь.

Мистер Хупдрайвер с минуту вызывающе смотрел вокруг, затем направился в сад. Но за этой внешней храбростью таилась буря тревожных опасений. За кого они его приняли? Могут ли они ему что-нибудь сделать? Ведь он же не причинил никакого зла! Не под опекой же она находится! Во всяком случае, он надеялся услышать от ее мачехи благодарность.

Реальный мир снова обступил нас, и наше сентиментальное путешествие окончено. Представьте себе перед гостиницей «Рыжий камень» целую выставку различных средств передвижения на колесах, возле которой с важным и внушительным видом стоят Дэнгл и Фиппс, а также владелец изысканной двуколки из Рингвуда. Уиджери и священник маячат в вестибюле гостиницы, видимо, прислушиваясь к приглушенным звукам, доносящимся изнутри. В саду за домом на скамейке в состоянии нервной прострации сидит мистер Хупдрайвер. Сквозь открытое окно одного из номеров доносятся женские голоса, они звучат то громче, то слабее, словно там идет совещание. Время от времени слышится что-то похожее на девичье всхлипывание.

– Ума не приложу, где, черт возьми, она могла его подцепить! – с возмущением говорит Фиппс, обращаясь к Дэнглу.

– Но кто же этот человек в коричневом костюме? – спрашивает священник, обращаясь к Уиджери. – Что-то я не пойму.

И тот же самый вопрос задают в гостинице.

Дама в темно-зеленом, да будет вам известно, – это мисс Мергл, школьная учительница Джесси, которая прежде всего разослала во все стороны множество коротких телеграмм и таким образом ускорила поимку беглянки. Священник по счастливому стечению обстоятельств был знаком с мисс Мергл и встретился им, когда они сошли с поезда в Рингвуде. Едва ли нужно добавлять, что гениальная мысль воспользоваться услугами велосипедного магазина родилась в наполеоновском мозгу Дэнгла.

Миссис Милтон склонна была закатить чувствительную сцену, однако Джесси мягко, но решительно отклонила изъявление чувств с ее стороны и открыла полемику.

- Почему это за мной устроили такую нелепую погоню? – спросила она, когда священник направился к выходу.
- А почему ты вела себя так нелепо? – спросила мисс Мергл.
- Джесси, – трепетным голосом воззвала к ней миссис Милтон. – Скажи мне...
- До чего дойдут нынешние девушки, – перебила ее мисс Мергл, – просто трудно себе представить. И откуда только они набираются таких сумасбродных идей? Все это хорошо в романах...
- Скажи, кто этот человек? – продолжала миссис Милтон. – Где ты с ним познакомилась? Почему ты вдруг убежала с ним?
- В жизни не видела, чтобы так нелепо и странно переиначивали все, чему я учила, – сказала мисс Мергл. – Просто не представляю себе, какое можно найти оправдание...
- Он выглядит таким простым, таким вульгарным...
- Разъезжать вот так по всей стране...
- Неужели тебе *ничего* сказать?
- Если бы, – сказала Джесси, – вы дали мне хоть слово выговорить...
- Говори же! – приказала миссис Милтон.
- Это так ужасно! – воскликнула мисс Мергл.
- Этот молодой человек, – начала Джесси, – один из самых храбрых, самых бескорыстных, самых деликатных...
- Конечно, конечно, – сказала миссис Милтон. – Но где ты все же могла познакомиться с таким человеком?
- С этим образцом совершенства? – добавила мисс Мергл.
- Он спас меня.
- Скажите пожалуйста!
- От вашего друга мистера Бичемела! – Тут нервы у Джесси не выдержали, и она расплакалась.
- Мистера Бичемела?! – воскликнула миссис Милтон, сразу предположив самое ужасное. – О!
- Что такое? – спросила мисс Мергл. – Уж конечно этот ужасный человек...
- Мистер Бичемел догадался, что я недовольна была своей жизнью дома. И он уговорил меня... наболтал мне всякой чепухи... – Джесси замялась.
- Ну и что же?
- Женщины пишут в книгах насчет свободы, и чтобы жить так, как хочется, и тому подобное. Но такой свободы не существует, человек должен работать для того, чтобы жить, если он не хочет жить за счет кого-то Другого. Я обо всем этом не подумала. Мне хотелось чего-то добиться в жизни, стать кем-то, что-то делать – самоотверженное, благородное.
- Точка зрения в высшей степени эгоистическая, – прервала ее мисс Мергл, – все о себе, о своих мечтах...
- А мистер Бичемел? – с расстановкой повторила миссис Милтон.
- Он давал мне читать книги, настраивал меня против праздной жизни, которую я вела, уговаривал уехать с ним. Он говорил, «кто поможет мне занять свое место в жизни.
- Она умолкла.
- Ну и что же дальше?
- Он хотел заставить меня выйти за него замуж!
- Господи помилуй! – воскликнула мисс Мергл. – Как же так? Это же двоеженство!
- Продолжай же, – сказала миссис Милтон, теребя носовой платок. – Продолжай. Расскажи нам, что же все-таки *было* ... Он бросил тебя?
- Мы путешествовали, как брат и сестра.
- Так, так!
- Но... этот вульгарный молодой человек, как вы его называли, который сидит сейчас на улице, увидел нас и кое о чем догадался.
- Ну и что же?
- И когда мне уже казалось, что... я попала в западню, он вмешался. Если бы вы знали, как мужественно, как решительно, как скромно он себя вел!.. Совсем по-рыцарски!

– Ну, а мистер Бичемел... – начала было миссис Милтон.

– Почему же ты не вернулась домой? Почему он не привез тебя сразу домой, – спросила мисс Мергл, – после того, как избавил от этого... человека?

– Наверно, потому, что мне было... очень стыдно. Потому, что мне не хотелось возвращаться домой после поражения. Я как-то всего этого не сознавала. Мне казалось, что я все-таки смогу жить независимо...

– Но он-то знал, что это не так, этот твой герой из мастеровых, – возразила мисс Мергл. – Уж он-то, конечно, знал. И не говори мне...

– Он изучал меня.

– Должно быть, он какой-то удивительно слабовольный молодой человек, если позволил своенравной девчонке, едва достигшей семнадцати лет, таскать себя по всем дорогам...

– Ничего не понимаю! – простонала миссис Милтон.

– Какая дичь! Какое нелепое поведение! – негодовала мисс Мергл. – Я могу приписать твои действия только духу беспокойства...

– Я все сделала, чтобы уберечь тебя, Джесси, – сказала миссис Милтон.

– Уберечь меня! Что вы хотите этим сказать? – спросила Джесси.

– Я всем говорила, что ты отправилась в гости... к друзьям, которые живут далеко отсюда. Ни одна живая душа в Сэрбитоне...

– ...этому духу беспокойства, – продолжала мисс Мергл, – который охватил столько женщин в наше суетно-праздное время...

– Но почему надо лгать? – спросила Джесси. – Почему люди не должны знать правду обо мне и о том, что я сделала? Я не вижу тут ничего такого...

– Дорогая моя! – воскликнула миссис Милтон. – Твоя репутация будет *погублена* !

– Но *почему* ?

– Прочти «Сезам и лилии», – посоветовала мисс Мергл. – Почитай Шекспира... или Кристину Росетти. Там по крайней мере ты найдешь возвышенные идеалы...

Однако ни мачеха, ни падчерица не обратили ни малейшего внимания на ее слова.

– Почему моя репутация будет погублена? И что это значит?

– Никто в Сэрбитоне никогда больше не пригласит тебя к себе! – сказала миссис Милтон. – Ты станешь парией. Перед тобой закроются все двери...

– Но я же не сделала ничего плохого! – сказала Джесси. – Все это только условности...

– А все будут считать, что сделала.

– Неужели я должна лгать из-за того, что кто-то может не так подумать? Глупо! И потом, кому нужны люди, которые так думают?

– Милое мое дитя, ты просто не понимаешь...

А мисс Мергл тем временем, нимало не заботясь, слушают ее или нет, продолжала пространные рассуждения об Идеалах, Истинной Женственности, Необходимости блюсти сословные границы, о Здоровой Литературе и тому подобном.

– Простая, здоровая, честная жизнь... – говорила она.

– Вот и мисс Мергл скажет тебе то же самое, – возвала к ее поддержке миссис Милтон, и мисс Мергл тотчас прервала свои излияния и подтвердила, как важно держать в тайне поездку Джесси.

– Люди считают, что ты уехала в гости, – сказала мисс Мергл, – и если не возбудить их подозрений, они никогда не станут расспрашивать тебя. Нет ни одного довода за то, чтобы люди это знали, и все за то, чтобы они ничего не знали...

– И это значит жить безбоязненно и честно!

– Если ты в самом деле хочешь жить безбоязненно и честно, ты не должна так безрассудно поступать, – изрекла мисс Мергл, озаренная блестящим наитием.

Тем временем мистер Хупдрайвер с грустным видом сидел в саду на солнышке. Кончилось его чудесное путешествие – во всяком случае, путешествие с ней; познав удар судьбы, разъединивший их, он понял, что значили для него эти дни. Он попытался угадать, каково же ее общественное положение. Конечно, ее вернут в тот мир, к которому она принадлежит, на недоступные ему светские высоты. И она снова станет неприступной Юной Леди.

Позволят ли ему проститься с ней?

Как необыкновенно все было! Ему вспомнилось, как он впервые увидел ее: она ехала по дороге вдоль реки, освещенная сзади солнцем; вспомнилась ему и чудесная ночь в Богноре, и ему казалось, что все произошло потому, что он этого хотел. Здорово он тогда себя показал. «Какой вы храбрый, какой храбрый!» – сказала она ему. А потом, когда она утром спустилась к нему – такая милая, такая уравновешенная, – она все время была уравновешенная. Но быть может, ему следовало уговорить ее вернуться домой? Он вспомнил, что такое намерение у него было. А теперь эти люди отобрали ее у него, словно он не имеет права жить с ней на одной планете. А ведь и в самом деле! Он чувствовал, что воспользовался ее незнанием жизни, иначе она не путешествовала бы с ним столько дней. Она была так изысканна, так мила, так спокойна. Он стал вспоминать выражение ее лица, блеск ее глаз, поворот головы.

К черту! Недостоин он даже того, чтобы идти по одной с ней дороге. И никто недостоин. Предположим, ему позволят проститься с ней. Что он ей скажет? Это? Да, скажет. Но они, конечно, не разрешат ему говорить с ней наедине. Тут будет ее мачеха в качестве – как это называется? – дуэньи. Сколько возможностей он упустил! А ведь ему еще ни разу не довелось признаваться в своих чувствах, да, собственно, только сейчас он начал понимать, что он чувствовал. Любовь! Нет, он никогда не посмеет произнести это слово. Скорее это – обожание. Если бы только ему представился хотя бы еще один случай! И этот случай должен представиться когда-нибудь, где-нибудь. Тогда он сумеет излить перед ней душу и будет красноречив. Он чувствовал, что будет красноречив и сумеет найти слова. Хоть он и пыль под ее ногами...

Размышления его были прерваны звуком открываемой двери. Дверь под балконом открылась, и в тени его показалась Джесси.

– Пойдемте отсюда, – сказала она Хупдрайверу, поднявшемуся ей навстречу. – Я возвращаюсь с ними домой. Придется нам проститься.

Мистер Хупдрайвер открыл было рот, закрыл его и молча последовал за ней.

Сначала они шли молча в сторону от гостиницы. Он услышал, как она вздохнула, искоса взглянул на нее и увидел, что губы у нее плотно сжаты, а по щеке катится слеза. Лицо у нее пылало. Она смотрела прямо перед собой. Не в силах придумать, что бы сказать, он засунул руки в карманы и намеренно не смотрел на нее. Через некоторое время заговорила она. Сначала сказала что-то бессвязное насчет пейзажа, потом насчет самообразования. Она взяла его адрес, вернее, адрес компании «Энтробус», и обещала прислать книги. И все же Хупдрайвер чувствовал, что разговор получается какой-то пустой, натянутый, боевой дух Джесси угас. Ему казалось, что она поглощена думами о последнем, проигранном, сражении, и это причиняло ему боль.

«Вот и все, – подумал он. – Она покончила с тобой, Хупдрайвер, старина».

Они спустились в лощину, затем пошли вверх по покатоному, поросшему лесом склону и наконец вышли на высокое открытое место, откуда было видно все вокруг. Там, будто сговорившись, они остановились. Они смотрели на лес, расстилавшийся, словно волнистое море, у их ног, – один лесистый холм за другим терялся в синеватой дымке.

Она стояла чуть выше него, и потому, когда она наконец заговорила, ему пришлось смотреть на нее снизу вверх. Она стояла, озаренная солнечным светом, в сером платье, легкая и изящная, заложив за спину руки. Казалось, что она смотрит на него немного свысока. «Так оно и есть, – подумал он, – иначе и быть не может».

– Ну вот, – сказала она, – настала пора прощаться.

С полминуты он молчал. Затем набрался решимости. Кашлянул.

– Я должен сказать вам кое-что.

И умолк.

– Что же? – удивленно спросила она.

– Я ничего не жду. Но...

И снова умолк. Взгляды их встретились.

– Нет, ничего я не скажу. Ни к чему это. Сейчас это прозвучало бы нелепо. Я ничего не

хотел вам сказать. Прощайте.

Она смотрела на него, в глазах ее читался испуг.

– Нет, – мягко сказала она. – И не забудьте, что надо работать. А также помните, братец Крис, что вы мой друг. Вы будете работать... Кем вы станете... чего может достичь человек за шесть лет?

Он упорно смотрел прямо перед собой; что-то в нем шевельнулось, и очертания его слабовольного рта словно бы стали тверже. Он знал: она поняла то, чего он не смог высказать. И эти ее слова насчет шести лет равносильны обещанию.

– Я буду работать, – сказал он только.

С минуту они стояли рядом. Потом, кивнув головой в направлении гостиницы, он сказал:

– Я не вернусь к ним туда. Можно? Вы дойдете одна?

Она подумала секунд десять.

– Да, – сказала она и, закусив нижнюю губу, протянула ему руку.

– До свидания, – прошептала она.

Он побелел, повернулся, посмотрел ей в глаза, нерешительно взял ее руку и вдруг, послушный внезапному порыву, поднес ее к губам. Она хотела было вырвать руку, но его пальцы только крепче сжали ее запястье. Она почувствовала прикосновение его губ, но он тотчас выпустил ее руку, отвернулся и зашагал вниз. Шагов через десять нога его попала в заячью нору, он споткнулся и чуть не упал.

Ни разу он не оглянулся назад. Она смотрела ему вслед, пока его фигура там, внизу, не стала совсем маленькой, затем, крепко сжав заложенные за спину руки, медленно пошла к Стони-Кроссу.

– А я и не знала, – шептали ее побелевшие губы, – не догадывалась. Даже сейчас... Нет, я ничего не понимаю.

26. Последние строки поэмы

Итак, рассказу нашему, дорогие читатели, пришел конец. Пусть мистер Хупдрайвер лежит в папоротниках, не будем больше за ним подглядывать и прислушиваться, ровно ли он дышит. А о том, что из всего этого получилось, что произошло по истечении шести лет и дальше, здесь не место рассказывать. Собственно говоря, мы и не можем об этом рассказать, ибо, сопоставив даты, вы быстро убедитесь, что эти годы еще впереди. Но если вы увидели, как простой приказчик, неотесанный мальчик и к тому же еще дурак, может вдруг дойти до осознания некоторого несовершенства нашей жизни, и в какой-то мере посочувствовали ему, – цель моя достигнута. (Если же мне не удалось ее достигнуть, да простит нам обоим небо!) Не станем мы следовать и за безрассудной юной дамой его сердца в Сэрбитон, где ей предстоит снова сражаться против объединенных усилий Уиджери и миссис Милтон. Ибо, как она вскоре услышит, этот преданный поклонник получил свою награду. Давайте посочувствуем ей тоже.

Описание конца этого великого отпуска – а осталось еще пять дней – тоже лежит за пределами нашего повествования. Можете представить себе тощую, одинокую фигуру в пыльном коричневом костюме, пестрых носках и коричневых ботинках, не предназначенных для езды на велосипеде, мчащуюся в направлении Лондона через Хемпшир и Беркшир и Сэррей. Человек этот в дороге экономен по многим основательным причинам. День за днем продвигается он, и с каждым днем чуточку дальше, на северо-восток. У этого человека узкие плечи, загорелый и обветренный нос и смуглые, с покрасневшими суставами руки. Вы заметите, что лицо его хранит задумчивое выражение. Время от времени он беззвучно посвистывает, а порой громко восклицает: «А все-таки чертовски здорово все получилось!», – но порой, по-моему, слишком часто он выглядит раздраженным и отчаявшимся.

– Я знаю, – говорит он, – знаю, что все кончено. Куда мне! Разве ты мужчина, Хупдрайвер? Посмотри на свои дурацкие руки! О господи! – И, охваченный внезапной яростью, он какое-то время мчит во весь дух.

А потом лицо его снова проясняется. «Даже если я ее не увижу, – думает он, – она ведь обещала прислать мне книги. И мысль эта приносит ему некоторое облегчение. Потом приходит другая мысль: «Книги?! Ну что значат книги?» А иной раз воспоминания о

пережитых приключениях оживляют его взор.

– А все-таки я сорвал его игру, – произносит он вслух. – Сорвал!

В такие минуты его можно даже назвать счастливым. Но бывают у него и минуты сомнений.

– А что, если человек будет стараться изо всех сил, что это ему даст?

Словом, в уме у этого человека царит полный хаос, и одному небу известно, что из всего этого получится. Слишком много в голове у него теснится всяких дум, а потому он больше не позирует и лишь редко заговаривает с теми, кто встречается ему на пути. Машина его, заметьте, выкрашена серой эмалевой краской и снабжена звучным звонком.

Человек этот проезжает через Бейзингсток, Бэгшот, Стейнз, Хэмптон и Ричмонд. И наконец на Главной улице Путни, освещенной последними лучами теплого августовского солнца, в толпе учеников, деловито запирающих лавки, девушек-мастериц, возвращающихся после работы домой, служащих, покидающих свои конторы, среди белых автобусов, везущих запоздалых клерков и дельцов из Сити домой обедать, мы прощаемся с нашим героем. Он вернулся к себе. Завтра надо рано вставать, вытирать пыль, заниматься все той же обыденщиной, начинать все сначала, с той лишь разницей, что теперь появились чудесные воспоминания и еще более чудесные мечты, а на смену противоречивым желаниям пришли честолюбивые планы.

На углу Главной улицы он повернул, со вздохом слез с велосипеда и повел машину к воротам фирмы «Энтробус», которые распахнул перед ним ученик в высоком воротничке. Послышались слова приветствия. Вы слышите: «Южное побережье» и «Погода стояла великолепная – просто великолепная». Он вздыхает: «Да, обменял за два соверена. Чертовски хорошая машина. Жаль только, какой-то идиот выкрасил ее...»

Ворота за ним с грохотом захлопнулись, и он исчез с наших глаз.